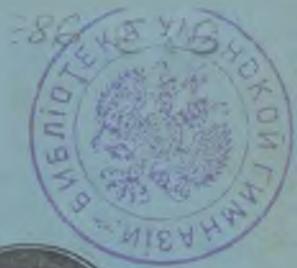

2094
E86

ПЕРЕВІРЕНО
1983 р.

ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ и ГЕОГРАФИЯ

1914

№ 1.
Январь.

НАУЧНО-
ПОПУЛЯРНЫЙ

И

ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ
ЖУРНАЛЪ.

Журналъ ОДОБРЕНЪ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народного Просвѣщенія для фундаментальныхъ библіотекъ всѣхъ срединъ ученыхъ заведеній и для учителскихъ библіотекъ учителскихъ институтовъ и семинарій и городскихъ училищъ; Ученымъ Комитетомъ Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ ОДОБРЕНЪ за всѣ годы существованія и допущенъ на будущее время въ библіотеки подвѣтственныхъ Министерству учебныхъ заведеній; Ученымъ Комитетомъ Министерства Торговли и Промышленности РЕКОМЕНДОВАНЪ въ библіотеки коммерческихъ учебныхъ заведеній.

ПЕРЕВІРено
2015

КОНТОРА РЕДАКЦІИ:
Маснова, Донська ул., д. Даниловой, № 3.

СОДЕРЖАНИЕ.

	Стр.
Морские пути въ Сибирь и сѣверные инородцы. Б. Житновъ.....	1
Наблюдения наѣдъ поналеніемъ ратнаго червя въ западной Сибири. С. М. Чугунова. (Съ 4 рис.).....	14
Изъ лѣтнихъ впечатлѣй. (Парижъ—Бернекаль—Лондонъ). Е. Нобиновой.....	22
Зима въ Николаевскѣ. М. Славова.....	35
Городъ Сухумъ и Абхазія въ настоящемъ и прошломъ. Н. д. Мачавардани.....	49
Планъ постановки преподаванія географіи въ средней школѣ. Н. Арапова.....	74
АКВАРИУМЪ и ТЕРРАРИУМЪ. Интересъ собирания и содержанія водныхъ растеній въ аквариумѣ. Н. Золотницкаго.....	83
КРИТИКА и БИБЛИОГРАФІЯ. Б. М. Житновъ. Полуостровъ Ямаль.— П. М. Головачевъ. Экономическая географія Сибири.....	92
СМѢСЬ. Изслѣдованія проф. Ногучи относительно заразныхъ болѣзней.— Новое изъ области биологии антарктическихъ странъ	94
ХРОНИКА. О. Н. Чернышевъ.—50-лѣтие Общества Акклиматизаціи животныхъ и растений	97
ОБЪЯВЛЕНИЯ	1—32

8774

ГОДЪ XIX.

Январь.

1914.

Морскіе пути въ Сибирь и съверные инородцы.

Лѣтомъ 1913 года Сибирское общество пароходства, торговли и промышленности, недавно основанное въ Англії, послало изъ Норвегіи къ устью Енисея грузовой пароходъ „Корректъ“, на борту которого находились: профессоръ Нансенъ, директоръ общества г. Лидъ, секретарь русского посольства въ Норвегіи И. Г. Лорисъ-Меликовъ и членъ Государственной Думы С. В. Востротинъ, много работавшій за послѣднія 20 лѣтъ надъ вопросомъ объ установлѣніи морскихъ сношеній между европейскими морями и устьями великихъ сибирскихъ рекъ. „Корректъ“, прошедший въ Карское море черезъ Карскія ворота и задержанный на нѣкоторое время льдами вблизи береговъ Ямала, 10 августа достичь гавани Диксона, а 15 августа въ Енисейской губѣ прибыль на мѣсто стоянки рѣчныхъ судовъ, пришедшихъ ему навстрѣчу съ грузами изъ Сибири. Послѣ обмена грузами „Корректъ“ ушелъ назадъ въ Норвегію, при чёмъ на обратный путь судна потрачено было только 10 дней. Пассажиры же морского парохода отправились на рѣчномъ пароходѣ въ Енисейскъ и оттуда далѣе въ Сибирь и Россію.

Участіе въ описанной торговой экспедиціі Нансена сильно подняло въ обществѣ интересъ къ съверному морскому пути, возможность широкаго использования которого неоднократно обсуждалась специалистами за послѣднія 5 лѣтъ. Проф. Нансенъ во время пребыванія своего въ Петербургѣ сдѣлалъ о поѣздкѣ своей сообщеніе въ засѣданіи Географического Общества, высказавшись рѣшительнымъ сторонникомъ развитія морскаго пути въ Сибирь. Имъ указано было — рядомъ съ

выясненіемъ чрезвычайного экономического значенія этого пути въ будущемъ — на желательность планомѣрныхъ изслѣдований Карского моря и Енисейской губы средствами правительства и съ помощью нѣсколькихъ небольшихъ, специально оборудованныхъ судовъ, приспособленныхъ по ихъ конструкціи для плаванія среди пловучихъ льдовъ.

Въ послѣдніе годы правительствомъ уже предприняты были нѣкоторыя мѣры къ тому, чтобы развить морскія сообщенія черезъ Ледовитый океанъ къ устьямъ сибирскихъ рѣкъ — со стороны европейскихъ морей и изъ Тихаго океана черезъ Беринговъ проливъ. Изъ этихъ двухъ направлений путь черезъ Карское море, отъ побережья Архангельской губерніи до устья Оби, известенъ былъ русскимъ сѣверянамъ очень давно. Въ началѣ XVII столѣтія жители Холмогоръ, Слободы (Мезени) и Пустозѣрска проводили свои небольшія суда (кочи), груженны обыкновенно хлѣбомъ, въ Обскую губу и оттуда въ укрѣпленный стоявшій у устья Таза острогъ Мангазею, около которого выросъ торговый поселокъ, и гдѣ существовала бойкая торговля съ инородцами края. Плававшіе этимъ путемъ промышленники могли легко уклоняться отъ торговыхъ пошлинъ, и потому московскимъ правительствомъ въ 1620 году морская торговля съ Сибирью запрещена была подъ страхомъ смертной казни. Путь въ Сибирь былъ постепенно забытъ, и только въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія сначала англійскій капитанъ Виггинсъ, послѣ известный шведскій путешественникъ Норденшельдъ достигли устьевъ Енисея, а вслѣдъ за тѣмъ профессоръ Норденшельдъ на суднѣ „Вега“ прошелъ отъ береговъ Норвегіи до Берингова пролива и далѣе въ Тихій океанъ, вынуждѣнnyи лишь вслѣдствіе случайного запозданія выдержать зимовку въ Колючинской губѣ, недалеко отъ Берингова пролива.

Со времени этихъ первыхъ удачныхъ попытокъ плаванія черезъ Карское море неоднократно къ устьямъ Оби и Енисея и обратно проходили торговыя суда, изъ которыхъ только немногія задержаны были неблагопріятнымъ положеніемъ льдовъ или потерпѣли аваріи.

По приблизительному подсчету изъ 120 судовъ, прошедшихъ съ различными цѣлями путь изъ европейскихъ морей къ устьямъ западносибирскихъ рѣкъ, 95 совершили плаваніе благополучно, 20 вернулись съ пути, задержанныя льдами, и 5 погибли во время плаванія.

Такіе благопріятные въ общемъ результаты достигнуты были при недостаточномъ знаніи капитанами судовъ условій плаванія въ неизслѣдованномъ Карскомъ морѣ, при сомнительныхъ картахъ и полномъ отсутствіи на пути мореходныхъ знаковъ. Развитію торговаго мореплаванія мѣшиали также высокія страховые пошлины, отсутствіе портовыхъ сооруженій въ устьяхъ Оби и Енисея и техническія затрудненія по заказамъ и приемкѣ грузовъ изъ Сибири на обратный путь въ Европу.

Въ нѣсколько пріемовъ — на опредѣленные сроки — въ устьяхъ Оби и Енисея устанавливалось правительствомъ порто-франко на нѣкоторыя категоріи товаровъ, но въ общемъ торговая политика здѣсь постоянно мѣнялась, и многіе импортеры грузовъ — что случалось и въ послѣднее время — претерпѣли волокиту и мытарства, мало-располагавшія ихъ къ повторенію попытокъ. Между тѣмъ правильнѣе было бы въ этомъ случаѣ, съ одной стороны, пожертвовать, хотя временно, ничтожными сравнительно съ важностью дѣла таможенными доходами, а съ другой — сумѣть принимать пionеровъ новыхъ и затруднительныхъ еще торговыхъ сношеній черезъ океанъ съ рас простертыми объятіями. Великій царь когда-то не напрасно пилъ ивашку и куриль кнастерь съ голландскими шкиперами въ Петербургѣ. Въ Сибири есть запасы сырья, напр. лѣсъ, а отчасти и хлѣбъ, для которыхъ выгодный выходъ возможенъ только по морскимъ путямъ, а населеніе Сибири растетъ, и страна быстро развивается.

Въ послѣднее время работами нѣсколькихъ экспедицій въ западной части Сибирскаго Ледовитаго океана исправлены были имѣвшія ранѣе важные недостатки морскія карты, а два года тому назадъ правительствомъ отпущены были средства на устройство четырехъ станцій безпроволочного телеграфа: одной въ Архангельскѣ, двухъ въ Карскихъ воротахъ и Югорскомъ шарѣ, — проливахъ, соединяющихъ Баренцево море съ Карскимъ, и одной на берегу полуострова Ямала, въ сѣверной части Байдарацкой губы. Назначеніе этихъ станцій — извѣщать Архангельскъ и порты западной Европы о положеніи льдовъ въ проливахъ и въ западной части Карского моря. Съ началомъ дѣйствія этихъ станцій, теперь уже законченныхъ постройкой, плаваніе черезъ Карское море въ устья Оби и Енисея значительно облегчится, понизятся страховые платежи, и нужно надѣяться, что будетъ находиться все больше и больше охотниковъ вести торговыя сношенія между портами Европы и Сибирию. Несомнѣнно, однако, что и теперь были бы желательны и полезны разнообразныя торговыя льготы для привлечения товаровъ на мало знакомый торговый путь, сулящій въ будущемъ величайшія выгоды Сибири.

Одновременно съ пробужденіемъ интереса къ морскимъ сообщеніямъ съ устьями западно-сибирскихъ рѣкъ были сдѣланы удачные опыты плаванія и вдоль сѣвернаго побережья восточной Сибири изъ Тихаго океана черезъ Беринговъ проливъ. Лѣтомъ 1911 года пароходъ Добровольнаго флота, зафрахтованный казною, съ небольшимъ количествомъ казенныхъ грузовъ, выйдя изъ Владивостока, достигъ устья Колымы и, выгрузивъ товаръ, благополучно вернулся обратно. Въ томъ же году въ Колыму пришло частное американское торговое судно (деревянное, снабженное моторомъ) отъ береговъ Аляски. Американскіе житобои и раныше появлялись часто у сѣверо-восточныхъ береговъ

Сибири, торгуя съ чукчами, но не доходили обыкновенно вдоль съверного берега далѣе Колючинской губы. Въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ 1912 и 1913 годовъ правительствомъ въ Колыму вновь посланы были пароходы, дошедшия на этотъ разъ до Нижне-Колымска и тамъ сдавшіе казенные грузы. Оба парохода также безъ особыхъ затрудненій благополучно вернулись во Владивостокъ. Въ то же время, въ теченіе трехъ послѣднихъ лѣтъ, гидрографическая экспедиція Морского министерства па двухъ ледоколахъ „Таймыръ“ и „Вайгачъ“ изслѣдовала условія плаванія вдоль съвернаго побережья Сибири отъ Берингова пролива. Нынѣшнімъ лѣтомъ оба эти судна, богато снаряженныя для научныхъ изслѣдованій, въ 1912 году доведшия съемки до устья Лены, проходили вдоль побережья до западнаго Таймыра, открывъ въ съверо-западномъ направлениі отъ Челюскина берега неизвѣстной ранѣе земли. Плаванія къ устью Лены со стороны Тихаго океана и являются пока конечной цѣлью указанныхъ рейсовъ, съемокъ побережья и изученія береговой полосы океана, и въ настоящее время пароходствомъ Добровольнаго флота на лѣто 1914 года назначены уже рейсы двухъ пароходовъ: одного въ Колыму, а другого въ Лену. Съ установлениемъ судоходства въ Лену съ востока, останется еще недостаточно изученная и, можетъ-быть, наиболѣе затруднительная для мореплаванія береговая полоса отъ Лены до Енисея въ обходъ далеко на съверъ выдвинувшагося полуострова Таймыра. За преодолѣніемъ затрудненій и на этомъ пространствѣ можетъ быть — теоретически разсуждая — открытъ для плаванія и весь съверо-восточный морской путь изъ Атлантическаго океана въ Тихій. О стратегическомъ значеніи этого пути для Россіи много говорили во времія и послѣ Японской войны.

Если не русскіе, то иностранцы, которые нуждаются въ сырью и въ особенности въ запасахъ лѣса, проложать въ будущемъ постоянные морскіе пути къ устьямъ большихъ рѣкъ Сибири. О значеніи дешевыхъ вывозныхъ путей для паселенія Сибири, которая быстро развивается уже и отъ притока людей, иммигрирующихъ изъ Европейской Россіи, много распространяться нечего: значение это очевидно. Даже пшеница, вывозимая изъ внутренніхъ областей Сибири, не выдерживаетъ — вслѣдствіе громадныхъ разстояній до портовъ Европейской Россіи — желѣзно-дорожнаго тарифа, вывозъ же, напримѣръ, лѣса иначе, какъ рѣчными путями и моремъ, невозможенъ. Съ широкимъ развитіемъ судоходства неразрывенъ вопросъ объ устройствѣ портовыхъ сооруженій въ устьяхъ сибирскихъ рѣкъ, мореходныхъ знаковъ по берегамъ океана и вообще о созданіи опорныхъ пунктовъ на длинныхъ путяхъ слѣдованія судовъ отъ Архангельска до Енисея и отъ Берингова моря до Лены, а можетъ-быть и на всемъ протяженіи съверо-восточнаго морскаго пути. При-

этомъ придется считаться съ тѣмъ обстоятельствомъ, что эта громадная береговая линія почти вполнѣ лишена осѣдлого русского населенія. Вблизи устья Печоры есть еще нѣсколько русскихъ поселковъ (Куя, Пустозерскъ, Великовисочное и др.). Но ближе къ Югорскому шару и далѣе на востокъ берега Карского моря пустыны. Въ бассейнѣ Оби сравнительно многолюдный и бойкій Обдорскъ лежитъ подъ полярнымъ кругомъ, рыбные промыслы занимаютъ лѣтомъ самую дельту Оби, далеко же протянувшаяся на сѣверъ губа лишена осѣдлыхъ пунктовъ. Далеко отъ выхода въ океанъ расположены и самыя сѣверныя поселенія по Енисею. Небольшія постоянныя селенія русскихъ, частью смѣшившихся съ инородцами, есть въ глубинѣ Хатангской бухты, близъ устьевъ Лены, Яны, Индигирки, Колымы и на Анадыри. На береговой линіи вдали отъ устьевъ большихъ рѣкъ русскихъ селеній нѣтъ: рѣки служатъ на сѣверѣ Сибири и единственными въ теченіе лѣта путями сообщенія, и наиболѣе подходящими пунктами для рыбной ловли, которая по преимуществу обеспечиваетъ существование осѣдлого населенія крайняго сѣвера страны.

Несравненно шире въ предѣлахъ тундръ вблизи океана разселены инородческія племена, по преимуществу состоящія изъ кочевниковъ оленеводовъ. Только самыя сѣверныя, весьма суровыя по климату и природѣ и на большихъ протяженіяхъ лишенныя пастбищъ, области Таймыра не обитаемы. На остальной части протяженія тундръ оленеводы и звѣроловы изъ инородцевъ лѣтомъ доходятъ до океана, зимой обыкновенно откочевываютъ къ югу въ полосу криволѣсія и тайги для защиты стадъ отъ бурановъ и для того, чтобы обеспечить себя топливомъ. Восточнѣе устья Колымы до Берингова моря по берегу океана лежать довольно многочисленныя поселенія сидячихъ чукчей, круглый годъ занимающихся рыболовствомъ и морскимъ промысломъ въ прибрежныхъ областяхъ океана. Но и изъ другихъ инородцевъ-кочевниковъ отдельные промышленники остаются кой-гдѣ для промысла медведей и тюленей на крайнемъ сѣверѣ, у океана, и на зиму.

Отъ Мезенской губы Вѣлаго моря, въ тундрахъ Канинской, Малоземельской и Большеземельской, и далѣе черезъ полуостровъ Ямаль и Енисей до Хатангской губы кочуютъ съ многочисленными еще оленевыми стадами племена самоѣдовъ, къ которымъ въ европейскихъ и западноазіатскихъ тундрахъ примѣшиваются оленеводы-зыряне, занимающіе въ общемъ болѣе южныя области тундръ. Приблизительно число самоѣдовъ можно опредѣлить въ 12—14 тысячъ душъ. Отъ Енисея до Чаунской губы вблизи границъ лѣсовъ, а частью до самого океана, бродятъ тунгузскія племена (долгане, ламуты), и на той же территории рѣдко разбросаны юрты осѣдлыхъ и полуосѣдлыхъ якутовъ, главная масса которыхъ населяетъ лѣсной бассейнъ Лены. Отъ нижнаго теченія

Яны къ востоку въ тундрахъ и съверной полосѣ лѣсовъ, кроме того, частью кочуютъ, частью живутъ осѣдо представители такъ называемой палеазіатской группы народностей: юкагиры, чуванцы, чукчи и коряки; вблизи Берингова пролива по океанскимъ берегамъ есть также небольшія поселенія эскимосовъ (до 1000 душъ).

Всѣ инородцы съверной Сибири съ давнишнхъ временъ сроднились съ суровыми климатическими условіями и природой обитаемыхъ ими областей крайняго съвера. Они занимаютъ территоріи, въ которыхъ врядъ ли когда-нибудь — по крайней мѣрѣ, если говорить о сравнительно близкомъ будущемъ — широко разселятся русскіе. Они — лучшіе проводники въ глухихъ, еще совершенно не изслѣдованныхъ хребтахъ съверной лѣсной полосы Сибири. Кромѣ того, они владѣютъ въ общемъ значительными стадами оленей (а частью ѵздовыми собаками), съ помощью которыхъ только и возможно передвиженіе людей и грузовъ на крайнемъ съверѣ. На территоїи полуострова Ямала, прилегающаго съ западной стороны къ Карскому морю, съ восточной — къ Обской губѣ, при общемъ количествѣ самоѣдского населенія приблизительно въ 1000 душъ, количество домашнихъ оленей можетъ быть опредѣлено-примѣрно въ 100.000 головъ. Всего же въ тундрахъ Европейской и Азіатской Россіи можно опредѣлить численность домашнихъ оленей цифрою отъ одного до полутора миллионовъ головъ. Во многихъ мѣстахъ тундръ Архангельской губерніи и Сибири существуютъ привычные, проторенные торговые дороги, по которымъ товары передвигаются изъ тундръ къ ярмарочнымъ пунктамъ — въ родѣ Обдорска, Туруханска, Верхоянска — и обратно въ тунды вплоть до береговъ океана. Можно сказать смѣло, что если исчезнутъ инородцы, то обширныя пространства съверной Сибири обезлюдѣются, горные хребты, въ которыхъ есть основанія подозрѣвать присутствіе полезныхъ ископаемыхъ, сдѣлаются трудно-доступными для изслѣдованія, а многие пункты побережья океана — не достижимыми со стороны суши. Въ видѣ единичного примѣра представимъ себѣ, что со временемъ понадобилось бы основаніе наблюдательныхъ станцій или пунктовъ безпроволочного телеграфа во многихъ мѣстахъ съверного побережья Сибири. Къ такимъ станціямъ еще до начала навигаціи придется доставлять со стороны суши команды на лѣто, можетъ понадобиться охрана ихъ или мореходныхъ знаковъ зимой и т. д. Все это въ настоящее время легче всего исполнить силами перевозочныхъ средствъ инородцевъ и съ помощью самихъ инородцевъ. Обширныя пастбища тундры можно эксплоатировать вполнѣ только при посредствѣ широкого оленеводства.

Можно привести вообще цѣлый рядъ основаній, въ силу которыхъ государству слѣдуетъ обратить вниманіе на судьбу съверныхъ племенъ, —

не въ силу соображеній филантропическихъ, но изъ-за многихъ выгодъ, которыя государство получаетъ съ инородцевъ теперь, и тѣмъ болѣе получить въ будущемъ.

Между тѣмъ многимъ изъ инородческихъ племенъ сѣвера можно предсказать печальную будущность. Монголы и палеазіаты сѣверной Сибири въ извѣстной мѣрѣ переживаютъ то же самое, что пережили племена краснокожихъ Америки. Выносливые и достаточно жизненные въ первобытныхъ условіяхъ, они не выносятъ соприкосновенія съ „культурой“ въ томъ видѣ, въ какомъ она достигаетъ ихъ въ лицѣ торговцевъ, рыбопромышленныхъ артелей, сомнительныхъ торговыхъ „компаний“ и т. д. Статистическія изслѣдованія Патканова *), произведенныя на основаніи всероссійской переписи, показали съ ясностью, что многія изъ инородческихъ племенъ быстро убываютъ въ числѣ, съѣдаемыя болѣзнями, привычкой къ неумѣренному употребленію алкоголя, нерѣдко погибая отъ голода при неудачѣ промысловъ. Въ глубинѣ тундръ Ямала, куда не проникли еще русскіе, путешественникъ встрѣчаѣтъ самоѣдовъ сильными и трезвыми, владѣющими большими стадами оленей и съ тѣми хорошими чертами нравовъ и характеровъ, которыя свойственны вообще первобытнымъ расамъ. Въ тундрахъ Европейской Россіи и на нижней Оби, южнѣе губы, тѣ же самоѣды теряютъ свои стада, переходящія въ руки оборотистыхъ зырянъ, спиваются съ кругу, сдавая свои рыболовныя угодья въ аренду русскимъ рыбопромышленникамъ, и влачать нищее и пьяное существованіе вблизи русскихъ селеній.

Въ сѣверо-восточной Сибири недавно еще довольно сильные экономически чукчи, которыхъ послѣдняя перепись зарегистровала 11.800 человѣкъ, отъ эпидемій и другихъ причинъ потеряли добрую долю своихъ оленевыхъ стадъ, и все большее число ихъ переходитъ въ разрядъ „сидячихъ“, осѣдло живущихъ — за неимѣніемъ оленей — по берегамъ океана. А эти именно чукчи, промышляющіе морского звѣря, болѣе всего страдаютъ отъ торговыхъ сношеній съ американскими китобоями, доставляющими на русскій берегъ въ видѣ главнаго обмѣннаго товара спиртъ и ромъ. Официально русское, теперь къ счастью уже прекратившее свое существованіе „Сѣверо-Восточное Сибирское Общество“, образовавшееся якобы для эксплоатациіи горныхъ богатствъ Чукотскаго полуострова, также занималось — черезъ посредство американцевъ — скучкой пушнины, широко примѣняющей среди чукчей торговлю спиртными напитками **). О сибирскихъ эскимосахъ, живущихъ у береговъ Берингова пролива, нѣмецкій туристъ-охотникъ пишетъ слѣдующее:

„Покинувъ бухту Св. Креста, пошли мы въ бухту Провидѣнія, въ ко-

*.) О приростѣ инородческаго населенія Сибири, С.-Пб. 1911.

**) См. статью К. Н. Тульчинскаго въ „Извѣст. Географ. Общ.“ т. XLII, 1906 года.

торой американская компания содержитъ торговую станцію. Здѣсь встрѣтились мы въ первый разъ съ сибирскими эскимосами. Число ихъ не велико: все племя врядъ ли насчитываетъ больше 1000 душъ, которыхъ живутъ на Азіатскомъ континентѣ, въ 9 селеніяхъ... Въ большей степени, чѣмъ сосѣдніе чукчи, эскимосы сибирского берега приходятъ въ соприкосновеніе съ цивилизаціей черезъ посѣщающихъ это побережье китобоевт. Многіе говорятъ по-англійски, нѣкоторые побывали въ Санть-Франциско, и слѣдствіемъ этой близости съ бѣлыми явилась ихъ дегенерация. Команды китобойныхъ судовъ ввозили въ страну въ массахъ отвратительную водку, за которую они вымѣниваютъ моржовую кость и звѣринъя шкуры. Они наградили эскимосовъ болѣзнями, какихъ тѣ раньше не зналъ, и привели веселый и здоровый народецъ къ грани полнаго паденія *).

Инородцы крайняго сѣверо-востока Сибири вообще имѣютъ дѣловыя и торговыя сношенія въ гораздо большей степени съ американцами, чѣмъ съ русскими. Въ послѣднія десятилѣтія американское правительство черезъ посредство капитановъ китобойныхъ и торговыхъ судовъ скапало на русскихъ берегахъ въ значительномъ количествѣ и домашнихъ оленей для распространенія оленеводства въ Алясکѣ, и, кажется, въ Соединенныхъ Штатахъ только что начавшееся оленеводство сразу стало на гораздо болѣе рациональную почву, чѣмъ оленеводство Сибири, существующее съ незапамятныхъ временъ.

По даннымъ переписей и наблюденіямъ путешественниковъ коряки замѣтно уменьшаются въ числѣ. Юкагиры, нѣкогда многочисленны и сильный народъ, боровшійся, какъ и коряки, за свою независимость съ русскими, близки къ полному исчезновенію. Перепись 1897 года зарегистрировала на пространствѣ округовъ Колымскаго и Верхоянскаго 660 юкагировъ; по X ревизіи въ 1859 году числилось ихъ еще 1686 душъ. Часть юкагировъ, какъ и послѣдніе чуванцы, которые, какъ народъ, уже прекратили свое существованіе, обрусили и слились съ „русскимъ“ населеніемъ поселковъ по Колымѣ и Анадыри. Весьма тяжело въ общемъ экономическое и санитарное состояніе обскихъ остыаковъ и енисеицевъ. Только зыряне Европейской Россіи и западной Сибири и якуты за Енисеемъ по своимъ житейскимъ способностямъ, жизненности и приросту служатъ до извѣстной степени исключеніемъ среди прочихъ инородцевъ сѣвера.

Неудачи въ промыслахъ, часто зависящія отъ недостатка ружей, огнестрѣльныхъ припасовъ и сѣтей, грозятъ нерѣдко не только полнымъ обнищеніемъ, но и голодной смертью бродячимъ и осѣдлымъ

*) Paul Niedieck, Kreuzfahrten im Bering Meer, Berlin 1907.

инородцамъ-промышленникамъ. Доставленіе предметовъ первой необходимости въ нѣкоторыя отдаленныя мѣстности Сибири настолько затруднительно, что, напримѣръ, до послѣдняго времени стоимость пуда муки на нижней Колымѣ доходила до 10 рублей при соотвѣтствующей цѣнѣ на другіе привозные товары. Величина территорій, а часто и сложныя формальности и небрежность мѣстныхъ властей мѣшаютъ населенію пользоваться товарами изъ существующихъ казенныхъ магазиновъ. Не-мудрено поэтому, что путешественники констатировали нерѣдко случаи голодной смерти людей въ глухихъ углахъ Сибири, а также и случаи людоѣдства *). Даже осѣдлое русское населеніе на Колымѣ и Анадыри часто къ веснѣ доживаетъ до полнаго истощенія продовольственныхъ запасовъ и вынуждено обращаться за помощью къ богатымъ чукчамъ-оленеводамъ.

Иногда приходится слышать мнѣніе, что маложизненные инородческія племена съверной Сибири все равно обречены на вымирание, и задерживать это естественное теченіе вещей для государства нѣть оснований. Оставя въ сторонѣ нравственную сторону дѣла, съ этимъ можно было бы согласиться, если бы дѣло шло о занятыхъ инородцами территоріяхъ, вполнѣ пригодныхъ для осѣдлого поселенія русскихъ и вообще для высшихъ формъ культуры. Но я уже указывалъ выше, что многимъ областямъ, занятымъ теперь кочевыми и бродячими инородцами, за исчезаніемъ ихъ суждено — на очень продолжительное во всякомъ случаѣ время — оставаться вустынными. Проникая къ пунктамъ побережья, находящимся въ связи съ надобностями могущаго развиться съверного судоходства, къ мѣстамъ съ богатыми рыбными запасами, залежами ископаемыхъ и т. д., русскіе необходимо должны будутъ часто опираться на инородцевъ и ихъ перевозочные средства. И для государства естественно и благоразумно, по крайней мѣрѣ въ расчетѣ на потребности будущихъ поколѣній, видѣть въ инородцахъ съвера не исключительно душа-уплачивающія ясакъ и исправляющія подводную повинность, но гражданъ, имѣющихъ право разсчитывать на известную долю участія государства въ ихъ судьбѣ и жизни.

Многія причины, влекущія за собою экономическій ущадокъ и вымирание инородцевъ, конечно, практически трудно отвратимы. Довольно мудрено помышлять доставленію торговцами спирта въ лишенные всякихъ путей сообщенія глухіе углы Сибири: торговецъ идетъ туда за барышомъ, а не для филантропіи. Трудно отдать рѣдкое полудикое и бродячее населеніе подъ разумный надзоръ и опеку государственной власти: результаты отъ опеки на практикѣ могутъ получиться самые неожидан-

* См., напр., С. А. Бутурлинъ. Отчетъ уполномоченного Министерства Внутр. Дѣлъ по снабженію продовольствиемъ въ 1905 г. Колымского и Охотского края, С.-Пб. 1907.

ные и нежелательные. Не легко людямъ, живущимъ въ такихъ условияхъ, дать возможность образования, правильную медицинскую помощь и т. д. Однако въ отдаленныхъ случаяхъ и населению отдаленныхъ съверныхъ окраинъ можетъ быть оказана такъ нужная ему помощь въ формахъ практическихъ и исполнимыхъ. Пожалуй, неподвижность — со временемъ Ермака — формъ жизни въ отдаленныхъ углахъ Сибири зависитъ отчасти и отъ того, что жизнь эта далека отъ насъ и культурныхъ центровъ страны и не привлекаетъ достаточно вниманія, заслоненная ближайшими интересами.

Въ работахъ нѣкоторыхъ изслѣдователей и путешественниковъ — напримѣръ, въ упомянутыхъ мною выше книгахъ Патканова и Бутурлина — указаны нѣкоторыя мѣры, которыя — проведенные должнымъ образомъ — могли бы поднять экономическое положеніе и жизненность и русскаго и инородческаго населенія отдаленныхъ съверныхъ окраинъ. До многихъ изъ указанныхъ мѣръ, вѣроятно, не скоро еще дойдетъ очередь. Въ этой краткой замѣткѣ я приведу съ своей стороны нѣкоторыя соображенія о возможности борьбы съ двумя тяжелыми бичами, подрывающими и непосредственно численность осѣдлаго и кочевого населенія крайняго съвера, и достатокъ болѣе обезпеченней и независимой части инородцевъ — кочевыхъ оленеводовъ.

Уже съ тѣхъ отдаленныхъ временъ, когда сибирскіе инородцы впервые познакомились съ русскими, они страдали отъ заносимыхъ къ нимъ болѣзней, среди которыхъ, пожалуй, особенно гибельное дѣйствіе на нихъ оказывала оспа. Ставшая со временемъ примѣненія осененныхъ прививокъ мало опасной въ Европѣ, эпидемическая болѣзнь эта даже и въ настоящее время, всыхивая періодически въ различныхъ мѣстностяхъ съвера Сибири, вызываетъ большую смертность, обезлюживая иногда сразу на половину или болѣе цѣлыхъ селенія и кочевые районы. Борьба съ этой болѣзникою очень проста: это — поголовная прививка детрита. Но статистика говоритъ намъ, что во всей Сибири 1 врачъ приходится на 40.000 населенія и одна больничная кровать на 5000 душъ. О положеніи же медицины въ съверныхъ округахъ Сибири и говорить нечего. С. А. Бутурлинъ, упоминая объ организаціи медицинской помощи на съверѣ Якутской области, замѣчаетъ, что нужно „прежде всего обставить службу медицинского персонала такъ, чтобы мѣста не пустовали всякий разъ, когда между ссылными не окажется медика“.

Въ этомъ конкретномъ случаѣ организаціи прививокъ оспы на помощь приходить то обстоятельство, что дѣло это технически не сложное. Я полагаю, что для этой благой цѣли могъ бы быть использованъ персоналъ довольно многочисленныхъ на съверѣ миссионерскихъ становъ. Обдорская миссія, напримѣръ, обслуживающая съверные лѣса и тундры

Тобольской губернії, при бюджетѣ болѣе 8000 руб., состоить изъ 3 священниковъ, 3 псаломщиковъ и 10 монахинь женской миссіонерской общины. Туруханская миссія насчитываетъ 6 миссіонерскихъ приходовъ: Туруханскій, Верхне-Инбатскій, Тазовскій, Дудинскій, Хатангскій и Ессейскій. Владивостокская миссія изъ 12 становъ имѣеть среди та-ковыхъ Агадырскій, Удской и Коряцкій въ Гижигинскомъ уѣздѣ — по од-ному священнику и одному псаломщику въ каждомъ. Сѣверные станы имѣеть также Якутская миссія; Амурская имѣеть 19 инородческихъ приходовъ.

Изъ отчетовъ Обдорской миссіи можно усмотрѣть, что въ 70-хъ годахъ прошлого столѣтія администрація Тобольской губернії обращалась въ миссію съ вопросомъ о возможности организаціи оспопривива-нія среди сѣверныхъ инородцевъ средствами миссіи. Согласія со сто-роны миссіи, однако, не воспослѣдовало. Въ позднѣйшее сравнительно время; въ бытность начальникомъ Обдорской миссіи архимандрита Ири-нарха, которому Обдорскъ обязанъ многими культурными начинаніями, между прочимъ прекрасной библіотекой и этнографическимъ музеемъ, инициатива организаціи оспопрививанія исходила уже отъ миссіи. Отчетъ 1906—07 года сообщаетъ, что миссіонерское братство въ Обдорскѣ обратилось къ Березовскому уѣздному осеннему комитету съ предло-женіемъ содѣйствовать распространенію осеннныхъ прививокъ населенію глухихъ мѣстностей черезъ священниковъ, псаломщиковъ и толмачей миссіи при ихъ постоянныхъ развѣздахъ по дѣламъ службы. Знаніе инородческихъ языковъ толмачами должно было здѣсь весьма облегчить дѣ-ло. На этотъ разъ такой организаціи медицинской помощи энергично воспротивился бывшій тогда обдорскій врачъ, и толку снова не вышло. Въ другихъ миссіяхъ Сибири вопросъ объ организаціи оспопрививанія и вообще медицинской помощи инородческому населенію, кажется, не поднимался. Между тѣмъ средства духовнаго вѣдомства довольно значи-тельны, и подготовка части персонала къ столь простымъ, но совер-шенно необходимымъ медицинскимъ пріемамъ, каково оспопрививаніе (ко-торое можно слѣдать и актомъ, обязательно сопутствующимъ крещенію или инымъ духовнымъ требамъ), особыхъ трудностей встрѣтить не мо-жетъ. Не была бы затруднительной и придача въ составъ инородче-скихъ миссій обученныхъ монахинь — сестеръ милосердія. Дѣло сводится только къ несложному проявленію извѣстной гибкости въ организаціи необходимой помощи, въ использованіи — пока нѣть еще лучшаго и бо-льшего совершенного — тѣхъ силъ и средствъ, которыя имѣются налицо и на мѣстахъ.

Другой жестокій бичъ сѣвернаго кочевого населенія, отъ котораго-періодически страдаютъ цѣлые обширные округа, который приходитъ

неожиданно, измѣнная привычные условия жизни и создавая нищету и экономическую кабалу части населенія,— это повальные падежи сѣверныхъ олепей. Они бываютъ уже не самихъ инородцевъ, а ихъ стада. Но, теряя стадо, оленеводъ впадаетъ въ нищету, часто уже не можетъ подняться, связывается навсегда съ районами русскихъ рыболовныхъ промысловъ и торговыхъ пунктовъ, а следствиемъ этого бываетъ пьянство, сифилисъ и снова постепенное вымирание инородческаго населенія. Эпизоотія, наиболѣе опасная для оленыхъ стадъ,— сибирская язва. Возникшая периодически въ различныхъ областяхъ тундръ, язва подрываетъ иногда оленеводство цѣлыхъ округовъ, и если подсчитать убытки отъ падежей хотя за послѣднія 10 лѣтъ, то получатся цифры очень замѣтныя. Въ Большеземельской тундрѣ сильный падежъ разразился въ 1903 году, а второй, еще больший, въ 1907. Послѣдний унесъ до 200 тысячъ оленей, на сумму въ 4 миллиона рублей. На сѣверѣ Тобольской губерніи и отчасти въ Туруханскомъ краѣ сильные падежи были въ 1906 и 1907 годахъ и повторились въ прошломъ году. Чукотское и коряцкое оленеводство также страдали сильно отъ падежей въ послѣднія десятилѣтія.

Оленье хозяйство имѣть въ настоящее время уже не только мѣстное значеніе. Мясо, шкуры и шерсть оленей идутъ изъ тундръ въ центры и за границу; стоимость этихъ продуктовъ, въ особенности шкуръ — въ связи съ общимъ вздорожаніемъ мѣховыхъ товаровъ — съ каждымъ годомъ повышается, и оленеводству на громадныхъ паствающихъ нашего сѣвера открывается широкій просторъ. Неся большие убытки отъ частыхъ падежей, государство теряетъ много и отъ обнищенія, вырожденія и гибели оленеводовъ, и это въ рѣдко населенномъ краю, где каждая человѣческая жизнь, уже и съ чисто утилитарной точки зреянія, особенно драгоценна. Между тѣмъ неоднократно произведенные въ послѣдніе годы въ тундрахъ Архангельской губерніи опыты прививки оленямъ сибирской язвы дали благопріятные результаты, и путь для выработки мѣръ борьбы съ хроническими падежами вполнѣ ясенъ.

Здѣсь приходится считаться съ общимъ состояніемъ ветеринарного надзора въ Сибири, где, кажется, даже на югѣ, на тѣхъ трактахъ, где идетъ прогонъ скота изъ Монголіи, правильного надзора еще не существуетъ. Во всякомъ случаѣ, подходя къ вопросу о помощи оленеводству, нужно оставить довольно распространенное представление о томъ, что тундра на всемъ пространствѣ представляеть собою недоступную и непроѣздную пустыню. Гдѣ есть инородцы и олени, тамъ людиѣздятъ другъ къ другу и умѣютъ найти другъ друга. При превосходномъ знаніи кочевниками своихъ территорій и всѣхъ окружающихъ условій, при обычныхъ у нихъ точныхъ свѣдѣніяхъ о томъ, гдѣ стоять тѣ или другие роды и группы инородцевъ и ихъ стада, объездъ тер-

риторії, охваченої или угрожаемої падежомъ, въ большинствѣ случаевъ не встрѣтить затрудненій. Въ очень многихъ областяхъ сибирской тундры можно очень быстро проѣхать большія пространства на перекладныхъ оленяхъ отъ одного стойбища инородцевъ къ слѣдующему и такъ далѣе.

Несомнѣнно, что при добромъ желаніи и извѣстной энергіі, даже безъ затраты большихъ средствъ, могли бы быть осуществлены государствомъ многія мѣры, которыя должны поднять жизненность и улучшить экономическое положеніе и кочевыхъ инородцевъ и русскаго или — вѣрнѣе — полу-русскаго населенія такихъ глухихъ мѣстностей съ-вера Сибири, какъ бассейнъ Колымы и другія. Есть государства, у которыхъ можно поучиться умѣнью бережнаго и разумнаго отношенія къ туземному, ранѣе также вымиравшему населенію. Если указывать на теперешнє положеніе краснокожихъ Сѣверной Америки, то можно еще получить возраженіе, что при громадныхъ средствахъ страны Соединенные Штаты имѣютъ возможность ставить въ исключительно благопріятныя условія уцѣлѣвшіе остатки „индѣйцевъ“, сохранивъ и оберегая ихъ въ „резерватахъ“ подобно бизонамъ и оленямъ. Но вотъ, напримѣръ, маленькая Данія сѣм'яла почти образцово устроить жизнь эскимосовъ въ Гренландіи. Управлѣніе страной находится въ рукахъ особыхъ инспекторовъ, хорошо обставленныхъ материально. Просвѣщеніемъ завѣдуютъ священники, помощниками которымъ служать сельскіе учителя-эскимосы, получающіе подготовку въ мѣстной учительской семинаріи и частью продолжающіе образованіе въ Даніи. Почти все туземное населеніе грамотно, въ каждомъ округѣ есть врачъ, больница и аптека, и приняты всѣ мѣры къ облегченію обѣзда врачами своихъ участковъ. Вся торговля въ рукахъ правительства, а спиртъ не теоретически только, а на самомъ дѣлѣ не ввозится въ страну.

Не ходя далеко, и наши новоземельскія самоѣдскія колоніи могутъ служить нѣкоторымъ примѣромъ удачной государственной помощи населенію съ-вера. Если въ организаціи этой и нашлись бы какие-нибудь недочеты, то таковые касаются частностей постановки дѣла, а не основной стороны его.

Въ концѣ концовъ затрата нѣкоторыхъ средствъ и силь государствомъ на помощь населенію сѣверныхъ окраинъ по обдуманному плану была бы болѣе благоразумна съ государственной точки зрѣнія, чѣмъ кажущееся сбереженіе наличныхъ средствъ, соединенное съ обнищаніемъ этого населенія, накопленіемъ недоимокъ и periodическими ассигнованіями на прокормленіе голодныхъ и иныхъ экстренныхъ надобности.

Наблюденія надъ появленіемъ ратнаго червя въ западной Сибири.

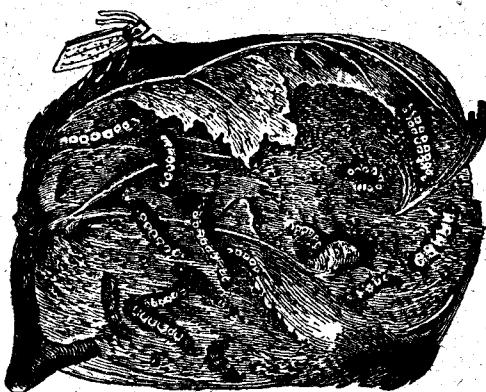
Безконечно разнообразный по формѣ, оттѣнкамъ цвѣтовъ и по образу жизни міръ насѣкомыхъ часто представляетъ интересъ не только для однихъ специалистовъ.

Какъ извѣстно, большинство насѣкомыхъ встрѣчается поодиночкѣ, особенно во взросломъ, вполнѣ развитомъ, состояніи. Нѣкоторыя же насѣкомыя, чаще въ состояніи личиночномъ (въ состояніи червяка),

группируются въ кучи. Для примѣра можно указать на извѣстныя почти каждому тенета, наблюдаемыя весной на вѣтвяхъ черемухи; въ каждомъ тенете находится куча гусеницъ или личинокъ моли, извѣстной подъ названіемъ „черемуховая горностаевая моль“ (*Nyropomeuta evonymellus L.*). Личинки этой моли и сплетаются себѣ общее тенето для защиты отъ непогоды и холода. Въ такой совмѣстной работѣ у личинокъ выражается склонность къ общественной жизни съ цѣлью самозащиты. Рѣже приходится наблюдать личинокъ насѣкомыхъ, длинной вереницей перекочевающихъ съ одного мѣста на другое въ поискахъ за лучшими условіями питанія.

Шаутины общий коконъ гусеницъ яблоневой моли (*Nyropomeuta malinellus*). (Естеств. величина).

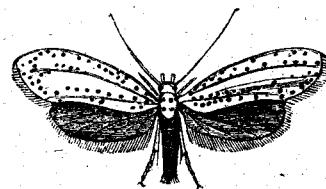
Изъ отряда двукрылыхъ насѣкомыхъ (*Diptera*) семейство „грибныхъ мушекъ“ (*Muscetophilidae*), — названное такъ потому, что ихъ личинки встрѣчаются преимущественно въ грибахъ, — заключаетъ въ своеемъ составѣ интересный видъ темнокрылого комарика, величиной въ 3—4 миллиметра (*Sciara militaris Now.*). Бѣловатыя, съ черной головкой личинки этого вида, длиной около 7—8 миллиметровъ, живутъ обще-

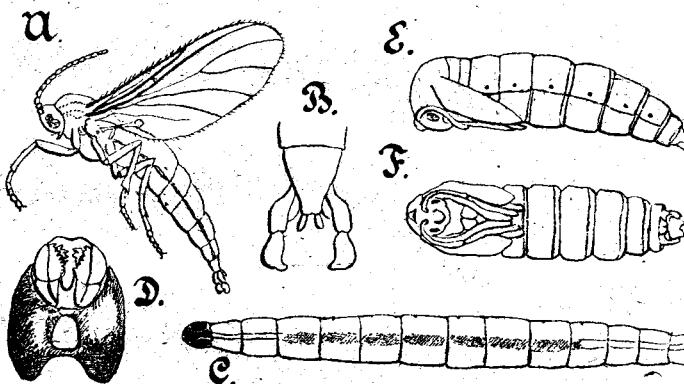
ствами, питаются гниющими листьями и перегнившей хвоей. Въ поискахъ за новыми запасами пищи, а въ иныхъ случаихъ и безо всякой видимой причины, эти личинки скопляются въ большія массы, заключающія въ себѣ тысячи и даже миллионы особей, и, слипаясь другъ съ другомъ при помощи выдѣляемой каждой личинкой слизи, образуютъ длинныя, широкія и довольно толстыя ленты, скользящія и извивающіяся наподобіе исполнинской змѣи. Благодаря такому способу передвиженія сконцомъ личинки получили название *ратнаго черва* (Heerwurm, Heerschlange нѣмцевъ).

Полчища этого вида личинокъ достигаютъ, по указанію Шарпа („Насѣкомыя“, перев. Н. Я. Кузнецова, С.-Пб. 1910, стр. 972), даже ста футовъ въ длину (т.-е. болѣе 14 сажень!), шести дюймовъ въ ширину ($3\frac{1}{2}$ вершка) и одного дюйма въ толщину (болѣе $\frac{1}{2}$ вершка). Эта змѣя ползетъ въ опредѣленномъ направленіи съ медленностью улитки, оставляя за собою на землѣ борозду, какъ материальный признакъ своего прохожденія. Если такая колонна личинокъ встрѣтить на пути препятствіе, напр., камень, то она или, поднимаясь, переходитъ черезъ него, или огибаетъ его.

Колонны ратнаго черва наблюдались въ Норвегіи, Швеціи, Силезіи, Саксоніи, Тюрингіи, Ганноверѣ и у насъ въ Курляндіи, у Копалена.

Hypromoneuta padi Zell.
(*evonymellus* L.).

Sciara militaris Nowic.: A—самецъ, B—конецъ его брюшка съ клѣшами, C—личинка ($\frac{6}{1}$), D—голова снизу, чтобы показать сильныя челюсти ($\frac{24}{1}$), E и F—куколка, сбоку и снизу.

Въ Карпатскихъ горахъ такія колонны почему-то наблюдались всегда значительно меньшихъ размѣровъ, до 20 дюймовъ длины ($11\frac{1}{2}$ вершк.).

Филье („Жизнь насѣкомыхъ“, перев., С.-Пб. 1869, стр. 52) говоритъ, что змѣвидная колонна не встрѣчается въ дурную погоду; напротивъ,

нужно ясное небо, чтобы подобные колонны могли составиться и прйти въ движение.

Единственное указание на появление ратного червя въ Сибири я встрѣтилъ у *Филье*, который пишетъ, что впервые колонны личинокъ наблюдались *Гаспаромъ Швенефельтомъ* въ 1693 году, и что „этотъ натуралистъ прибавляетъ, что жители Сибири смотрятъ на это явленіе какъ на предвѣстіе дурного урожая въ томъ случаѣ, когда личинки поднимаются въ гору, и хорошаго, когда онѣ спускаются въ равнину“. Другихъ прямыхъ указаний въ литературѣ мнѣ не приходилось встрѣтить, но слухи объ исполнскихъ змѣяхъ, наблюдавшихся въ западной Сибири, были нерѣдки. Напр., говорили, что въ 20 верстахъ отъ Томска, около деревни Аксеновой, прилегающей къ кедровнику, нѣсколько лѣтъ тому назадъ видѣли необыкновенно большую змѣю.

Sciara militaris. Муха (самка), куколка и странствующія личинки. (Увелич.)

Проф. *Н. О. Кащенко* въ прибавленіи къ обзору змѣй Томскаго края („Обзоръ гадовъ Томскаго края“, Томскъ 1902, стр. 17) писалъ: „По различнымъ свѣдѣніямъ неспециального характера, въ юго-западной части Томской губерніи и въ сопѣднихъ мѣстностяхъ Семипалатинской области по временамъ встречаются змѣи необычайно большихъ размѣровъ. По сообщенію проф. *Д. Н. Бѣликова*, въ барнаульскомъ архивѣ имѣется даже старинное официальное дѣло о гигантскомъ змѣѣ. Но и въ новѣйшее время, даже за время моего пребыванія въ Томскѣ, повторно отъ времени до времени, возникаютъ слухи и печатаются газетныя замѣтки о появленіи необычайныхъ размѣровъ змѣи то въ одномъ, то въ другомъ пункте упомянутыхъ мѣстностей. Длина змѣи обыкновенно указывается колоссальная: въ 2—3 сажени и даже болѣе... Находясь лѣтомъ 1900 года въ деревнѣ Саушкѣ, близъ Змѣиногорска, я услышалъ отъ мѣстныхъ жителей, что 7 лѣтъ тому назадъ

мимо ихъ деревни „горами проходилъ змѣй“ въ нѣсколько сажень длины... Разсказъ, и помимо размѣровъ змѣя, былъ прикрашенъ совершенно невѣроятными подробностями“.

„Сообщаю объ этомъ,— пишетъ въ заключеніе профессоръ,— главнымъ образомъ для того, чтобы обратить вниманіе коллекторовъ на этотъ вопросъ“.

Въ № 200, отъ 12 сентября 1913 года, томской газеты „Утро Сибири“ помѣщена перепечатка изъ барнаульской газеты „Алтай“, подъ заглавиемъ „У страха глаза велики“. Въ замѣткѣ сообщается, что крестьянинъ дер. Ново-Бѣлокурихи, Сычевской волости, Бійскаго уѣзда, Прокопій Макаровъ 11 сего августа въ лѣсистой мѣстности, называемой „Чайная“, верстахъ въ 5 отъ деревни, на разстояніи отъ себя не болѣе 3 сажень между камнями замѣтилъ что-то блестящее; присмотрѣвшись, онъ увидѣлъ, что это — живое существо, какъ онъ говорить, — змѣй... Макаровъ такъ напугался, что не помнить, какъ онъ очутился подъ горой, саженяхъ въ 30 отъ прежняго мѣста... Макаровъ упорно настаиваетъ, что это былъ дѣйствительно „змѣй“, толщиною въериковъ пяти, длины же опредѣлить не можетъ, такъ какъ онъ былъ между камнями, и видѣлъ лишь средину змѣи: все-таки предполагается, что длина змѣи была аршинъ въ пять.

„Замѣчательно то,— говорится въ корреспонденціи,— что нѣкоторые зѣ мѣстныхъ крестьянъ говорятъ, что лѣтъ 10 тому назадъ также имѣли такого змѣя“.

Здѣсь я считаю умѣстнымъ передать недавно сообщенные мнѣ два изсказа о видѣнныхъ большихъ „змѣяхъ“, изъ которыхъ одинъ разказанъ мною проверенъ.

Въ теченіе минувшаго лѣта 1913 года я находился въ командировкѣ въ Сургутскомъ уѣздѣ, Тобольской губерніи, для зоологическихъ сборовъ. Гор. Сургутъ расположенъ на возвышенномъ правомъ берегу рѣки Оби и окруженою частью богатой болотами рѣчкой Саймой, частью тайгой. Къ югу, въ 65 верстахъ отъ Сургута, находится село Юганское, на берегу рѣки Большого Югана, также окруженное мрачной тайгой и болотами.

Въ бытность мою въ с. Юганскомъ, 23 июня, мѣстный торговецъ, лицо достаточно интеллигентное, Александръ Николаевичъ Тетюцкій, здоровый мужчина, лѣтъ подъ 50, рассказалъ мнѣ, что лѣтъ 20 тому назадъ, въ августѣ, охотясь съ товарищемъ верстахъ въ десяти отъ села, на правомъ берегу р. Югана, среди таежной мѣстности, на пригоркѣ кочковатаго болота онъ видѣлъ змѣю длиной отъ $3\frac{1}{2}$ до 4 аршинъ, толщиной въ голень ноги, сѣраго цвѣта. Змѣя, казалось, лежала неподвижно. Изумленные оба, съ товарищемъ, остановились на почти-

тельномъ разстояніи. Но скоро замѣтили, что змѣя тихо шевелится, подняла голову; тогда они, испуганные, убѣжали. И только дома оправились отъ страха и подумали: почему же они не стрѣляли въ змѣю, когда оба были съ хорошими заряженными ружьями?

Живость рассказа и убѣжденность рассказчика невольно подкушаютъ въ пользу правдивости рассказа. Но вотъ другой рассказъ о змѣи, который уже мною пропрѣренъ.

Вечеромъ (около 7 часовъ) 28 іюня, въ пасмурную погоду, я только что вернулся съ экскурсіи по окрестностямъ Сургута. Прибѣгаешь прислуга одного сургутскаго жителя съ вѣстью, что за рѣкой Саймой на огородъ ползетъ большая сѣрая змѣя, аршина въ полтора, и что хозяинъ проситъ меня пріѣхать на огородъ.

Пока я дошелъ до берега рѣки и переправлялся черезъ послѣднюю, стало темнѣть по причинѣ накрапывающаго дождя. По прибытіи на огородъ, засѣянный капустой, я увидѣлъ, что черезъ одну грядку змѣевидно протянуто что-то сѣрое. При ближайшемъ разсмотрѣніи оказалось, что это была змѣевидно вьющаяся, около пяти четвертей длиной (около метра), шириной въ большой палецъ руки (до 3 сантиметровъ) и толщиной немнѣе послѣднаго (около 1 сантиметра) колонна маленькихъ, до 1 сантиметра длиной, бловатыхъ (восковиднаго цвѣта) съ черной головкой личинокъ. Передній конецъ колонны былъ толще, задній тоньше. Личинки шли кучей, всползая одна на другую, направляясь отъ тайги, лежащей по одну сторону огорода, къ рѣчкѣ Саймѣ, примѣрно съ сѣвера на югъ.

Я собралъ двѣ небольшихъ пробирки этихъ личинокъ, при чёмъ замѣтилъ, что сцѣпленіе послѣднихъ было настолько слабымъ, что онъ легко разсыпалась; я пробовалъ приподнять колонну за болѣе тонкій задній конецъ, но и здѣсь сцѣпленіе личинокъ было слабое.

Къ сожалѣнію, наступающая темнота и холодъ побудили меня прекратить интересное наблюденіе. На другой день, теплый и ясный, колонны личинокъ на огородѣ не было видно.

Если бы не было этого второго наблюденія надъ змѣевиднымъ движениемъ колонны личинокъ, а оставался бы только непропрѣренный рассказъ о сѣрой змѣѣ, толщиной въ большой палецъ и длиной въ полтора аршина, нетрудно было бы заключить, что эта змѣйка — прямая родственница той, которая напугала юганского торговца Тетюцкаго, но во всякомъ случаѣ это была бы та же „змѣя“, а не другое животное.

Въ Германіи появленіе колоннъ ратнаго червя обыкновенно наблюдалось въ іюль и въ началѣ августа. Бремѣ въ IX томѣ „Жизни животныхъ“ (перев. подъ ред. Сентъ-Илера, С.-Пб. 1895, стр. 502) такъ описываетъ движение колонны личинокъ ратнаго червя:

„Сѣрая змѣя, длиною до 376 стм. (около 5 аршинъ 5 вершковъ), не всюду одинаковой ширины (отъ трехъ пальцевъ ширины до цѣлой ладони) и толщиною въ большой палецъ, движется съ несвойственною этимъ пресмыкающимся легкостью всюду по листвѣ и травѣ, но съ медленностью улитки пробирается по лѣсу и представляетъ положительно весьма непріятное зрѣлище. Она состоитъ изъ многихъ тысячъ блѣдныхъ личинокъ, которыя благодаря слизистой поверхности тѣла держатся вмѣстѣ и производятъ впечатлѣніе одного тѣла, задній конецъ котораго можно на одно мгновеніе приподнять на палочкѣ въ вышину. Вслѣдствіе того, что каждая личинка въ отдѣльности при обычномъ движеніи придвигаетъ свою заднюю часть тѣла и потомъ выпрямляетъ переднюю, происходитъ движеніе впередъ всей массы, поверхность которой производить для глаза то же впечатлѣніе, какъ тихо текущая вода“.

Далѣе *Бремѣ* говорить, что не доказано, чтобы движеніе колонны личинокъ происходило въ опредѣленное время или держалось опредѣленного направленія. Въ продолженіе года ратный темнокрылъ имѣть одно поколѣніе, появление котораго можетъ видоизмѣняться въ зависимости отъ погоды. По большей части личинки путешествуютъ во взросломъ состояніи, при чмъ даже случается, что отдѣльные экземпляры успѣваютъ окуклиться на ходу. Къ кочеванию могутъ побуждать, кроме поисковъ пищи, слишкомъ большая сухость или сырость.

У *Бремѣ* представленъ и рисунокъ змѣевидно извишающейся колонны ратнаго червя, при чмъ передняя (нижняя) часть рисунка изображаетъ личинокъ въ естественную величину, т.-е. какъ разъ въ такую, какой оказались и взятые мною на сургутскомъ огородѣ личинки.

Особенность наблюдавшагося мной случая состоитъ въ томъ, что колонна ползла вечеромъ, въ пасмурную и сырую погоду. Мнѣ кажется, такая особенность объясняется тѣмъ, что колонна образовалась днемъ, при ясномъ небѣ, но при медленности движенія была застигнута къ вечеру неблагопріятной погодой; не имѣя на огородѣ надлежащаго крова, въ видѣ слоя хвои или листвы, личинки старались держаться другъ подъ друга и этимъ сохранили ратный порядокъ.

Въсегда цилиндрической формы личинки, гладкія и безногія, оказались неодинаковой величины: длина ихъ колеблется отъ 6 до 9 миллиметровъ, въ поперечномъ размѣрѣ до 0,5 миллиметра. Черная, слегка уплощенная, головка уже тѣла, состоящаго изъ 12 видимыхъ подъ лупой сегментовъ; слегка суживающійся задній конецъ тѣла тупой; чрезъ полупрозрачные покровы просвѣчиваетъ пищеварительный каналъ, наполненный мѣстами темноватыми остатками пищи. Слегка изогнутыя чешустные пластинки снабжены (на внутреннемъ краѣ) каждой восемью острыми зубцами, изъ которыхъ три передніе имѣютъ округленную фор-

му, задніе же остроконечные, немного загнутые наподобіє зубьевъ пилы. Глазъ на головкѣ не замѣтно.

Такимъ образомъ пугающе явленіе исполинскихъ „змѣй“ въ Томскому краю, а равно и въ Сургутскомъ уѣздѣ объясняется шествиемъ личинокъ или *ратнало червя* (*Sciara militaris* Now.), или, по крайней мѣрѣ, вида, близкаго этому темнокрылому комарику.

Въ самомъ дѣлѣ, разсказы о видѣнныхъ исполнинскихъ „змѣяхъ“ подтверждаютъ:

1) *Форму колонны личинокъ*.— Я, подходя къ медленно двигающейся колоннѣ, на мгновеніе счелъ ее также за змѣю, но мнѣ показалось страннымъ, что ея передній толстый конецъ какъ будто безъ головы, почему я наклонился ближе къ этой предполагаемой змѣї. Другіе наблюдатели видѣли колонну только издали, на разстояніи не менѣе, вѣроятно, сажень 2—3 или еще болѣе, почему отдалъ маленькая личинки не могли быть замѣчены, а общий видъ колонны имѣть поразительное сходство съ медленно ползущей змѣей.

2) *Величину*.— Наблюдавшаяся мною колонна была до полутора аршинъ длины и въ большой палецъ ширины; г. Тетюцкій видѣлъ змѣю до 4 аршинъ длины, толщиной (собственно — шириной, такъ какъ за дальностью разстоянія онъ не могъ правильно судить о толщинѣ змѣи) въ голень ноги, т.-е. примѣрно вершковъ до трехъ; крестьянинъ Макаровъ былъ испуганъ змѣей почти въ пять аршинъ длиной и вершковъ пяти толщиной (т.-е. тоже — шириной, такъ какъ онъ видѣлъ змѣю на разстояніи около 3 сажень); натуралистъ Бремѣ описываетъ длину колонны ратнаго червя до 5 аршинъ 5 вершковъ и ширину въ ладонь, т.-е. немногого болѣе двухъ вершковъ; проф. Кащенко передаетъ разсказы о змѣѣ длиною въ 2—3 сажени и даже болѣе. По указанію Шарпа, колонны достигаютъ длины даже болѣе 14 сажень, при ширинѣ въ $3\frac{1}{2}$ вершка, но въ Карпатскихъ горахъ наблюдаются процесіи гораздо меньшихъ размѣровъ: отъ 3 до 11 вершковъ.

3) *Цвѣтъ*.— Я видѣлъ колонну съраго цвѣта: такое впечатлѣніе давала масса восковидныхъ личинокъ съ черной головкой; г. Тетюцкій видѣлъ сѣрую змѣю; Бремѣ также говоритъ о сѣрой змѣѣ, указывая на блѣдный цвѣтъ личинокъ.

4) *Блескъ*.— Макаровъ говоритъ о блестящемъ живомъ существѣ — змѣѣ; Бремѣ говоритъ, что движение массы личинокъ производить впечатлѣніе тихо текущей воды, а вѣдь тихо текущая вода даетъ легкій блескъ. Также и Шарпѣ сравниваетъ движение личинокъ съ видомъ льющейся колонны. Я видѣлъ колонну личинокъ вечеромъ и блеска отъ нея замѣтить не могъ, но, имѣя въ виду гладкую слизистую поверхность тѣла личинокъ, матово-блѣдаго цвѣта, съ блестящей черной голов-

кой, не сомневаюсь, что въ ясный день такая колонна будетъ при движении давать блескъ.

Очевидно, въ западной Сибири, по крайней мѣрѣ въ предѣлахъ Томского края, а также и въ лежащемъ гораздо сѣвернѣе Сургутскомъ уѣздѣ (напр., деревня Ново-Бѣлокуриха лежитъ подъ 52° сѣв. шир., а гор. Сургутъ подъ 61° 15' сѣв. шир.), появление лѣтомъ процессій ратнаго черва среди хвойныхъ или лиственныхъ лѣсовъ нельзя считать большой рѣдкостью; но, насколько можно судить по литературнымъ даннымъ,—по крайней мѣрѣ за послѣднія два столѣтія,—на глаза натуралиста такая колонна въ Сибири попалась въ первый разъ.

Отношеніе разныхъ лицъ къ процесіямъ ратнаго черва неодинаково. Натуралисты-наблюдатели свободно обращаются со змѣвидной колоннией, соединяя оба конца ея другъ съ другомъ. Въ этомъ случаѣ получается фантастическое живое кольцо, которое можетъ вращаться цѣлыми часами въ теченіе дня, прежде чѣмъ гдѣ-нибудь разорвется, и тогда, по выражению *Шарпа*, все войско получаетъ снова видъ льющейся колонны. Образованные нѣмки, по словамъ *Брема*, пользуются этимъ явленіемъ, какъ оракуломъ для собственной своей персоны: онѣ бросаютъ на дорогу червю платья и ленты и считаютъ себя счастливыми, если червь проползетъ по ихъ предметамъ, и несчастными, если червь обойдетъ платье. Простые люди въ Германіи смотрятъ на появленіе ратнаго черва, какъ на предвѣстіе войны, почему его зовутъ также *Kriegswurm* — червь войны. Хотя старинный натуралистъ *Шенебельдъ* говорить, что будто бы жители Сибири судять по движению колонны ратнаго черва объ урожаѣ, но лично мнѣ за всѣ 32 года жизни по ту сторону Урала не приходилось слышать какихъ-либо суевѣрій по случаю встрѣчи съ исполнинскими „змѣями“. Появленіе ихъ, по-видимому, внушало только страхъ, что, конечно, объясняется ядовитостью настоящихъ змѣй и чувствомъ брезгливости къ этой рептилії. Можетъ быть, въ совокупности этихъ чувствъ и кроется причина, почему никто изъ простыхъ людей не рѣшился ближе посмотретьъ на загадочную исполненную сѣрую „змѣю“.

С. М. Чуцуновъ.

Изъ лѣтнихъ впечатлѣній.

(Парижъ — Берневаль — Лондонъ).

I.

Вечеромъ въ 9 час. мы выѣзжаемъ съ Брестскаго вокзала въ Варшаву, а оттуда въ Берлинъ. Настроеніе съ утра приподнятое. Въ 2 часа собесѣданіе въ помѣщении Учебнаго Отдѣла. Интересно въ первый разъ увидать будущихъ товарищей по экскурсіи: первое впечатлѣніе часто бываетъ такъ вѣрно... Все время думаешьъ, что съ этими, пока совсѣмъ чужими людьми предстоитъ совершить длинный путь, ознакомиться, сойтись съ нѣкоторыми, быть можетъ даже сохранить связь и на будущее время. Нѣкоторые типы бросаются въ глаза съ первого взгляда. Обыкновенно въ каждой многочисленной компаніи бываютъ люди, точно взявшіе на себя подрядъ изводить вопросами всѣхъ организаторовъ и руководителей. Въ нашей группѣ въ этомъ направленіи выдѣлилась одна дама, повидимому, именно та, въ которую въ Чеховскомъ разсказѣ „Драма“ было пущено прессъ-папье. Во время собесѣданія она черезъ каждыя 5 минутъ заявляла во всеуслышанье, что была 9 разъ въ Берлинѣ, и довела говорившаго съ группой А. Н. И. положительно до бѣлага каленія, хотя онъ и всячески старался это скрыть...

Экскурсантамъ было сказано все, что нужно, даны подробныя инструкціи относительно багажа и пяти колоссальныхъ дорожныхъ чайниковъ, преподаны совѣты о томъ, какъ поддерживать бодрость духа и веселое настроеніе, безъ чего вся экскурсія прахомъ пойдетъ...

Мы ёдемъ одни, безъ проводника, и уже на мѣстахъ насы будуть встрѣчать руководители и устраивать въ снятыхъ отеляхъ и пансіонахъ. Это первая попытка отправлять экскурсіи безъ провожатыхъ, роль которыхъ въ послѣдній годъ дѣйствительно свелась на-нѣть — такъ хорошо организовано все дѣло въ мѣстахъ остановокъ. Экскурсанты обыкновенно, когда узнаютъ, что они ёдутъ одни, пугаются и беспомощно поглядываютъ другъ на друга, ожидая сочувствія и поддержки. Но вскорѣ оказывается, что ёхать однимъ не такъ страшно, и что всѣ 60 взрослыхъ дѣтей (эта разновидность людской породы иначе называется „экскурсантами“) сумѣютъ все-таки пройти одинъ въ особомъ вагонѣ и не сбиться съ пути.

Съли мы въ вагонъ вечеромъ и, оставивъ знакомство и разгорыво до другого дня, улеглись спать. Слѣдующій день принесъ кое-что въ смыслъ объединенія группы. Во-первыхъ, выбраны были старосты — люди, главнымъ образомъ, предназначенные для организаціи чаепитій въ вагонѣ и храненія братскихъ чайниковъ — первый шагъ къ объединенію. Выяснился составъ группы. Много народа съ высшимъ образованіемъ (имѣются даже 2 профессора). Болѣть можно сколько угодно — въ группѣ 7 врачей, нѣсколько фельдшерицъ, 1 зубной врачъ... Бываетъ изрядное количество педагоговъ, преимущественно учительницъ. Имѣется даже одинъ журналистъ, къ счастью не собирающійся насъ описывать... Относительно знанія языковъ дѣло обстоитъ хорошо. Многіе знаютъ и французскій и нѣмецкій языкъ. Только „англичанъ“ недохватъ — всего двое.

Въ Варшавѣ встрѣтилъ группу тамошній руководитель А. И. А. и новель всю публику (59 человѣкъ) въ „цукерню“ пить кофе, а потомъ осматривать старый городъ, дворецъ и Лазенки. Помню этого А. по прошлому году. Тоже же внимателенъ, вѣжливъ, корректенъ... Когда подумаешь, сколько группъ пришлось ему встрѣтить, провожать, поить, кормить, водить и возить по городу, то невольно придешь къ заключенію, что много грѣховъ простится ему на томъ и на этомъ свѣтѣ.

Ѣдемъ дальше. Предстоитъ безсонная ночь въ нѣмецкомъ вагонѣ. Всѣ мужественно ждутъ этого испытанія, тѣмъ болѣе, что въ Берлинѣ предстоитъ баня и сонъ часа на 4. Ночь прошла отлично. Мы съ самаго начала рѣшили и не пытаться спать, а „прожигать жизнь“, т.-е. пѣть, болтать и всячески стараться скоротать время. Въ нашемъ купѣ мы такъ и стояли и не замѣтили, какъ прошли 8 часовъ отъ Александрова до Берлина.

Въ Берлинѣ предстоитъ трудная задача — въ 3 минуты „выкинуться“ изъ вагона со всѣмъ багажомъ. Задача выполнена блестяще: въ 2 минуты мы все и груда вещей были на перронѣ. Если мы еще усовершенствуемся въ этой области, то побьемъ міровой рекордъ экскурсантской „рѣзвости“.

Встрѣтила насъ въ Берлинѣ руководительница и завѣдующая хозяйствомъ М. М., необыкновенно энергичная и распорядительная женщина. Нужно было слышать, какимъ рѣшительнымъ тономъ заявила она въ телефонъ, что, несмотря на воскресный день, сейчасъ придуть въ баню 60 русскихъ, и чтобы все было готово. Недаромъ одинъ изъ ея товарищей-руководителей заявилъ, что если есть на свѣтѣ Сквозникъ-Дмухановскій въ юбкѣ, то это она...

По прїездѣ въ Берлинѣ дни побѣжали незамѣтно. Осмотръ города, музеевъ, школъ, а въ свободныя минутки катанье на автомобилѣ и неизмѣнныій Вертгеймъ, куда такъ неудержимо влечетъ всѣхъ дамъ нашей

экскурсії. Впрочемъ, многія воздерживаются отъ покупокъ, возлагая всѣ надежды и упованія на Парижъ. „Лувръ“, „Самаритэнъ“ представляются какимъ-то раемъ, гдѣ чуть не задаромъ можно пріобрѣсти груды шляпъ, перчатокъ, блузокъ и потомъ удивлять какой-нибудь Тамбовъ или Чебоксары изяществомъ и дешевизной парижскаго туалета. Мужчины больше толкуютъ о Лондонѣ, собираясь заказывать себѣ тамъ наимоднѣйшіе смокінги и пріобрѣтать зонтики и пледы.

Наконецъ съ Берлиномъ покончено. Ёдемъ въ Парижъ. Тамъ насыждеть уже „серезнаа“ работа. Необходимо въ одну недѣлю ознакомиться съ городомъ, осмотрѣть Лувръ, Люксембургъ, Версаль; Домъ Инвалидовъ, Пантеонъ, кладбище Рѣгѣ Lachaise, авіаціонный городокъ и пр. и пр. (это по программѣ), да еще сверхъ того покататься въ Булонскомъ лѣсу, слазить на Эйфелеву башню, отдать должную честь разнымъ cabarets и caf s на Монмартрѣ и, наконецъ,—о ужасы!—не забыть побывать въ магазинахъ. У бѣднаго экскурсанта голова идетъ кругомъ, отъ бѣготни пухнуть ноги, но все-таки онъ все успѣваетъ, все видѣть и отъ всего приходить въ восторгъ. Дѣйствительно, оживленіе парижскихъ улицъ и бодре настроеніе толпы дѣйствуютъ на россіянинна удивительно живѣтворно. Усталость замѣчается менѣе, а на улицахъ съ ихъ безумнымъ движеніемъ не теряешься, а чувствуешь себя какъ-то особенно легко и свободно.

Я думаю, что любопытное зрѣлище представляла вся наша орда въ 60 человѣкъ, когда мы вваливались въ кафе завтракать. Руководители наши, съ цѣлью ознакомить насъ съ французской кухней, устраивали завтраки въ различныхъ кафе, гдѣ экскурсантъ, получивъ карту кушаній, предоставлялся на волю Божію, и только въ моментъ окончательной гибели его среди различныхъ légumes, potages, entr es къ нему подходилъ руководитель и протягивалъ руку помоши, указавъ, что légumes ѓдѣять послѣ entr es, а dessert нужно ѓсть въ концѣ, а не въ началѣ... Обѣдали мы въ нашей собственной экскурсантской столовой, устроенной недалекъ отъ отеля, гдѣ мы жили, на Avenue du Maine, въ самомъ демократическомъ кварталѣ Парижа. Отъ центра, правда, далеко, но соображеніе отличное, и на metro можно минутъ въ 10 доѣхать куда угодно.

На Avenue du Maine вѣчное оживленіе, но простота нравовъ полная. Дѣти играютъ прямо на улицѣ. Дѣвочки бѣгаютъ съ папильотками въ волосахъ, чтобы за недѣлю волосы хорошо завились, а въ праздники торжественно идутъ въ церковь нарядные, въ бѣлыхъ платьяхъ и съ кудрявыми головами. По вечерамъ изъ всѣхъ кафе несетъся пѣніе и музыка. Кафе переполнены самой оживленной публикой — рабочей молодежью. На маленькой эстрадѣ, подъ аккомпанементъ піанино, распѣваютъ шансонетки, уличныя пѣсеньки, декламируютъ, а публика подпѣ-

ваетъ, хлопаетъ въ ладоши, дѣлаетъ громогласныя замѣчанія съ непринужденностью истинныхъ парижанъ.

Интересно было сидѣть въ такомъ кафе, интересно смотрѣть на живыя лица кругомъ, слышать живую, быструю рѣчь...

Когда мы проходили по нашей улицѣ, то ребята считали своимъ долгомъ скакать вокругъ насъ и кричать: „Les russes! Moscow!“ Особенно старался одинъ мальчуганъ. Но нужно было видѣть, какъ онъ вытаращилъ глаза, когда одна изъ насъ ему сказала: „Pas de Moscow, mais de Tsarevokoktchaisk!“ Повторить этого варварскаго слова онъ ужъ никакъ не могъ.

Руководительское дѣло въ Парижѣ организовано въ общемъ отлично. Во-первыхъ, устроена своя столовая, гдѣ мы, несмотря на тѣсноту помещения, чувствуемъ себя все-таки у себя, безъ постороннихъ. Человѣкъ 5 руководителей заняты нами цѣлый день, и въ 6 дней успѣли выполнить обширную, хорошо составленную программу осмотровъ. Дѣла у нихъ все время по горло, такъ какъ почти не было дня, чтобы въ Парижѣ находилась одна группа,— все время двѣ, т.-е. человѣкъ 100—120. Если принять при этомъ во вниманіе, сколько ненужныхъ вопросовъ задается чуть ли не каждымъ изъ насъ, сколько руководителямъ приходится выслушивать просьбы и претензій, то невольно подумаешь что всѣ они уже при жизни уготовали себѣ вѣчное спасеніе и иначе какъ нраведниками названы быть не могутъ. Кое-чѣмъ группа наша была все-таки недовольна, главнымъ образомъ тѣмъ, что вѣчно приходилось торопиться и бѣжать сломя голову. Но что же дѣлать? На Парижѣ намъ отпущенено слишкомъ мало времени, а видѣть хочется все... Благодаря той же вѣчной спѣшкѣ въ Парижѣ группа наша не могла сплотиться.

Всѣ держатся все еще какъ-то обособленно, случайными компаниями. Но такъ называемыхъ „треней“, т.-е. непріятностей и ссоръ, у насъ нѣтъ. Посмотримъ, что скажетъ Берневаль, куда мы ёдемъ отдохнуть на 5 дней.

Жаль уѣзжать изъ Парижа, и вмѣстѣ съ тѣмъ хочется отдохнуть, покупаться, никуда не спѣшить и понабрать силъ для Лондона. А въ Берневаль, говорятъ, хорошо. Такъ, по крайней мѣрѣ, разсказываютъ экскурсанты нашего маршрута, по проѣхавшіе его въ обратномъ порядке (Лондонъ—Берневаль—Парижъ).

II.

Берневаль встрѣтилъ насъ непривѣтливо. Дождь шелъ съ утра; было сыро и сѣро. Изъ Парижа выѣхали мы рано утромъ, чтобы успѣть за день побывать въ Руанѣ и посмотреть тамъ ратушу, старинный соборъ и церковь St. Macloou. По Руану мы ходили мокрые, иззябшіе, ото-

трълись немнога въ кафе за завтракомъ, да и то лишь благодаря прекрасному обыкновенію французовъ присоединять къ завтраку полбутылки кисленькаго, слабенькаго, но все-таки вина...

Поехали въ Діеппъ, гдѣ насы должны были ждать колымаги— Ноевы ковчеги—человѣкъ на 30 каждая, чтобы отвезти въ Берневаль на отдыхъ.

Бдемъ. Путь километровъ 18. Дождь припустилъ вовсю. Задернули занавѣски по бокамъ, сжались отъ холода и тѣсноты, сидимъ и думаемъ — хоть бы ужъ скорѣй доѣхать. Съ полдороги стемнѣло. Тьма погнившая. Въ экипажахъ фонарей нѣть, — не видишь собственной руки. Дремлешь и слышишь обрывки разговоровъ, при чемъ только по голосу можно узнать, кто говоритъ. Кое-кто вяло затянетъ пѣсню, рядомъ вяло поддержать, или затянуть другую. Время ползетъ. Просто не чашь, когда доѣдешь. Но вотъ лошади побѣжали живѣе, сбоку замелькали какія-то бѣловатыя тѣни — строенія Берневаля. Еще нѣсколько поворотовъ, и колымаги остановились у привѣтливо освѣщенаго крыльца гостиницы „Petit-Vallon“. Ноги затекли. Еле-еле слѣзаешь съ высоченной подножки и входишь въ подъѣздъ. Сразу охватываетъ чувство уюта. Въ двухъ комнатахъ накрыты столы для поздняго обѣда. Все такъ чисто, привѣтливо; всюду въ высокихъ вазочкахъ цвѣты. Ярко горятъ лампы. И утомленныя, иззябшія физіономіи экскурсантовъ начинаютъ улыбаться...

И комнаты наши намъ нравятся своей чистотой и чѣмъ-то неуловимымъ, чѣмъ-то такимъ, что говоритъ намъ о свѣжести морскаго воздуха и мирномъ берневальскомъ житьѣ. Снимъ мы какъ убитые, а на утро начинаемъ знакомство съ Берневалемъ. Прежде всего всѣ покидаютъ себѣ полотняныя туфли на веревочной подошвѣ, по 1 франку пары. Такъ пріятно надѣть ихъ на ноги, усталыя отъ парижской бѣготни. Въ нихъ можно и гулять, и купаться, и ходить по мелкимъ камнямъ пляжа. Легко, свободно... Многіе запасаются купальными костюмами, за которыми уже успѣль съѣздить на велосипедѣ въ Діеппъ нашъ хозяинъ м-т Demerson.

На дворѣ ясный, но свѣжий, вѣтреный день. На самомъ берегу океана положительно холодно. Отъ нашего отеля до моря минутъ 10 ходбы подъ гору. На берегу сидѣть группами берневальские „дачники“, французы и англичане. Многіе вооружены красками и палитрами и рисуютъ море. Никакъ не утерпишь, чтобы не заглянуть мимоходомъ на художество, и приходишь въ ужасъ отъ неправдоподобныхъ облаковъ и невѣроятнаго, почему-то ярко-зеленаго моря.

Приливъ въ полномъ разгарѣ, и довольно сильный прибой подстуپаетъ все ближе къ кабинкамъ. Сидишь на берегу и часъ, и другой,

дышишь свѣжимъ морскимъ воздухомъ и какъ-то всѣмъ существомъ вбираешь въ себя прелестъ моря, свѣжаго вѣтра, и радуешься покою и блаженному ничегонедѣланію. Пять сутокъ будемъ мы жить въ Берневалѣ. Хорошо!..

За завтракомъ нашъ руководитель, прѣхавшій съ нами изъ Парижа, милыйший и незамѣнимый „отецъ родной“ Я. А. Г. самыемъ серьезнымъ тономъ убѣждаетъ нась ничего не оставлять на блюдахъ, чтобы хеаяика — упаси Богъ! — не подумала, что ѿна даетъ слишкомъ много, и не уменьшила порцій. Нечего и говорить, что слова его не остаются гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

За завтракомъ же преподаются намъ нѣкоторые берневальскіе законы и обычаи. Во-первыхъ — насчетъ купанья. Купаться (разумѣется — въ костюмахъ) можно всюду по всему пляжу, но раздѣваться нужно или въ кабинкахъ за особую плату, или итти за 200 шаговъ — дамамъ нальво отъ кабинокъ, а мужчинамъ направо. Таковы берневальскіе нравы. Впрочемъ, несмотря на то, что въ предыдущихъ группахъ свято чтили этотъ законъ, одинъ инцидентъ все-таки вышелъ. Мѣстный кюре и одна изъ прѣзжихъ англичанокъ вздумали купаться съ берега и отправились, согласно этикету, за 200 шаговъ отъ кабинокъ, но только кюре пошелъ нальво, а дама — направо... Разумѣется, оба были весьма возмущены безнравственностью русскихъ.

Кромѣ законовъ о купаныи мы узнали еще, что въ Берневалѣ, какъ и во всякомъ мирномъ заграничномъ курортѣ, шумѣть, пѣть и играть на фортепіано послѣ 10 час. нельзя, и что дверь нашего отеля запирается въ 11 час., почему и рекомендуется въ это время быть дома. Даѣте, если мы, какъ истые экскурсанты, не прочь и здѣсь что-нибудь осмотрѣть, то нашему вниманію предлагается замокъ D'Agues la Bataille, мѣстная школа, церковь вмѣстѣ съ ея предпріимчивымъ кюре, крестный ходъ въ праздничный день и деревенскій балъ. Развлеченій хоть отбавляй. Мы не роиаемъ почтеннаго званія экскурсантовъ и хотимъ видѣть все, а пока — купить какъ можно больше открытокъ, такъ какъ экскурсантъ, не покупашій открытокъ и притомъ въ самыхъ неумѣренныхъ дозахъ, положительно немыслимъ.

Начинается писаніе писемъ. Дѣлать больше положительно нечего, и потому „шлю привѣтъ съ береговъ океана“ или „находясь въ предѣлахъ прекрасной Франціи, вспоминаемъ Россію“ повторяются на всѣ лады целыхъ сотни разъ. Почтовый ящикъ у дверей „Petit Vallon“ переполняется, и въ Берневалѣ скоро не останется ни одной почтовой марки въ 10 сантимовъ. Кажется, еще ни одинъ досужій составитель „смѣи“ для газетъ не занялся подсчетомъ того, сколько открытокъ посылаютъ экскурсанты изъ своихъ путешествій. Думаю, что если бы ихъ разложить въ рядъ, то ими можно бы трижды опоясать земной шаръ.

Потянулись блаженные берневальские дни — дни полного dolce far niente.

Особенно хороши были тихие вечера, когда мы шли гулять на берег къ отливу. Океанъ отступаетъ тогда на цѣлыхъ полверсты, далеко открывая ровное, блестящее мокрымъ пескомъ, дно. Ноги необыкновенно легко ступаютъ по песку, который упруго подается и точно слегка колеблется подъ шагами. Кой-гдѣ изъ песка выступаютъ каменистые островки, заросшіе водорослями. Тамъ въ лужицахъ копошатся крабы, креветки, лежать раковины слизняковъ — мули, изъ которыхъ мѣстные жители варятъ похлебку. Незамѣтно доходишь до воды. Постоишь на мѣстѣ, — и вдругъ замѣчаешь, что волна съ тихимъ плескомъ заливаетъ ноги. Отступишь на нѣсколько шаговъ, — волна не отстаетъ. Нечего дѣлать: начался приливъ, и надо уходить. А жаль! Такъ хорошо стоять у самой воды, смотрѣть на гаснущее небо и на огонь маяка, который уже загорѣлся въ Діеппѣ и ярко всыхиваетъ черезъ каждыя нѣсколько секундъ.

Днемъ мы предпринимаемъ кое-какіе осмотры. Съѣздили въ Château d'Arques la Bataille, — древній замокъ, въ которомъ еще Генрихъ IV останавливался во время своихъ охотъ. Оттуда подземный ходъ ведеть прямо къ Діеппу — верстъ за 25. Побывали въ мѣстной убогой деревенской школѣ. Учитель — субъектъ съ типичнѣйшей, какъ говорить Чеховъ, „франко-солдатской рожей“, съ какой-то щишкой на головѣ, прикрытой жидкими волосами, муштруетъ ребять вовсю. Дѣти украдкой любопытство взглядываютъ на насъ и снова принимаются смотрѣть въ ротъ учителю. Читаютъ и декламируютъ они громко, напряженными голосами, а онъ командуетъ, какъ на плацу. Особенно дико слушать, когда дѣти считаютъ вслухъ всѣ разомъ и нараспѣвъ, на двухъ нотахъ. Насъ учитель немного стѣсняется и не дерется, хотя одинъ разъ во время пѣнія онъ все-таки хлопнулъ мальчугана смычкомъ. „Un, deux, trois“, командовалъ онъ: „respirez, chantez, mais surtout pas crier!..“ Мальчуганы тѣми же неестественно напряженными голосами затянули какую-то пѣсню. Мы похлопали имъ, когда они кончили пѣть; учитель съ довольнымъ видомъ раскланялся передъ нами...

Среди нашихъ берневальскихъ развлечений не послѣднее мѣсто занимало ежедневное посѣщеніе кондитерской, гдѣ мы цили молоко и поѣдали ужасающее количество пирожнаго. Хозяйка, шустрая и необычайно словоохотливая француженка, безъ умолку трещала о томъ, какъ она „enchantée“ и „tout-à-fait heureuse“, оттого что пріѣхали „les russes qui sont très aimables“. Еще бы ей не быть „enchantée“: „les russes“ за день съѣдали у нея столько булокъ и пирожнаго, сколько должно быть, англичане не съѣдятъ за цѣлый мѣсяцъ. Всѣмъ и каждому она рассказывала, что въ группѣ, которая уже уѣхала, былъ „Vassia“

M—loff“, что „Vassia“ все время сидѣль у нея въ кондитерской, училь ее русскому языку и теперь присылаетъ ей поклоны. Въ доказательство она показывала открытки и говорила: *zdrastvouïte, blagodariou vass, spassiô, kogochia pogoda...* Право, не знаю, нашелся ли въ нашей группѣ кто-нибудь, кто замѣнилъ бы ей уѣхавшаго „Vassia“.

Междѣ тѣмъ время шло, и нужно былоѣхать въ Лондонъ. Ещѣ раньше въ Парижѣ ходили темные слухи о томъ, что въ Лондонѣ нась ждеть скверное помѣщеніе, плохой столъ, что тамъ мы погибнемъ отъ усталости, потеряемся въ громадномъ городѣ и т. п. Мы робко посматривали другъ на друга, ища сочувствія, и говорили: „Ой, страшно! Пропадемъ мы тамъ!“ Въ минуту вдохновенія мы даже сочинили пѣсенку на мотивъ „Послѣдній нынѣшній денечекъ“, въ которой воспѣвали Берневаль и высказывали опасенія относительно лондонскаго житія. Нѣкоторые оstriли по поводу того, что намъ необходимо будетъ въ Лондонѣ объявить забастовку и голодовку (потому — все равно кормятъ плохо!) и потребовать трехчасового экскурсантскаго рабочаго дня. А тутъ еще мысль о Ламаншѣ приводила многихъ въ священный трепетъ. Толковали о запасахъ лимоновъ, о какихъ-то порошкахъ, предохраняющихъ отъ морской болѣзни. Конечно, говорилось обо всемъ этомъ въ шутку, но Ламанша боялись многіе совершенно искренно. „И недаромъ!“ могу я, впрочемъ, воскликнуть теперь...

Насталъ послѣдній вечеръ. Мы еще разъ на прощаніе спѣли нашу „берневальскую пѣсенку“, простились съ нашей необыкновенно любезной хозяйкой, т-ше Demerson, сбѣгали на берегъ моря, раскланялись съ француженкой изъ булочной и утромъ рано выѣхали въ тѣхъ же огромныхъ колымагахъ въ Діенпѣ.

Прощай, Берневаль!..

III.

Итакъ, мы ѿдѣмъ въ Англію. Утромъ выѣхали изъ Берневалля, пробудемъ нѣсколько часовъ въ Діенпѣ, тамъ — на пароходѣ, а вечеромъ будемъ въ Лондонѣ. Дуетъ вѣтеръ, и мы съ опаской поглядываемъ на море. О, Ламаншъ! Чѣмъ-то ты подаришь нась?.. Но признаться, самые робкие изъ нась не ожидали того, что только сдѣлалъ изъ нась этотъ ужасный Ламаншъ. Всѣ мы легли костями. Вопли „*Matelot! Matelot!*“ то-и-дѣло оглашали воздухъ, и вместо толпы, еъ веселымъ оживленіемъ вспошедшей на пароходѣ, осталось 2—3 человѣка, которые съ ужасомъ смотрѣли на живые трупы товарищѣй, лежавшіе по всему пароходу. Къ довершенію картины шелъ сильный дождь, а верхушки волнъ, заглядывавшихъ черезъ бортъ, заливали палубу и всѣхъ тѣхъ, кто не имѣлъ желанія или силы спуститься внизъ.

Да, могу сказать — была игра...

Черезъ $4\frac{1}{2}$ часа нась привезли въ Ньюгавенъ, а оттуда по желѣзной дорогѣ въ Лондонъ. Мы очутились на вокзалѣ Викторіи — въ какомъ видѣ, лучше не говорить. Какъ сквозь сонъ, помню, что мы еще ѿхали по подземной желѣзной дорогѣ и шли пѣшкомъ въ отель, поворачивая въ какія-то улицы, то освѣщенныя и полныя движения, то полутемныя и тихія. Гдѣ мы были, какъ мы шли, думаю, никто изъ нась не понималъ... Но, наконецъ, я въ гостиницѣ, въ теплой комнатѣ; переодѣлась, согрѣлась, поль подо мною не качается, волни не видно... Блаженство, которое не скоро забудешь!

На утро я окончательно пришла въ себя.

Наше помѣщеніе расположено было, хотя и далеко отъ центральныхъ улицѣ, но въ хорошей, спокойной части Лондона, въ двухъ шагахъ отъ квартала оживленнаго и полнаго прекрасныхъ магазиновъ. Недалеко было нѣсколько станцій подземной дороги, а почти мимо нашего отеля проходили автобусы, изъ которыхъ намъ особенно памятень № 7, отвозившій нась и къ Гайдъ-Парку и въ Сити.

Удивительно пріятно взобраться на крышу автобуса, ѿхать по улицамъ, скоро ставшимъ уже такими знакомыми, и все съ тѣмъ же интересомъ смотрѣть по сторонамъ. Кругомъ безумное движеніе. Несутся и гудятъ автомобили, мчатся огромные автобусы, которые, такъ и кажется, задѣнутъ васъ, кѣбы, громоздкія фуры съ тюками и ащиками... Кажется, ничто не остановить этого потока. Но величественный городовой поднялъ руку, и все замерло: нужно пропустить пѣшеходовъ. Сколько разъ и мы сами останавливали движеніе въ Сити минуты на $1\frac{1}{2}$, когда ходили всей группой, и „бобби“ задерживалъ шумный уличный потокъ, чтобы дать намъ возможность перейти черезъ дорогу!

А вечеромъ съ верха автобуса видишь все то же движеніе плюсъ яркіе огни кинематографовъ, ресторановъ, сверкающихъ рекламныхъ надписей. Все горитъ, переливается, почти ошеломляетъ, и невольно заставляетъ сравнивать и думать, какимъ скромнымъ показался бы нашъ Головинскій *), даже въ минуты наибольшаго его величія и славы, когда освѣщены цѣлыхъ два театра, рядомъ съ любой, хотя бы и тихой, улицей Лондона.

Собственно, Лондонъ ни шириной, ни красотой улицъ и зданій не поражаетъ. Улицы его сравнительно узки, архитектура домовъ крайне однообразна. Зачастую вы видите цѣлую улицу, застроенную съ обѣихъ сторонъ домами, какъ двѣ капли воды, похожими одинъ на другой, съ цѣлымъ рядомъ одинаковыхъ подъѣздовъ съ лѣсенками или колон-

*) Въ Тифлісѣ.

ками, такъ что никакъ не поймешь сразу, въ который же изъ этихъ подъѣздовъ нужно войти. Поражаетъ Лондонъ тѣмъ, что вы сразу чувствуете въ немъ биеніе могучей жизни, величие его дѣятельной работы, которую занять и серьезно занять каждый изъ населяющихъ его людей. Когда вы видите на узкихъ улицахъ Сити безконечныя вереницы громадныхъ, неуклюжихъ, некрасивыхъ фуръ, стѣсняющихъ движение изящныхъ автомобилей, вы чувствуете, что эти фуры съ ящикиами и мешками адѣсь хозяева: онъ на своемъ мѣстѣ, и всякий съ уваженіемъ взглянетъ на нихъ, потому что онъ несуть силу и богатство Лондона, служить ему и вмѣсть съ тѣмъ точно господствуютъ надъ нимъ. Намъ пришлось побывать въ докахъ и въ огромныхъ пакгаузахъ, въ которыхъ сложены товары. Помню склады различныхъ прянностей. Въ громадномъ помѣщеніи, протянувшемся на десятки саженей, сложены тысячи ящиковъ съ ванилью, въ другомъ — тысячи мешковъ съ гвоздикой, въ третьемъ — съ шафраномъ, словомъ — съ такими вещами, которыхъ мы привыкли видѣть въ самыхъ малыхъ дозахъ, и существованіе складовъ, где все это хранится въ десяткахъ тысячъ пудовъ, казалось почти легендарнымъ. А огромное помѣщеніе, где сложены еще не обдѣленные слоновыи клыки, и где драгоценная кость лежитъ, какъ дрова въ какомъ-нибудь дровяномъ складѣ!..

Но будетъ обѣ этомъ. Не въ бѣглой скромной замѣткѣ говорить о могуществѣ и величинѣ Лондона. Лучше вернуться къ нашей экскурсії.

Въ общихъ чертахъ лондонская организація такая же, какъ и всюду. Тремъ руководителямъ поручено встрѣчать экскурсантовъ, устраивать имъ въ заранѣе снатомъ отель и показывать Лондонъ. Руководители — русскіе, пріѣхавшіе въ Лондонъ на это дѣто.

Уже съ утра первого дня, слегка лишь оглядѣвшись, мы стали замѣтать кое-какіе недостатки нашей лондонской жизни. Комнаты плохо убирались, посуду за столомъ подавали весьма сомнительной чистоты, а ужъ кормили такъ, что и сейчасъ вспоминать не хочется. За обѣдомъ или завтракомъ то-и-дѣло раздавались возгласы въ родѣ: „Господи! за неиздѣбностью сходно продается мало поддержанная порція баранины!“ или „Безъ всякой доплаты можно получить настоящую океанскую, повидимому, рыбу!..“ и т. п. А вареный картофель и салатъ, неизмѣнно украшавшіе нашъ столъ въ теченіе двухъ недѣль, довели насъ до полнаго отрицанія этихъ, вообще говоря, благородныхъ продуктовъ. Мы пробовали протестовать, потребовали даже, чтобы наша завѣдующая хозяйственной частью присутствовала во время нашихъ трапезъ, но это ни къ чему не повело, и хозяева отеля продолжали смотрѣть на насть, какъ на существа низшей расы. Оказывается, что

группы, бывшая до насъ въ Лондонѣ (а ихъ было 4), заявляли тѣ же требования, но съ тѣмъ же успѣхомъ.

Недостатки видѣли мы также не разъ и въ организаціи нѣкоторыхъ осмотровъ. Напримеръ, потратили мы цѣлое утро на осмотръ какихъ-то шаблоннѣйшихъ дѣтскихъ пріютовъ, Армії Спасенія, а съ дѣятельностью этого глубоко несимпатичнаго учрежденія намъ познакомиться такъ и не удалось; пробродили цѣлое послѣобѣданіе въ Crystal Palac'ѣ, гдѣ намъ не было показано ровно ничего интереснаго — не знаю, потому ли, что тамъ и не было ничего, или же нашъ симпатичный П. Е. попросту не зналъ, что намъ показывать. Тѣмъ же успѣхомъ сопровождалось наше посѣщеніе Латино-Британской выставки. Но вѣнѣцъ всего была наша поѣздка въ Гриничъ. Дѣло въ томъ, что утромъ мы осматривали Лондонскій мостъ, Тоуэръ и доки; на все это ушло гораздо больше положеннаго времени, и на послѣобѣданную поѣздку въ Гриничъ осталось времени часа на $1\frac{1}{2}$, меныше, чѣмъ нужно, а на самое пребываніе въ Гриничѣ ни больше ни меныше, какъ 25 минутъ. Но мы тѣмъ не менѣе побѣжали... Рысью промчались по городу, приступомъ взяли холмъ, на которомъ помышляется обсерваторія, и кинулись обратно, чтобы успѣть на пароходъ.

Затѣмъ мы все это продѣвали, — не извѣстно никому, а руководителю нашему — меныше всѣхъ...

Впрочемъ, наиболѣе рѣзные экскурсанты ухитрились-таки купить открыточку и утѣшались сознаніемъ того, что ихъ подошвы попирали гриническую землю и даже, быть можетъ, ступали на гриничскій меридіанъ.

Въ общемъ, эта бѣготня была такъ безсмысленна, что мы даже сердиться не могли, а больше хотели надѣть себѣ и надѣть тѣмъ „экскурсантскимъ аллюромъ“, которыми мы неслись по улицамъ. Помню, что въ тотъ именно день стали мы называть себя „пожирателями пространства“, для которыхъ „пространства“ вполнѣ довольно, чтобы быть сытыми даже при нашихъ „харахахъ“. Если не ошибаюсь, то въ связи съ этой знаменитой прогулкой возникло у насъ опредѣленіе того, что есть экскурсантъ съ зоологической точки зренія, какъ особь человѣческаго рода. Было даже придумано латинское название *excursatus vulgaris*, при чѣмъ идеальный типъ такого экземпляра долженъ отличаться слѣдующими качествами: длинныя ноги съ огромной ступней, крошечная голова съ большими ушами (ибо думаетъ и говорить руководитель, а экскурсантъ только слушаетъ) и, наконецъ, минимумъ желудка. Въ Лондонѣ послѣднее качество приобрѣтаетъ особенное значеніе...

Много смыялись мы тогда!

Но теперь, вспоминая всѣ эти неудачи, досаднаго чувства не испытываешь. Все хорошее и интересное, что довелось намъ повидать,

давно заслонило чувство неудовлетворенности и заставляет вспоминать о жизни въ Лондонѣ, какъ о хорошихъ, яркихъ дняхъ. Встаетъ въ памяти Вестминстерское аббатство,— эта „окаменѣвшая молитва“, при-чудливое и изящное зданіе парламента, сокровища музеевъ, Гильдхолль и кипучая жизнь Сити.

Совсѣмъ особенное; красивое воспоминаніе оставилъ ботаническій садъ. И погода, какъ нарочно, разгулялась, и руководитель не бѣжалъ, какъ на пожаръ; мы шли не торопясь и до дна насладились красотой сада, гдѣ все грандиозно и вмѣстѣ съ тѣмъ полно изящества и красоты. Оранжереи полны дивныхъ, невиданныхъ цветовъ: орхидеи такихъ разнообразныхъ оттенковъ и причудливыхъ формъ, что не знаешь, куда смотрѣть, чому отдать предпочтеніе; цветы мухоловки какого-то особенного зловѣщаго вида — цвета сырого мяса и по краямъ точно окрашенные запекшися кровью; обыкновенные лиліи, гвоздики, розы, — но тысячи оттенковъ — такихъ нѣжныхъ и яркихъ — ласкаютъ и радуютъ глазъ. А оранжерея съ пальмами, просторная и свѣтлая, какъ храмъ нѣкоему богу, имя котораго Природа! А въ самомъ саду зеленые лужайки, ходить по которымъ не „строго воспрещается“, пруды, рощи, милыя уютныя троцинки...

Мы хотѣли и на слѣдующій день съ утра снова отправиться въ ботаническій садъ, пожертвовавъ даже для этого однимъ музеемъ, но несносный дождь помѣшалъ этому, поистинѣ благому, намѣренію.

Вечера наши мы посвящали знакомству съ лондонской жизнью. Компанией человѣкъ въ 5—6 взирались мы обыкновенно на имперіаль автобуса, жестами и не вполнѣ членораздѣльными звуками старались объяснять кондуктору, куда намъ надо (въ большинствѣ случаевъ онъ совсѣмъ понималъ, какъ — это его тайна!), иѣхали. Побывали мы въ Music Hall'ѣ, при чёмъ выбрали попроще, гдѣ бываетъ народъ, въ Гайдъ-Паркѣ нѣсколько разъ, въ кинематографѣ, просто гуляли по улицамъ. Въ Music Hall'ѣ показываютъ зрѣлище не слишкомъ высокаго качества: клоуны, эквилибристы, какие-то комики съ куплетами — совсѣмъ довольно грубо. Но нужно слышать, какъ искренно и заразительно смеется публика, какъ подпѣваетъ, какъ хлопаетъ въ тактъ въ ладоши, и какъ... свистить въ порывѣ восторга! Но зато курятъ совсѣмъ до того, что хоть вонъ быги. Въ Music Hall'ѣ и кинематографахъ дымъ тучами ходилъ по зрительному залу, и мы цѣлые сутки не могли отдохнуть — такъ переполено въ горлѣ. Не рады были, что и пошли.

Безусловно неправы тѣ, которые думаютъ, что всѣ англичане чопорны. Англійская толпа жива, подвижна, любознательна. Особенно замѣтно это въ Гайдъ-Паркѣ на десяткахъ митинговъ, которые тамъ бываютъ каждый вечеръ, а по воскресеньямъ и цѣлый день съ 12 часовъ

утра. Ораторы со своими складными кафедрами, которых они таскаютъ съ собою, постоянно окружены внимательной толпой. Лица серьезны и вмѣсть оживлены. Никто не позволитъ себѣ неумѣстной или грубой шутки, но всякий весело отзовется на удачную остроту оратора. И всюду видишь людей вѣжливыхъ, спокойныхъ и привѣтливыхъ. Когда намъ приходилось имѣть дѣло съ кондукторами, городовыми, разспрашивая у нихъ дорогу, или съ приказчиками въ магазинахъ, мы видѣли только внимательное и въ высшей степени любезное къ себѣ отношеніе. Не помню случая, чтобы кому-нибудь отвѣтили грубо, обманули или обсчитали при покупкахъ, хотя это было бы очень нѣтрудно сдѣлать, такъ какъ многіе никакъ не могли привыкнуть къ тому, что щиллингъ содержитъ не 10, а 12 пенсовъ. Въ лондонскихъ магазинахъ, где мы почти все были „безъ языка“, приходилось прибѣгать къ международному языку жестовъ: показать „перстомъ“ и покачать или покивать головой, издавая при этомъ легкое мычаніе. Опытъ мнѣ показалъ, что если вмѣсто мычанія произносить нѣмецкія слова, то англичане иногда кое-что понимаютъ, такъ какъ между англійскимъ и нѣмецкимъ языками есть много общаго. Зато мы ровно ничего не понимали изъ того, что намъ говорили.

И несмотря на это, ни съ кѣмъ не было никакого недоразумѣнія, если не считать пустяковъ, въ родѣ того, что одному экскурсанту въ ресторанѣ вмѣсто чаю подали бульону, который онъ и съѣль торжественно... Разъ вся группа уѣхала не въ тотъ поѣздъ метрополитена и долго каталась подъ землей, пока, наконецъ, не попала на свою станцію.

Потихоньку у насъ разсказывали, какъ двѣ наши экскурсантки, разыскивая соборъ св. Павла и не умѣя объяснить, чего имъ надо, стали креститься, кланяться и протяжно говорить: „бо-о-мъ, бо-о-мъ!“ къ великому изумленію англичанина, который въ концѣ концовъ все-таки понялъ ихъ и показалъ дорогу. О, экскурсантская изобрѣтательность! О, мудрый англичанинъ!..

Такъ прожили мы въ Лондонѣ двѣ недѣли. Бѣгали мы цѣлые дни, щли скверно, и все-таки все время чувствовали себя превосходно. Мы были бодры, веселы, иногда роптали, чаще смеялись, съ жадностью выбирали новыя впечатлѣнія и, въ концѣ концовъ, съ истинной грустью покинули Лондонъ.

E. Кобякова.

Зима въ Кисловодскѣ.

I.

Внявъ совѣтамъ врачей провести зиму 1911—12 г. на югѣ Европейской Россіи, я выѣхалъ туда изъ Омска въ половинѣ сентября 1911 г. въ сопровождении дочери. Такъ какъ съ осени 1910 года въ селеніи Армавирѣ, Кубанской области, учительствуетъ сестра моя, то мы и направились въ Армавиръ по желѣзной дорогѣ черезъ Самару, Рязань, Воронежъ, Новочеркасскъ и Ростовъ на Дону. Погостили и отдохнувшъ у сестры въ очень бойкомъ въ торговомъ отношеніи, но въ то же время грязномъ и пыльномъ Армавирѣ, населенномъ болѣею частью армянами, и узнавъ, что зима въ немъ въ высшей степени непріятна и даже вредна для здоровья, такъ какъ въ эту пору года свирѣпствуютъ тамъ сильнѣйшіе, рѣзкіе вѣтры и по цѣльмъ недѣлямъ держится слякоть, я рѣшилъ перезимовать въ гор. Кисловодскѣ, куда и прибылъ съ дочерью 1 октября, вечеромъ.

Коротенькая желѣзнодорожная вѣтвь, связывающая Кисловодскъ со станцией „Минеральныя Воды“, пройдя долиной р. Подкумка отъ Пятигорска до Кисловодской станицы, переходитъ здѣсь на правую сторону рѣки и, оставивъ послѣднюю, врѣзывается въ кисловодскую котловину съ склономъ, а черезъ четыре версты кончается у городского вокзала, въ самой красивой и вѣнчанѣ наилѣбѣ благоустроенной части маленькаго города. Прорѣзавъ сѣверную часть Кисловодска, конецъ желѣznодорожнаго пути проходитъ лощиной, отдѣляющей небольшую возвышенность желѣznодорожнаго сада отъ западнаго обрыва плато, застроенного богатыми усадьбами Померанцевской, Вокзальной, Пушкинской и Шереметевской улиц Нового Кисловодска, и, можно сказать, упирается въ сѣверную подошву Крестовой горы. Эта столовая гора, наверху еще почти не застроенная дачами и получившая имя отъ давно воздвигнутаго на ней массивнаго каменнаго креста, клиномъ врѣзывается съ востока въ центръ города и совершенно отдѣляетъ сѣверо-восточную часть его отъ юго-западной, или Старого Кисловодска.

Подъ вокзала, сзади него, эффектно возвышается прекрасное зданіе курзала, вмѣщающее и театръ. Площадка курзала соединяется съ желѣznодорожнымъ садомъ весьма изящнымъ и легкимъ пѣшеходнымъ мостомъ надъ глубокой лощиной, спускающейся къ знаменитой, старин-

ной Тополевой аллеи, одной изъ лучшихъ улицъ города, обсаженной громадными обелисками тополей (*Populus nigra L. var. rugamidalis*). Идя прямо на сѣверъ отъ галлереи Нарзана, эта длинная (по Кисловодску) улица тянется подъ западнымъ склономъ возвышенности желѣзнодорожнаго сада, въ которомъ собраны разнообразные представители мѣстныхъ древесныхъ и кустарныхъ породъ. Въ центральной части Тополевой аллеи красуется обширное зданіе Новыхъ ваннъ, оригинального индусского стиля, все въ лѣпныхъ и цветныхъ орнаментахъ. Между курсаломъ и обращеннымъ къ нему склономъ Крестовой горы, одѣтымъ деревьями, проходитъ вымощенный асфальтомъ и обращенный въ трельяжъ глубокий коридоръ, длинный тоннель, прорѣзавшій подошву Крестовой горы; имъ площадка вокзала соединяется съ самыми бойкими пониженными улицами городского центра: Голицынскимъ проспектомъ и Тополевой аллеей; этотъ трельяжъ служить только для пѣшѣходовъ, хотя настолько широкъ, что по нему свободно проѣхала бы и коляска. Изъ трельяжа устроена на площадку курсала широкая каменная лѣстница, подъ которой черезъ трельяжъ перекинутъ легкій мостики для подъема отъ курсала на Крестовую гору. Съ вершины горы прѣѣзжие прежде всего и наслаждаются общей картиной города, окруженного пустынными высотами плоскогорій.

Нижній ярусъ сѣвернаго склона Крестовой горы занятъ цѣлымъ рядомъ усадебъ съ богатыми, красивыми дачами разнообразившихъ стилей; окруженные садами и цветниками, эти роскошные зданія выходятъ фасадами въ тѣснину, отдѣляющую Крестовую гору отъ холма, плоская вершина котораго занята постройками Толстовской улицы. Надъ склономъ этого холма къ Шереметевской улицѣ, въ виду желѣзнодорожнаго вокзала, два года тому назадъ однимъ изъ мѣстныхъ капиталистовъ-предпринимателей — И. В. Сильниковымъ выстроено массивное пятиэтажное зданіе отеля „Скала“ съ фасадомъ на сѣверную сторону Крестовой горы. Вѣнчая холмъ, не оштукатуренная кирично-красная громада этого отеля,увѣшанная балконами, снизу, отъ вокзала, кажется настоящимъ небоскребомъ. Нижній этажъ этого зданія сложенъ изъ дикаго камня въ выемкѣ скалы, такъ что со двора вы прямо входите въ слѣдующій этажъ, занятый, какъ и всѣ остальные, номерами. Тутъ и мы нашли себѣ удобное помѣщеніе для зимовки. Отъ вокзала на Толстовскую улицу поднимаются въ экипажахъ по Шереметевской, идущей параллельно съ первою, а для подъема пѣшѣходовъ къ отелю по южному обрыву холма устроена дорожка, доводящая до высокой каменной лѣстницы. Съ балконовъ южной стороны отеля и съ искусственныхъ террасъ подъ ней открывается очень красивый видъ на дачи Крестовой горы, гору, курсаль и часть окружающихъ городъ плоскихъ возвышеностей.

Толстовская улица — едва ли не самая короткая во всемъ Кисловодскѣ. Съверный конецъ ея (какъ такие же Шереметевской, Пушкинской, Померанцевской) выводить къ увалу, занимающему центръ Нового Кисловодска, этотъ увалъ, сплошь одѣтый дерномъ, еще не застроенъ, и пока на его вершинѣ одиночно возвышаются только скромная церковь да ея отдельно стоящая колоколенка. Увѣнчанная синими куполами и снаружи еще не оштукатуренная, эта церковь, очевидно, очень бѣдна, несмотря на то, что ея прихожане въ каждый лѣтній сезонъ „зарабатываютъ“ сотни и тысячи рублей *). Низенький иконостасъ и голыя стѣны церковки, на которыхъ виситъ нѣсколько иконъ, краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о ея нищетѣ. Недалеко отъ этой церкви, въ одномъ кварталѣ съ отелемъ „Скала“ и на Пушкинской улицѣ небоскрѣбами высится нѣкрасивыя громады мужской и женской гимназій, выстроенные тѣмъ же Сильниковымъ, о которомъ упомянуто выше: онъ сдалъ ихъ подъ школы; я слышалъ, что во время каникулъ даже и эти зданія занимаются „курсовыми“, т.-е. пріѣзжающими для лѣченія. Каждый клочокъ земли въ Кисловодскѣ стоитъ теперь баснословно дорого; отсюда и новѣйшія постройки въ немъ стали тянуться больше вверхъ, чѣмъ въ длину и ширину. Уродуя городъ, эти тяжеловѣсныя громады, думается, могутъ быть и опасными, такъ какъ Кисловодскъ временами потряхивается: за мое 7-мѣсячное пребываніе въ немъ въ одну ночь случилось довольно чувствительное землетрясеніе.

Къ съверу отъ церковнаго увала городъ пересѣкается еще однимъ уваломъ, относительно болѣе высокимъ, а къ востоку отъ первого и отъ Толстовской улицы лежитъ довольно широкая ложбина, называемая Ребровою балкою. По дну балки тянется Александровскій проспектъ; параллельно съ нимъ, по лѣвому склону балки, — Красная улица; по другую сторону проспекта, подъ обрывомъ длиннаго плато, ограждающаго балку съ съвера, пріютилось еще нѣсколько усадебъ. Постепенно суживаясь къ своему верховью, балка кончается садомъ прелестной дачи Георгіевскаго, занимающимъ около 6 десятинъ; въ эту усадьбу, служащую лѣтней дѣтской колоніей, и упирается верхній конецъ Александровскаго проспекта. Вся эта часть Нового Кисловодска чаруетъ глазъ красотой и разнообразiemъ построекъ; есть дачи, смотрящія прямо дворцами, другія — гордыми рыцарскими замками, итальянскими виллами и т. д.; при многихъ — сады и цвѣтники. Улицы, какъ и въ другихъ частяхъ Кисловодска, вымощены здѣсь крупнымъ булыжникомъ и, какъ новыя, еще не очень загрязнены. Ребровая балка и ближайшіе къ

*) Такъ, напр., комната въ $7\frac{1}{2}$ шаговъ длины и $5\frac{1}{2}$ ширины, за которую мы платили зимой 20 руб. (съ самоваромъ — 25 руб.), лѣтомъ приносить 100—120 руб. въ мѣсяцъ. Скромный обѣдъ стоить 18 руб.

ней кварталы считаются самой здоровой частью города; только напрасно утверждается, будто вся эта местность наиболее защищена от восточного ветра, самого сильного и холодного из кисловодских ветров, дующих почти ежедневно; при мнѣ съ одного каменного амбара на Александровскомъ проспектѣ была снесена цѣликомъ желѣзная крыша.

На высотахъ къ югу оть Ребровой балки (рядомъ съ ней) расположена восточная половина обширного кисловодского парка, и съ этихъ высотъ, особенно со скалистаго холма „Сѣрыхъ камней“, на балку и всю сѣверную часть города открывается очаровательный видъ. Игра свѣта и тѣней на высотахъ лѣваго берега Подкумка, постепенно захватывающая и кисловодскіе холмы и долины по мѣрѣ надвиженія облаковъ и тумановъ съ сѣвера, удвоиваетъ очарованіе и не поддается описанію: порой по долинѣ Подкумка цѣльми часами ползетъ молочно-блѣлая масса длиннѣйшаго облака, совершенно закрывающая отъ глазъ прибрежныя высоты; въ другіе часы на этихъ плоскихъ вершинахъ подолгу покоятся туки тяжѣлыми покрывалами, въ то время какъ склоны и обрывы хребта окрашиваются солнцемъ въ нѣжные блѣдно-оранжевые тона умирающихъ листьевъ. Находясь на уровнѣ облаковъ *), наблюдатель засматривается на картины, о которыхъ постоянные обитатели низменностей не могутъ имѣть ни малѣйшаго представленія. Изъ Ребровой балки есть два подъема въ паркъ: одинъ — по пересѣкающей Александровскій проспектъ Ребровской улицѣ, мимо оригиналной дачи „Барсъ“ и отеля „Новый паркъ“; другой, болѣе крутой, пересѣкаетъ Красную улицу, не доходя квартала до дачи Георгіевскаго; первый устроенъ исключительно для пѣшеходовъ, вторымъ пользуются возчики сѣна и камня, обязательно тормозя телѣги при спускѣ. Коляски извозчиковъ поднимаются въ Верхній паркъ по Эмировской улицѣ, проходящей по юго-западному склону Крестовой горы; соединяя Голицынскій проспектъ съ Верхнимъ паркомъ, эта узенькая, заслоненная отъ холодныхъ вѣтровъ улица очень круто поднимается около галлереи Нарзана; изъ построекъ на солнечной сторонѣ ея можно отмѣтить дачу „Мавританія“ съ садомъ, а на другой сторонѣ — гостиницу „Паркъ“ и усадьбу съ дѣтскимъ пріютомъ, за которой вы уже вступаете въ предѣлы роскошнаго парка.

Старый Кисловодскъ, возникшій 110 лѣтъ тому назадъ въ видѣ небольшого укрѣпленія съ форштадтомъ, позже переименованнаго въ слободу, расположены по двумъ горнымъ рѣчкамъ: Ольховкѣ и Березовкѣ, обѣ берутъ начало съ такъ наз. Кабардинскаго хребта, водораздѣла между системами Малки и Подкумка, при чмъ Ольховка стремится въ кисловодскую котловину съ юго-востока, а Березовка — съ юго-за-

*). На высинѣ около 3000 фут. надъ уровнемъ моря; высина кисловодского ущелья — 2660 фут.

пада. Въ котловинѣ оба потока сливаются въ одинъ, который и впадаетъ въ Подкумокъ у Кисловодской станицы, верстахъ въ двухъ ниже устья другого праваго притока Подкумка — рѣчки Ликоновки. Всѣ эти быстрые потоки, шумно катящіеся по камнямъ и мѣстами падающіе бѣлье или менѣе высокими каскадами, отдѣляются другъ отъ друга плоскими возвышенностями, частями одного и того же горнаго плато, заключеннаго между Кабардинскимъ хребтомъ и долиной р. Подкумка. Сжатый съ запада, юга и юго-востока каменными громадами плоскогорій, Старый Кисловодскъ заполнилъ своими постройками почти всю котловину, окруживъ такъ наз. Солдатскую гору, съ кладбищемъ на западномъ склонѣ ея, и втиснувъ кварталы окраинъ въ сосѣднія балки. Довольно короткій массивъ Солдатской горы покоится на террасѣ, отдѣляющей въ предѣлахъ города ложбину Ольховки отъ глубокаго, дикаго ущелья Березовки. Поднявшись на эту террасу по Воронцовской улицѣ, попадаешь на базарную площадь и къ красивому, высокому бѣлому зданію собора съ отдѣльно стоящею колокольней; ихъ синіе купола, пріютъ голубей, и прорѣзанныя окнами башенки очень изящны. Разъ въ недѣлю на базарь сѣѣжаются горцы за покупками. Однажды я съ удивленіемъ замѣтилъ всадника, везшаго съ базара въ аулъ... складную желѣзную кровать. Ихъ загорѣлые лица, стройныя фигуры, національные костюмы и маленькия, выносивыя лошадки такъ и просятся на картину. Повидимому, все это — не зажиточный, скорѣе бѣдный народъ.

Постройки въ Старомъ Кисловодскѣ, въ большинствѣ, весьма скромны на видъ, множество домиковъ въ одинъ-два этажа. По словамъ проф. Богословскаго *), „дома эти, между которыми деревянныхъ мало, строятся кое-какъ изъ кирпича, дикаго камня на извести и на глине, также изъ самана и турлуга; самые здоровые — деревянные, потомъ кирпичные, прочие сырьи и зимой чрезвычайно холодны; вообще, кисловодцы мало знакомы съ устройствомъ теплыхъ помѣщеній, о двойныхъ полахъ нѣть рѣчи даже въ капитальныхъ постройкахъ; въ суровую зиму 1881 г. жители не знали, куда укрыться отъ холода“. Зимнимъ курортомъ Кисловодскъ служить всего третій годъ, а потому еще очень мало приспособленъ къ новой роли; такъ, изъ 200 номеровъ центральной гостиницы „Грандъ-отель“ въ зимній сезонъ 1911—12 г. годны были для жилья всего 25, въ остальныхъ окна не имѣли еще двойныхъ рамъ. Въ отелѣ „Скала“ зимнія рамы были изготовлены и вставлены лишь къ декабрю, а потому и при хорошемъ отоплѣніи до этого мѣсяца приходилось порядочно мучиться ревматизмомъ. Много неудобствъ терпятъ пріѣзжие больные даже въ такъ наз. санаторіяхъ. Невзрачныя скученныя

*). См. книжку его: „Пятигорскія и съ ними смежныя минеральныя воды“, изд. 3-е, м. 1886.

постройки, узкія, кривыя улицы и переулки, вымощенные, но довольно грязные, — все это рѣзко отличаетъ Старый Кисловодскъ отъ лучшихъ частей Новаго. При отсутствіи канализациі, о которой кисловодцы пока только мечтаютъ, почва усадебъ, конечно, страшно загрязнена, а потому во всякую пору года болѣзни здѣсь могутъ свирѣпствовать такъ же, какъ и въ другихъ городахъ и селеніяхъ имперіи. Даже воздухъ, особенно на окраинахъ города, а также въ наиболѣе пониженнѣхъ кварталахъ его, по рѣчкамъ, настолько нечистъ, что вы это сразу замѣтаете обоняніемъ. Тѣмъ чуднымъ, свѣжимъ, живительнымъ горнымъ воздухомъ, которому поютъ похвалы разные „путеводители“, вы можете наслаждаться только въ знаменитомъ паркѣ Кисловодска да въ вышеописанныхъ новыхъ частяхъ его. Хорошо еще, что имѣется водопроводъ. Торговыя бани, помѣщающіяся въ Березовской балкѣ, очень неважны; лучше пользоваться ваннами въ гостиницахъ. Далеко, очень далеко еще Кисловодску до благоустройства заграничныхъ курортовъ въ родѣ, напр., Наугейма и другихъ „бадовъ“.

Въ городѣ довольно врачей, нѣсколько аптекъ и аптекарскихъ магазиновъ. Имѣется хороший книжный магазинъ, библіотека (одна городская); мѣстной газеты нѣтъ (пользуются пятигорскими). Въ зимнюю пору Кисловодскъ — очень тихій городъ; въ это время онъ строится, ремонтируется, мостится, чистить свой паркъ и т. д., готовясь къ шумному лѣту, когда въ него отовсюду стекаются больные (преимущественно — уже выздоравливающіе) и веселящійся, обезпеченный людьми, швыряющій деньги направо и налево и изрядно разврачающій мѣстное населеніе. Человѣку небогатому жить въ Кисловодскѣ лѣтомъ — не по карману. Въ зимній сезонъ можно порядочно устроиться, проживая *minimum* 50 рублей въ мѣсяцъ, а вдвое — 75—80 руб.

Перехожу къ описанію парка, которымъ городъ славится и гордится по всей справедливости. Расположенный по восточной сторону Старого Кисловодска, онъ былъ разбитъ сперва по берегамъ Ольховки, а потомъ захватилъ вдвое большій участокъ поднимающихся надъ долиной возвышенностей, окруживъ выходы песчаника — „Красные“ и „Сѣрые камни“. Сообразно съ этимъ различаются теперь Нижній (или Старый) паркъ и Верхній (или Новый), подъ который отведено было до 42 десятинъ. Нижнему парку — лѣтъ 75—80; раньше долина Ольховки не имѣла древесной растительности. Липа, кленъ, ясень, конскій каштанъ, пирамidalный тополь, вязъ-карагачъ, робинія („блѣлая акація“), дубъ, береза, сирень, кизиль настоящій, розы, черемуха, жимолость, желтая акація (карагана), изъ хвойныхъ же туя и сосна — вотъ, конечно, неполный, перечень деревьевъ и кустарниковъ парка, артистически распланированного во всѣхъ частяхъ его. Высокія многовѣтвистыя дѣ-

ревья Нижняго парка очень тѣнисты, и вся почва подъ ними одѣта пышнымъ ковромъ яркой зелени. Ничтожная, узенькая, но во время разливовъ причиняющая весьма значительныя опустошения Ольховка входитъ въ паркъ около небольшого казенного фруктоваго сада и, прорѣзъвъ наиболѣе пониженную часть парка, выходитъ изъ него вблизи галлереи Нарзана. Съ шумомъ вѣтъется она между стровератыми гладко отполированными водой плитами доломита, мѣстами скатываясь съ нихъ крошечными каскадами. Черезъ русло перекинуто нѣсколько каменныхъ мостиковъ, прочныхъ и красивыхъ. Главный входъ въ паркъ находится около галлереи Нарзана, низенькаго одноэтажнаго зданія въ средневѣковомъ англійскомъ стилѣ. Построенная въ 50-хъ годахъ минувшаго вѣка галлерея имѣеть 250 фут. длины и 52 фута ширины. Въ южномъ концѣ ея свѣтлой, просторной залы, обильно украшенной зимующими въ банкахъ растеніями, устроены 8-гранный бассейнъ подъ стекляннымъ колпакомъ; въ этомъ колодцѣ и помыщается кристально-свѣтлая, выдѣляющая углекислый газъ, замѣтно клокочущая въ ненастье вода Нарзана, усердно потребляемая кисловодцами какъ пріятный, освѣжающій напитокъ за обѣдомъ и завтракомъ. Температура ея во всякое время года равняется $11,5^{\circ}$ Р. Прислуга галлереи весь день подаетъ стаканы посѣтителямъ, а для мѣстныхъ жителей вода проведена по трубамъ на улицу; здѣсь, у решетки парка, подлѣ кружекъ и крановъ всегда толпится народъ, унося воду цѣлыми бутылями. Въ слишкомъ холодные или рѣзко вѣтреные дни зимняго сезона галлерея служить мѣстомъ прогулки, въ ней есть буфетъ и кюски съ книгами и газетами. Сквозь эту же галлерею можно пройти и въ паркъ, на широкую площадку съ ресторанами, фотографіей, раковиной для музыкантовъ.

Взявъ по аллеѣ лѣтъ направо отъ главнаго входа въ паркъ, т.-е. по берегу Ольховки, вы вскорѣ доходите до изящнаго бѣлаго павильона библіотеки-читальни; дальше на вашемъ пути будетъ пара старыхъ каштановъ, посаженныхъ покойнымъ намѣстникомъ Кавказа княземъ Воронцовымъ и его женой. Миновавъ каштаны, аллея оканчивается у прелестной бесѣдочки Семиградуснаго источника, или „Стеклянной струи“, по другую сторону которой устроенъ прудъ. Въ этой части своей Нижний паркъ благодаря волнистой поверхности становится особенно живописнымъ. Недалеко отъ „Стеклянной струи“ около Ольховки обнажается цѣлая площадь громадныхъ доломитовыхъ плитъ, оттеснющихъ живое русло рѣчонки къ высотамъ праваго берега. Въ этомъ живописнѣшемъ уголкѣ находится скэтингъ-ринкъ „Дамскій капризъ“. Тутъ черезъ щель доломита, шумно омываемую потокомъ, перекинутъ легкій деревянный мостикъ, приводящій васъ къ каменной лѣстницѣ; ею поднимаются на весьма высокую здѣсь вторую террасу парка — „Царскую площадку“.

Кромъ читальни и скэтинга на нижней террасѣ парка расположены кегельбанъ и гимнастическая площадка. Лѣвый берегъ Ольховки въ предѣлахъ парка высокъ; по нему тянется аллея, кончающаяся выходомъ изъ парка къ зданію собора, мимо одного изъ красивѣйшихъ домовъ въ городѣ, отеля Колѣнкина.

На вторую террасу парка есть еще два подъема, гораздо болѣе легкихъ, чѣмъ упомянутая лѣстница; кромъ того, туда можно попасть и по єздовой дорогѣ съ Эмировской улицы. Ограниченнная съ восточной стороны засаженнымъ въ недавнее время соснами и сплошь задернованнымъ склономъ Романовской горы и одѣтая разнообразными лиственными деревьями и кустарниками, Царская площадка по всей справедливости считается одной изъ самыхъ привлекательныхъ частей кисловодскаго парка. Въ центрѣ ея стоитъ изящный павильонъ ресторана, тутъ же устроенъ фонтанъ. Подлѣ єздовой аллеи въ Верхній паркъ разбитъ богатый цветникъ, а надъ обрывомъ въ южную часть описанной нижней террасы парка прилѣплена очень красива, легкая бесѣдочка „Ласточкино гнѣзdo“, съ верхняго этажа которой открывается одинъ изъ живописнѣйшихъ видовъ на городъ. Будучи значительно поднята надъ нижней террасой парка, Царская площадка болѣе открыта вѣтрамъ и воздухъ ея гораздо суще, а соснякъ Романовской горы, прорѣзанный довольно отлогими, удобными для подъема аллеями, распространяетъ около себя легкій ароматъ хвои. Ранѣе подлѣ Кисловодска сосень вовсе не было, и мысль засадить ими нѣкоторыя высоты еще бѣднаго древесной растительностью Верхнаго парка нельзѧ не признать въ высшей степени полезною.

Романовской горой называется юго-западный выступъ Верхняго парка; это — такое же плато, какъ Крестовая, Солдатская и другія „горы“ Кисловодска. Одѣтая травами, она постепенно понижается на сѣверномъ концѣ своемъ и, напротивъ, чрезвычайно круто обрывается къ югу, въ долину Ольховки. Когда вы дойдете до этого обрыва, съ высоты его откроется глазамъ вашимъ поразительно красивый видъ на весь Старый Кисловодскъ и окружающія его возвышенности, — картина, въ высшей степени интересная и привлекательная. Вы любуетесь на нее точно съ высоты птичьаго полета, и взоръ по цѣлымъ часамъ не можетъ оторваться отъ этого зрѣлища. Подлѣ скамей, тутъ стоящихъ, начинается каменная лѣстница съ деревянными перилами въ болѣе головокружительныхъ частяхъ ея, у поворотовъ; эта гигантская, высѣченная въ твердой горной породѣ, лѣстница соединяетъ вершину обрыва съ ближайшимъ концомъ Царской площадки; внизу она пересѣкаетъ соснякъ. На сѣверномъ склонѣ Романовской горы лежитъ широкая площадка съ большой круглой бесѣдкой; отсюда спускается лѣстница къ єздовой до-

рогъ изъ города въ Верхній паркъ. Эта широкая дорога, обсаженная молодыми еще деревьями и весьма густыми подстриженными кустами и сопровождаемая такою же дорогой для пѣшеходовъ, оставляя вправо отъ себя Царскую площадку, поднимается по дну долины между подошвой Романовской горы и юго-восточнымъ продолженiemъ Крестовой горы. При дорогѣ стойть второй въ паркѣ скѣтингъ-ринкъ, а дальше въ глубинѣ долины бѣльеть довольно большое двухъэтажное деревянное зданіе казенной гостиницы „Красные камни“; подъ защитой сосѣднихъ высотъ этотъ домъ точно нѣжится въ лучахъ южного солнца. Поднявшись, вы попадаете къ красивой, оригинальной группѣ скалъ, называемой по окраскѣ ихъ „Красными камнями“. Обсаженные соснами, эти живописныя скалы служатъ любимымъ мѣстомъ прогулокъ курортной публики, такъ же какъ устроенная передъ ними на холмикѣ полуovalная, обсаженная цветами площадка. Столбообразныя обнаженія краснаго песчаника имѣются и въ другихъ частяхъ Верхнаго парка, но тамъ они неизначительны. Къ сѣверо-востоку отъ Красныхъ камней, у сѣверной границы Верхнаго парка поднимается главный холмъ его— удлиненная террасовидная скала „Сѣрые камни“. На эту голую вершину ведетъ широкая каменная лѣстница, обсаженная соснами. Отсюда во все стороны открываются обширные виды: къ сѣверу—на Ребровую балку и чуть не весь Новый Кисловодскъ, къ югу—почти на треть серебристо-блѣлыхъ снѣговыхъ вершинъ Эльбруса, находящагося въ 80 верстахъ отъ Кисловодска; другія вершины Кавказа заслонены громадными плоскогоріями, мѣшающими видѣть и большую часть Эльбруса. Къ востоку и сѣверо-востоку, за увалами, холмами и долинами поднимаются плосковерхія громады Джинала съ командующей надъ кисловодской котловиной Кабань-горой *).

Строватыя, мѣстами желтоватыя высоты Джинала кисловодцы совершенно искривленно называютъ „Синими камнями“. На нихъ черезъ холмы и долины ведетъ изъ Верхнаго парка пѣшеходная тропа. Вблизи того мѣста, где крутой, но сплошь задернованный склонъ послѣдняго подъема на Синие камни смѣняется высокими обрывами, устроены для отдыха туристовъ деревянныя бесѣдочки. Плато Синихъ камней одѣто низкорослой травой, а по боковымъ морщинамъ его густо сидятъ невысокіе кусты дуба; засохшая на вѣтвяхъ листва дубняка окрашиваетъ зимнею порой въ желтоватые тона значительные участки поверхности этихъ крутизнь, часто заволакиваемыхъ облаками. Отъ упомянутыхъ бесѣдочекъ и съ плато Синихъ камней Эльбрусъ гораздо виднѣе: онъ точно придвигнулся къ вамъ и производить глубокое впечатлѣніе мощн-

*.) Эта голая, напоминающая формой крышку гроба, вершина носить нѣсколько названий и почему-то не упоминается въ „путеводителяхъ“.

ностю и великолѣпшемъ своего блестящаго покрова; въ очень ясную погоду съ высоты нѣкоторыхъ пунктовъ Синихъ камней различается и снѣжная цѣпь Кавказскаго хребта.

Кой-гдѣ подлѣ города, и между прочимъ въ бокахъ такъ наз. Широкой балки (у Синихъ камней), имѣются болѣе или менѣе обширныя пещеры; въ „путеводителяхъ“ отмѣчается весьма обширная пещера Березовой балки, выпускающая такъ наз. Глазной источникъ; въ песчаникѣ обрывовъ плато между Верхнимъ паркомъ и Синими камнями вывѣтываніе создаетъ цѣлые ряды пещерообразныхъ нишъ, а надъ долиной Подкумка въ виду Кисловодской станицы поднимается Кольцогора со сквознымъ отверстиемъ наверху, хорошо различаемымъ съ поѣзда, идущаго въ нѣсколькоихъ верстахъ отъ горы.

Возвращаясь къ Верхнему парку, скажу, что еще весьма обширные участки его ждутъ засадки ихъ деревьями и кустарниками. Въ настоящее время въ немъ нѣть ни одной аллеи, которую можно было бы назвать тѣнистою. Молодыя рощицы карагача, смѣшанного съ нѣкоторыми другими деревцами, разведены по склонамъ холмовъ у задней стѣны парка, недалеко отъ воротъ въ ней. Къ этимъ воротамъ сходятся дороги съ Джинальского перевала и изъ долинъ, склоны которыхъ служатъ каменоломнями. По широкой аллее, служащей дорогою и пересѣкающей Верхній паркъ отъ заднихъ воротъ его до спуска въ Ребровую балку, весь день тянутся телѣги съ тяжелымъ грузомъ, при чемъ, хотя дорога и вымощена, волы и лошади поднимаютъ замѣтную пыль. То же дѣлаетъ и вѣтеръ, гуляющій тутъ на просторѣ.

Въ заключеніе этого очерка добавляю, что съ пустынныхъ холмовъ, возвышающихся немного съвернѣе города, по лѣвой сторонѣ нижняго теченія Березовки, можно на дальнемъ съверо-востокѣ различить и Бештау. Красиво врѣзывается въ небо островерхій, совсѣмъ синій издали, могучій массивъ ея.

II.

Зимуя въ Кисловодскѣ, я ежеднѣвно записывалъ погоду, а когда стала пробуждаться растительность, аккуратно отмѣчалъ появленіе цвѣтовъ. Къ глубочайшему огорченію моему, карманная книжка со всѣми этими замѣтками была потеряна во время лѣтней поїздки моей въ 1912 г. изъ Омска въ Атбасаръ. Поэтому, кромѣ нѣкоторыхъ литературныхъ данныхъ о климатѣ, я предлагаю читателямъ только то, что уцѣлѣло въ моей памяти и письмахъ моихъ въ Армавиръ.

По Войкову („Извѣстія Импер. Русскаго Географ. Общ.“, 1910 г.), отличительными чертами климата Кисловодска въ зимнее полугодіе являются: „обиліе солнечныхъ часовъ, рѣдкость дней безъ солнца, еще

большая рѣдкость ненастія, частыя затишья, малое число дней съ осадками (дождемъ, снѣгомъ) и малое количество осадковъ". Зима въ Кисловодскѣ гораздо холоднѣе, чѣмъ на южномъ берегу Крыма, но зато значительно солнечнѣе и суще. Хребты горъ, защищающіе Кисловодскъ съ востока, останавливаютъ въ зимнее полугодіе низкія облака и туманы, обычные при восточныхъ вѣтрахъ въ Ессентукахъ и Пятигорскѣ. Часто, когда въ Ессентукахъ выюга или густой туманъ, въ соѣдненіи Кисловодскѣ — яркое солнце и тихо. Особенно хороши въ Кисловодскѣ осеніе мѣсяцы, октябрь и ноябрь. Морозы рѣдко доходятъ до 15°. Выпадающій зимой снѣгъ подолгу держится только на вершинахъ горъ, въ долинахъ же быстро таетъ. Весна начинается сравнительно поздно, позже, чѣмъ въ Пятигорскѣ.

Осень 1911 г. была прекрасна и весьма продолжительна. На пропулѣ моей 2 октября въ Ребровую балку были замѣчены еще съ цвѣтами колокольчикъ (*Campanula bononiensis*), душица (*Origanum vulgare*), гвоздика (*Dianthus Seguieri*), *Oenothera biennis*, *Symphtum asperatum*, *Ruthegium carneum* M. B. (но съ *бѣльими* язычками), *Ajuga* sp. (по опущенію — *A. reptans*, по формѣ листьевъ — *A. genevensis*). Тогда же съ цвѣтами и плодами попались: не указанная Шмальгаузеномъ для Кавказа *Galinsoga parviflora* Cav., *Erodium cicutarium*, *Artemisia Scoparia*, *Art. campestris*; съ плодами — *Carlina vulgaris*, *Andropogon Ischaemum*, *Stipa capillata*, съ сорнями — *Asplenium Trichomanes*. Въ томъ же мѣсяцѣ взять былъ въ паркѣ съ засохшимъ соцвѣтіемъ не указанный для Кисловодска *Teucrium Polium* L. Поздніе цвѣты погибли отъ случившагося 3 октября рѣзкаго пониженія температуры съ выпаденіемъ вскорѣ ставшаго снѣга. Почти до Рождества можно было слышать настѣкомыхъ въ травѣ.

Съ конца декабря по 28 января осадковъ почти не было; на 28 января былъ дождь. Первая недѣля января была пасмурная и довольно теплая, затѣмъ до 12-го выпадали солнечные дни. 20-го бушевала буря, 21-го можно было гулять безъ калошъ; замѣчены были прилетѣвшіе жаворонки. 26-го дуль вѣтеръ, очень холодный. 29-го было такъ тепло, что послѣ полудня многіе гуляли прямо по-лѣтнему, снявъ пальто. 30-го, въ яркій солнечный день съ холоднымъ вѣтромъ, на южномъ склонѣ высокаго увала у заднихъ воротъ Верхняго парка среди засохшей травы уже показались приземистые розовые цвѣты брандушекъ (*Bulbocodium caucasicum*), первые предвестники далекой весны, встрѣчавшіеся потомъ до самаго апрѣля. На 1 февраля былъ дождь, 1-го — снѣгъ, пролежавшій дня 4. Наступила пасмурная погода, тянувшаяся 2 недѣли, при чѣмъ между 10 и 16 февраля снѣгъ талъ нѣсколько разъ. 9-го были замѣчены бѣлые и лиловатые съ темными

полосками красивые цвѣточки шафрана (*Crocus reticulatus* M. B.); вмѣстѣ съ брандшками шафранъ обиленъ на солнечныхъ склонахъ плато. 16 и 17 февраля, послѣ непогоды, мѣшавшей прогулкамъ цѣлую недѣлю, были яркие солнечные дни; 16-го дуль рѣзкій восточный вѣтеръ, 17-го — тихо и тепло. Лежаль снѣгъ, но цвѣты продолжали распускаться. Въ концѣ февраля на улицѣ въ балкѣ былъ встрѣченъ одуванчикъ (*Taraxacum vulgare*). 29-го разразилась первая гроза съ крупнымъ, обильнейшимъ градомъ, сплошь покрывшимъ улицы.

Въ письмахъ отъ 3, 10, 23 марта я сообщаю: дуютъ ежедневно сильные вѣтры. 3-го погода была такъ тепла, что растворяли окна. На солнечномъ склонѣ, совершенно закрытомъ отъ холодныхъ вѣтровъ, въ Нижнемъ паркѣ показались первые цвѣточки *Gagea pusilla* и *Ficaria ranunculoides* (послѣдній только что вылѣзъ изъ земли). На гранитномъ склонѣ въ Ребровой балкѣ замѣчена въ цвѣту дѣлая семя мать-и-мачехи (*Tussilago Farfarius*). Еле-еле пробивается зелень. Появились жуки, бабочки, муравьи. Въ общемъ, растительный покровъ окрестностей города сохраняетъ еще зимній видъ. Между 3 и 10 марта были замѣчены цвѣты на кустикахъ *Capsella bursa pastoris*, *Erodium cicutarium*, *Potentilla arenaria*, *Carex humilis*, *C. praecox* Jacq. Названный видъ лапчатки весьма обиленъ на склонахъ увала у заднихъ воротъ парка. На Эмировской улицѣ въ ту же пору попалось съ цвѣточными головками сорное *Senecio vulgaris*; 24 апрѣля часть этихъ головокъ была уже съ летучками. 10 марта въ Нижнемъ паркѣ уже цветли пролѣски *Scilla sernua* Red., *Anemone ranunculoides*, *Veronica peduncularis* M. B.; къ 15-му (или немногого позднѣе) — *Corylus mas* L., кизиль, обильно насыженный подъ скалой Сѣрые камни. Къ 20-му послѣдовательно начали цвѣтеніе фіалки, сперва весьма жалкія на видъ, приземистыя: *Viola hirta* L., *V. uliginosa* Schrad., *V. canina* L.; въ паркѣ ихъ очень много; первая — съ var. *fraterna*, третья — var. *sabulosa*. Къ пасхѣ, 25 марта, къ перечисленнымъ цвѣтамъ присоединились *Muscari racemosum* M. (весьма обильный по склонамъ холмовъ и уваловъ Верхняго парка), *Draba gerpens*, *Plantago montana* Lam. *), *Gentiana humilis* St. (замѣчено несолько крошечныхъ экземпляровъ на одномъ плато за Верхнимъ паркомъ, подлѣ кустарниковъ), *Anemone albana* Stev. (желто-цвѣтный), первоцвѣты *Primula elatior*, *P. officinalis*. 25-го, поднявшись на высоты Синихъ камней, я замѣтилъ тамъ цѣлые ковры листвы *Alchemilla vulgaris*, мѣстами тамъ лежаль снѣгъ, цвѣтовъ не было видно; утро было ясное, прохладное, потомъ затянуло, и начался вѣтерокъ, къ ночи перешедшій въ сильный вѣтеръ. 26-го до 2 часовъ

*) Въ полномъ цвѣту этотъ подорожникъ былъ въ 20-хъ числахъ апрѣля.

пополудни стояла хорошая погода, затѣмъ поднялся очень сильный вѣтеръ съ сѣвера и надвинулъ снѣжная тучи; съ 5 часовъ до ночи валилъ густой снѣгъ, и оконные рамы выли отъ вѣтра. 27-го стоялъ довольно холодный, яркій солнечный день съ сильнымъ восточнымъ вѣтромъ. Въ концѣ марта дули ежедневно вѣты. Въ Нижнемъ паркѣ замѣчены были съ цветами *Pulmonaria mollissima*, *Stellaria media*, *Veronica filiformis* Sm., *Poa annua*, *Thlaspi perfoliatum* L. Въ началѣ апрѣля цвѣть на Сѣрыхъ камняхъ *Meniocis linifolius*, въ Нижнемъ паркѣ — *Draba nemorosa*, *Lamium purpureum*, *Glechoma hederacea*, *Chelidonium majus*, *Alchemilla vulgaris*, въ Верхнемъ — *Galium cruciatum*; послѣдніе 5 видовъ только начинали цвѣтеніе. Помнится, въ ту же пору на подъемѣ къ Синимъ камнямъ попался среди кустарниковъ и побѣговъ ~~блѣдой~~ чемерицы, рядомъ съ *Pulmonaria*, *Scilla* и нѣкоторыми другими цветами, экземпляръ рябчика (*Fritillaria* sp.) съ крупнымъ поникшимъ цветкомъ о равныхъ доляхъ и 2 парами линейно-ланцетныхъ стеблевыхъ листьевъ; желтый околовѣтникъ, внутри съ лиловыми крапинками, составляющими рисунокъ шахматной доски, уже издали былъ хорошо замѣченъ.

Погода въ первые дни апрѣля стояла перемѣнчивая, съ сильными порой вѣтрами. Насколько помню, около 15 апрѣля подъ Красными камнями обильно цвѣть барвинокъ *Vinca minor*, а на холмѣ отеля „Скала“ было замѣчено съ цветами нѣсколько экземпляровъ *Vinca herbacea*. Въ тѣ же дни цвѣла *Fragaria elatior* и начала цвѣсти *Myosotis sparsiflora*. 18, 19, 20 апрѣля погода была мрачная, частью дождливая, 21-го — хороій день. Въ Нижнемъ паркѣ попалась *Veronica orata* съ цветами и крупными незрѣлыми плодами; тамъ же — зацвѣтшій *Cerastium nemorale* M. B. и *Sisymbrium Sophia*. Въ крупныхъ плодахъ были стебельки *Capsella bursa pastoris*. Зацвѣль въ Верхнемъ паркѣ довольно низкорослый лютикъ, по признакамъ болѣе подходящій къ *Ranunculus nemorosus* DC., чѣмъ къ *R. Villarsii*. Раскрыли первые цветочки *Lycopodium arvensis* и *Lithospermum arvense*. Погода до конца апрѣля стояла измѣнчивая. Такъ, 25-го утро было пасмурно, потомъ сильный вѣтеръ разогналъ тучи. 26-го солнечное тихое утро смѣнилось къ 2 часамъ тучами; въ 4-мъ часу начался дождь и шелъ до ночи. 27-го было мрачно и сыро, а выпавшій ночью снѣгъ одѣль все кругомъ саваномъ зимы. 28-го стоялъ хороій день съ сильнымъ восточнымъ вѣтромъ. 29-го, въ день моего отѣзда изъ Кисловодска въ Армавиръ, погода была тихая, солнечная, но уже надвигались облака. Къ 25 апрѣля начала цвѣсть въ Верхнемъ паркѣ *Veronica gentianoides*, на подъемѣ къ отелю „Скала“ вывелъ безчисленные бутоны *Lepidium Draba*, 28-го въ Нижнемъ паркѣ встрѣчена была въ незрѣлыхъ плодахъ *Veronica*

hederifolia и тамъ же, надъ Ольховкой, украсились бѣлыми кистями поздно зацвѣтшіе кусты черемухи. Изъ Кисловодска 26 апрѣля я сѣѣздила на нѣсколько часовъ въ Пятигорскъ (сообщеніе между ними въ высшей степени удобно). Тутъ на склонѣ Машука цвѣли уже *Alyssum hirsutum* M. B., *Alliaria officinalis* Andr., *Euphorbia condylocarpa* M. B., *Ajuga orientalis* L., *Holosteum umbellatum* L. и рядомъ, у грота Лермонтова, бурѣли уже довольно крупныя, но, конечно, еще не раскрывшіяся корзиночки бѣловойлочнаго перистолистнаго *Centaurea leucophylla* M. B.

Наконецъ, въ Армавирѣ 30 апрѣля и 1 мая были замѣчены въ цвѣту *Sclerochloa dura* P. B., *Alyssum calycinum* L., *Lamium amplexicaule* L. Послѣднее имѣло уже и орѣшки. Въ плодахъ были *Holosteum glutinosum* F. et M. и *Veronica opaca* Fr. Въ саду армянской церкви ярко зеленѣлъ мятыликъ *Poa bulbosa* L. var. *vivipara*, весь хохлатый, рядомъ съ молодыми еще метелками *Bromus tectorum* L. Здѣсь весна уже давно вступила въ свои права, между тѣмъ какъ на высотахъ Кисловодска снѣгъ навѣрно еще не весь сошелъ.

M. Сиязовъ.

Городъ Сухумъ и Абхазія въ настоящемъ и прошломъ.

Именной Высочайший указъ на имя Правительствующаго Сената о сооруженіи Черноморской желѣзной дороги вновь привлекъ общее вниманіе къ г. Сухуму и его окрестностямъ и къ Сухумскому округу вообще, въ составъ котораго входитъ вся территорія Абхазіи, и вызываетъ желаніе имѣть вѣрныя свѣдѣнія объ этомъ краѣ. Правда, нѣкоторые путеводители по Кавказу даютъ не мало интересныхъ свѣдѣній о Сухумѣ и о его окрестностяхъ, но для русскаго общества интересно знать весь Сухумскій округъ и имѣть историко-этнографическія свѣдѣнія объ этомъ дѣйствительно замѣтномъ уголкѣ всего Кавказа. Наша задача—сгруппировать въ одно цѣлое многія историческія данныя о Сухумѣ и Абхазіи, разбросанныя въ разныхъ сочиненіяхъ отечественныхъ и иностраннѣхъ писателей, съ присоединеніемъ къ нимъ и собственныхъ многолѣтнихъ наблюденій надъ настоящимъ этого края, и этимъ дать возможность каждому составить себѣ болѣе или менѣе ясное и опредѣленное о немъ понятіе. Конечно, пропуски и ошибки здѣсь неизбѣжны, и всякое указаніе на нихъ, всякая поправка будутъ нами приняты съ глубокой и искренней благодарностью.

При этомъ позволяемъ себѣ предупредить читателей, что въ интересахъ науки, въ интересахъ больныхъ, въ особенности слабогрудыхъ, лѣчущихъ исцѣленія въ мягкомъ и тепломъ климатѣ, наконецъ, въ интересахъ коммерческихъ предпринимателей, въ настоящемъ трудѣ нами приведены также необходимыя свѣдѣнія, касающіяся нѣкоторыхъ частей Черноморской и Кутаїсской губерній и Терской и Кубанской областей, такъ какъ эти части имѣютъ очень близкое соприкосновеніе съ Сухумскимъ округомъ.

Предварительно ознакомимся съ отзывами авторовъ о гор. Сухумѣ.

1) Проф. Вирховъ: „Вмѣсто Ниццы я бы посыпалъ больныхъ въ Сухумъ, если бы здѣсь были осушены болота“. Эти слова были сказаны слишкомъ 30 лѣтъ тому назадъ знаменитымъ нѣмецкимъ ученымъ, побывавшимъ въ Сухумѣ при возвращеніи своемъ съ археологического съѣзда въ Тифлісъ. Въ настоящее время указанныя болота занимаютъ самую незначительную площадь и не имѣютъ положительно никакого зреднаго вліянія на больныхъ, прѣезжающихъ въ Сухумъ.

2) Проф. Остроумовъ: „Сухумъ отличается равномернымъ климатомъ, влажнымъ, теплымъ и совершенно лишеннымъ вѣтровъ, что выгодно отличаетъ его оть Ниццы. Сухумъ оказалъ благотворное дѣйствіе на больныхъ, которыхъ я посыпало вотъ уже 7 — 8 лѣтъ, и это при всей неблагоустроенной жизни въ городѣ и отсутствіи комфорта какъ въ квартирахъ, такъ и въ гостиницахъ. Лучшіе мѣсяцы — съ сентября по іюнь. За этотъ періодъ мало или вовсе не наблюдалось въ Сухумѣ лихорадочныхъ заболѣваній. Средняя температура здѣсь $+15,0^{\circ}$ Ц., средняя весны $+14,4^{\circ}$ Ц., лѣта $+23,3^{\circ}$ Ц., осени $+17,3^{\circ}$ Ц. и зимы $+7,5^{\circ}$ Ц.; соответствующія цифры для Ялты: $+13,7^{\circ}$ Ц., $+11,4^{\circ}$ Ц., $+23,3^{\circ}$ Ц., $+14,9^{\circ}$ Ц. и $+5,3^{\circ}$ Ц. Изъ сравненія этихъ цифръ видно, что при одинаковой температурѣ лѣта, Сухумъ теплѣе Ялты — зимой, осенью и весной“.

3) Марковъ, Е.: „Сухумская долина — это кусочекъ Испаніи или Сициліи, оброненный у подножья старого Кавказа“.

4) Профессоръ Гундобинъ: „Сухуму легко предсказать блестящую будущность, какъ климатической станціи и какъ курорту. Естественные условия всегда возмутъ верхъ надъ искусственными, подобно тому, какъ искусство не можетъ затмить природы, а только подражать послѣдней. Странное, но обычное въ Россіи противорѣчіе между бюрократическими стремленіями и общественными начинаніями рельефно выражается въ Сухумѣ. Министерство Земледѣлія субсидируетъ и рекламируетъ Сочи, а русские врачи начинаютъ селиться и открывать санаторіи въ Сухумѣ. Въ Сочи культивируется здоровая бюрократія, а въ Сухумѣ идутъ дѣйствительно больные люди, и многие изъ нихъ благословляютъ этотъ городъ за полученное облегченіе“.

5) На XII международномъ съездѣ врачей въ Москвѣ (1898 г.) Сухумъ былъ признанъ лучшей климатической станціей для слабогрудыхъ.

6) Сухумомъ интересовались и давали ему самые лестные отзывы такія авторитетныя лица, какъ Боткинъ, Бутлеровъ и др. Профессоръ Бутлеровъ даже имѣлъ недалеко отъ Сухума свою собственную паську.

7) Директоръ Кавказскаго музея г. Радде: „Сухумъ слѣдуетъ считать самыемъ благопріятнымъ для садовыхъ культуръ не только на Кавказѣ, но и вообще на всемъ неизмѣримомъ пространствѣ русского государства. Отъ Сухума къ восточной части бухты ведеть хорошее шоссе. Влѣво равнина простирается на нѣсколько тысяч шаговъ до пригорковъ, утопающихъ въ свѣжей зелени и всюду покрытыхъ одиночно стоящими высокими лиственными деревьями. Привѣтливо выглядываютъ изъ темныхъ вѣчно-зеленыхъ кустовъ миловидныя виллы и значительные насажденія хвойныхъ деревьевъ. На равнинѣ разбросаны воздѣланыя

поля, фруктовые сады, древесные питомники, благородные розы, хвойные деревья, пальмы, а на одномъ участкѣ даже разведены луковицы гіацинтовъ. Группы высокаго пирамидально растущаго евкалипта (*Eucalyptus amygdalina*) придаютъ мѣстности видъ парка, особенно красивааго въ то время, когда эти насажденія покрываются молодой голубовато-серой листвой. Танующаяся кой-гдѣ непроходимыя изгороди состоять изъ кустовъ букетной розы. Этотъ индійскій видъ былъ теперь въ полномъ цвѣту, и лепестки карминово-красныхъ обильныхъ цвѣтовъ буквально засыпали дорогу. Изъ-за этихъ пышныхъ изгородей величаво возвышались почти черными колоннами, вышиною въ 12 метр., пирамидальные кипарисы. Ихъ контуры были прямолинейны и острь, точно заботливая рука придала имъ такую форму при помощи ножницъ. Заглянувъ черезъ эту изгородь въ садъ, мы увидѣли чужеземные виды деревьевъ во всемъ ихъ пышномъ ростѣ и красотѣ“.

8) Старшій врачъ Сухумского округа А. Ковальский: „Сопоставивъ всѣ климатическія особенности гор. Сухума, этого небольшого уголка съверо-восточного берега Чернаго моря, можно, придерживаясь климатической классификаціи доктора Вебера, отнести его къ Л. 6. I категоріи, т.-е. къ мѣстамъ приморскимъ, влажнымъ. Въ немъ зимой могутъ получить облегченіе: катары бронхъ, бронхиальная астма, страданія легочной ткани, хронические плевриты, такъ называемая грудная жабы, ипохондрия, органическія страданія сердца не въ сильной степени развитія и др. Въ весенне и лѣтнє мѣсяцы морскія купанья въ бухтѣ, насыщенной солями, могутъ приносить пользу: при многихъ страданіяхъ наружныхъ покрововъ, при ломотахъ, нервныхъ болѣзняхъ, а главное — при золотухѣ. Здѣсь бы можно было устроить санитарную станцію для золотушныхъ дѣтей. Мнѣ здѣсь приходилось наблюдать скорое заживленіе застарѣлыхъ и упорныхъ золотушныхъ язвъ. Благодаря, вѣроятно, обилию сока въ воздухѣ инфекціонныя дѣтскія болѣзни спорадически не появляются. Если же изрѣдка прорывается натуральная оспа, то таковая завозится сюда исключительно богомольцами, прибывающими масами въ Ново-Афонскій и Драндскій монастыри. Радикальнымъ средствомъ противъ подобныхъ явлений будетъ усиленіе санитарно-медицинскаго надзора за этимъ вѣчно движущимся контингентомъ“.

9) Инженеръ путей сообщенія Н. Андреевскій: „Сухумъ, какъ находящійся въ такихъ чрезвычайно благопріятныхъ условіяхъ и избавленный отъ невыносимаго во время жаркихъ дней юго-восточного вѣтра, случающагося нерѣдко на южномъ берегу Крыма и сильно дѣйствующаго на нервы, представляетъ собой весьма рѣдкое и исключительное явленіе, а кромѣ того, какъ обладающій еще и всѣми необходимыми условіями относительно воздуха, воды и почвы и не имѣющій равныхъ соперни-

ковъ въ Россіи, заслуживаетъ особаго къ нему вниманія и въ климатическомъ отношеніи, при условіи лишь должнаго приложенія къ нему человѣческихъ рукъ для приведенія въ полный порядокъ этихъ трехъ факторовъ здоровья, безъ чего ни одна мѣстность, какъ бы она ни была богато одарена природой, не имѣть права считаться вполнѣ совершенной".

Мы бы могли привести здѣсь не мало отзывовъ и другихъ авторитетныхъ лицъ, но думаемъ, приведенные выше отзывы должны удовлетворить читателей и всѣхъ пріѣзжихъ въ гор. Сухумъ.

Дадимъ здѣсь и новѣйшія сравнительныя таблицы среднихъ температуръ (по Цельсію) Ялты, Сочи и Сухума:

	Ялта.	Сочи.	Сухумъ.
Средняя годовая	13,7°	14°	15,2°
" лѣтняя	23,3°	21,9°	23°
" зимняя	5,3°	6,2°	7,5°
" осенняя	14°	15,3°	17,3°
" весенняя	11,4°	12,2°	14,4°

Чтобы легче ориентироваться читателямъ, предварительно сдѣляемъ общий обзоръ Сухумскаго округа, а потомъ перейдемъ къ его частямъ.

Сѣверную границу Сухумскаго округа составляютъ отроги Кавказскихъ горъ съ перевалами Клухорскимъ, Нахарскимъ, Марухскимъ и Псхувскимъ. Эти перевалы даютъ возможность населенію округа сообщаться съ жителями Кубанской и Терской областей, а черезъ Клухорскій перевалъ одна солидная компанія предполагаетъ соорудить желѣзную дорогу подъ названіемъ „Черноморско-Эльбрусская“, отъ станціи Невинномысской (Владикавказской жел. дор.) до гор. Сухума, съ устройствомъ въ этомъ городѣ вполнѣ оборудованного порта. Съ юга границу Сухумскаго округа составляетъ Черное море, съ востока — рѣка Ингуръ, Мингрелія и Сванетія (Кутаисская губ.) и съ запада — рѣка Бзыбь и Черноморская губернія. До 1905 года западной границей Сухумскаго округа служила рѣчка Бегереста, близъ Гагринской климатической станціи, и самыя Гагры входили въ составъ этого округа, но затѣмъ распоряженіемъ высшаго правительства вся полоса отъ Бегересты до Бзыби, въ количествѣ 13 тыс. десятинъ, была отведена въ распоряженіе этой станціи, и такимъ образомъ Гагринский районъ теперь входитъ въ составъ Черноморской губерніи. Въ составъ этой же губерніи вошли казенные лѣса площадью 108.798 дес. и богатѣйшая пальмовая дача (самшитъ — кавказская пальма) въ количествѣ 7316 дес. Вся береговая полоса отъ рѣки Ингуръ до рѣки Бзыби разнится 175 верстамъ.

Населенное пространство составляютъ нѣсколько террасъ, понижающихся къ морю, покрытыхъ лѣсомъ и щедро орошеныхъ рѣками и ручьями.

Главные реки округа: Бзыбь, Кодорь и Ингуръ берут свое начало съ высот Главнаго Кавказскаго хребта и изобилуютъ водой зимой и лѣтомъ. По глубинѣ своей и обилию водь онъ могли бы быть на нѣкоторомъ протяженіи удобны для плаванія небольшихъ судовъ, но постоянный баръ преграждаетъ входъ въ нихъ съ моря, почему плаваніе по нимъ производится только на небольшихъ „фелюгахъ“ (парусныя лодки). Изъ второстепенныхъ рекъ обильное водой: Мчишъ, бьющая большими каскадами изъ-подъ отвесной горы, затѣмъ — Апста, Гумиста, Келасуры, Моквы, Гализга и Окумъ. Реки эти не настолько глубоки, чтобы по нимъ возможно было плаваніе, но при впаденіи въ море онъ образуютъ обширные и глубокие водоемы, годные для отстаиванія фелюгъ, застигнутыхъ въ морѣ бурею и успѣвшихъ проскользнуть черезъ баръ.

Почти весь округъ, въ особенности бассейны рекъ: Бзыби, Ингура, Кодора, Гумисты, Келасуры, Гализги и Окума, богаты минеральными рудами и минеральными источниками. Одна только площадь ткварчельского каменного угля, по удостовѣренію отечественныхъ и иностранныхъ геологовъ, можетъ дать отъ 6 до 7 миллиардовъ каменного угля, а такихъ площадей найдено пока 11. Желѣзными, сѣрными и кислыми минеральными источниками пользуются только пастухи да стада домашнихъ животныхъ, пасущіяся лѣтомъ на горахъ. Дайте благоустройство этимъ источникамъ, — и десятки и сотни тысячъ больныхъ потянутся туда. Недалеко отъ Сухума найдены сѣрные источники, которыми пользовались древніе римляне и о которыхъ рѣчь будетъ ниже — болѣе подробно.

Особенное внимание читателей мы обращаемъ на богатѣйшую флору Абхазіи (Сухумскій округъ).

Изъ всѣхъ провинцій западнаго Закавказья по богатству лѣсами *) Абхазія занимаетъ если не первое, то во всякомъ случаѣ одно изъ самыхъ видныхъ мѣсть. Лѣса составляютъ до 70% общей площади Сухумскаго округа. Обилиемъ лѣсовъ Абхазія всецѣло обязана своему исключительному географическому положенію. Защищенная отъ холодныхъ сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ вѣтровъ высокой стѣною Главнаго Кавказскаго хребта (въ 9500 фут. надъ уровнемъ моря) и въ то же время открытая благоприятному влиянию теплыхъ и влажныхъ юго-западныхъ вѣтровъ, дующихъ съ моря, Абхазія отличается климатомъ, который можно сравнить съ климатомъ Ниццы и Мерана. Высокая влажность, значительная годовая температура естественно вызываютъ пышное развитіе лѣсной растительности. Роскошные дѣвственныя лѣса покрываютъ всю Абхазію, начиная отъ берега Чернаго моря вплоть до высотъ въ 7000—7500 фут., гдѣ

*) Свѣдѣніями о лѣсахъ Абхазіи я обязанъ лѣсному ревизору Сухумскаго округа г. Родичену.

они уступают место великолепнымъ нагорнымъ лѣсамъ. Эти лѣса, въ особенности въ нижней, болѣе теплой части страны, отличаются, во-первыхъ, тѣмъ, что они состоятъ болѣе, чѣмъ изъ 105 различныхъ дре-весныхъ и кустарныхъ породъ, изъ которыхъ въ составъ одной нижней полосы входитъ до 86 породъ, при чёмъ породы хвойныя — пихта, ель, тисъ (красное дерево) произрастаютъ въ нихъ бокъ о бокъ съ вѣчно-зелеными — самшитомъ, понтийскимъ рододендрономъ, лавровишней, остроли-стомъ и съ породами, имѣющими спадающіе листья: букомъ, каштаномъ, грабомъ, дубомъ, разными кленами, липою и др.; во-вторыхъ, имъ свойственна масса вьющихся и лазящихъ растеній (до 11 видовъ), придающихъ имъ полутропический характеръ; въ-третьихъ, большинство породъ, входящихъ въ ихъ составъ, отличается обширными предѣлами своего вертикального распространенія (не менѣе 3000—4000 фут., нерѣдко даже 6000—7000 фут., какъ букъ, азaleя, орѣшникъ, лавровишня, остролистъ, плющъ); въ-четвертыхъ, обилие напоротниковъ (до 25 видовъ), мѣстами какъ бы замѣняющихъ мало развитый въ лѣсахъ травянистый покровъ, составляетъ также одну изъ характерныхъ особенностей лѣсовъ Абхазіи.

Въ вертикальномъ направлениі лѣсная растительность Абхазіи можетъ быть раздѣлена на четыре зоны или пояса, отличающіеся другъ отъ друга не столько исключительнымъ господствомъ, сколько лишь преобладаніемъ тѣхъ или иныхъ породъ и характеромъ образованныхъ ими насажденій.

Первый поясъ составляютъ смѣшанные лиственные лѣса, покры-вающіе всю низменность, холмы, предгорья, горные ущелья и долины до высотъ 2500—3000 фут. Лѣса этой полосы отличаются отъ лѣсовъ слѣдующаго пояса, во-первыхъ, необыкновенной своей густотой, во-вто-рыхъ — массой ліанъ и лазящихъ растеній, изъ которыхъ самыми обык-новенными являются: сассапарель, обвойникъ, плющъ, ломоносъ и др., а также изобиліемъ разныхъ колючихъ кустарниковъ, и въ-третьихъ — разнообразiemъ и смѣшаннымъ характеромъ входящихъ въ составъ ихъ породъ и отсутствиемъ среди нихъ преобладающей. Трудно указать на породу, господствующую надъ другими въ лѣсахъ этого пояса. Грабъ, дубъ, ольха, хмелев-грабъ, карагачъ, полевой кленъ, липа и др. являются въ ней одинаково распространенными. Въ нѣсколько меньшемъ коли-чествѣ распространены: букъ, каштанъ, ясень, глоговина и птерокарія (послѣдняя — исключительно по берегамъ рѣчекъ). Въ этой полосѣ растутъ въ изобилії нѣкоторыя вѣчно-зеленые и вообще южныя породы, какъ лавръ, инжиръ, шелковица, хурма (*Diospyros Lotus*), которая выше уже не попадаются. Этой же полосѣ свойственны тѣ драгоценныя лѣс-ныя породы, которыми Абхазія по справедливости можетъ гордиться, а именно: самшитъ, или кавказская пальма, грекій орѣхъ и негной-де-

рево, или тисъ. Въ настоящее время сохранились обширные насаждения самшита въ казенныхъ лѣсныхъ дачахъ по ущельямъ рекъ Бзыби, Галигги и Окума, а также кой-гдѣ и въ ущельяхъ другихъ рекъ—Апсты (она же Бакланка), Хипсты (она же Бѣлая), Гумысты, Амткела и др. Встарину, надо полагать, самшитовые лѣса покрывали всю Абхазію, какъ обѣ этомъ ясно свидѣтельствуютъ обширные заросли кустарного самшита на самѣй берегу моря возлѣ Пицунды (древній *Pisnus*), Гудауты (буксовая гавань), Бомборъ и Очемиръ. Грекскій орѣхъ сохранился въ Абхазіи также еще въ весьма значительномъ количествѣ. Собственно говоря, грекскій орѣхъ нельзя назвать породой вполнѣ дикой въ Абхазіи: встрѣчается онъ главнымъ образомъ только въ селеніяхъ или въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ таковыя нѣкогда существовали; но во всякомъ случаѣ дичаетъ онъ очень легко и въ такомъ видѣ вмѣстѣ съ каштаномъ и букомъ встрѣчается въ первобытныхъ лѣсахъ Дальскаго ущелья (по р. Кодору). Что касается третьей изъ названныхъ породъ—негнойдерева, или тиса, то порода эта также распространена въ лѣсахъ Абхазіи, попадаясь, впрочемъ, больше отдаленными деревьями въ буковыхъ, кленовыхъ и самшитовыхъ лѣсахъ. Составленный разнообразно, какъ и самыи лѣсы, подлѣсокъ представляетъ непроходимыя заросли сумаха, грабинника, держи-дерева, азалеи и пр. на сухихъ и солнечныхъ мѣстахъ и pontijskаго рододендрона, лавровиціи, остролиста и др. на болѣе влажныхъ и тѣнистыхъ мѣстахъ. Эти колючія заросли вмѣстѣ съ безчисленными ліанами, которыя длинными спутанными прядями перекидываются съ одного дерева на другое, дѣлаютъ лѣса нижней полосы трудно доступными; но весной, когда въ нихъ распускаются пышные розовые букеты рододендроновъ, благоухаютъ золотистыя азалеи, и всюду съ вѣтокъ деревьевъ свѣшиваются изящные благовонные цветы каприфоли, лѣса Абхазіи бываютъ очаровательны.

Слѣдующій поясъ лѣсной растительности составляютъ лѣса предгорій, занимающія высоты отъ 2500 до 4500 фут. Въ составъ этихъ лѣсовъ входятъ главнымъ образомъ букъ, дубъ и каштанъ съ характернымъ подлѣскомъ изъ pontijskаго рододендрона, азалеи и кавказской чернѣки, къ которымъ присоединяются на болѣе тѣнистыхъ мѣстахъ лавровиція и остролистъ. Деревья здѣсь растуть уже не столь густыми насажденіями, вслѣдствіе чего, развиваясь на привольѣ, они не глушатъ другъ друга. Нерѣдко лѣса этой полосы бываютъ сплошь образованы превосходными огромными деревьями бука и дуба и гигантскими каштанами въ 2—2 $\frac{1}{2}$, обхватѣ. Кроме названныхъ породъ, не рѣдкость встрѣтить въ этомъ поясѣ также глогонину, тисъ, разные клены и горный илимъ. Приблизительно на высотѣ 4500 фут. на солнечныхъ склонахъ и гораздо ниже—на затѣненныхъ мѣстахъ къ буко-

вому лѣсу начинаютъ примѣшиваться отдельные экземпляры нордманновской пихты и восточной ели, которая по мѣрѣ поднятія быстро возрастаютъ въ числѣ и, начиная съ высоты приблизительно въ 5000 фут., образуютъ весьма характерный поясъ высокогорныхъ хвойныхъ лѣсовъ (до высоты 6000 — 6500 фут.). Кромѣ пихты и ели встрѣчаются букъ, ясень, кленъ, горный илимъ и ольха — последняя по берегамъ ручьевъ. Подлѣсокъ состоять изъ pontijskаго рододендрона, азалии, кавказской черники, лавровицнн, остролиста и альпийской крушинь. Лѣса хвойной полосы растутъ еще болѣе рѣкими насажденіями, чѣмъ буко-каптановые лѣса, и, состоя изъ отборныхъ мачтовыхъ деревьевъ, имѣющихъ сплошь и рядомъ до 2 — 2 $\frac{1}{2}$, аршиновъ въ поперечникѣ, напоминаютъ собою великолѣпный паркъ, сходство съ которымъ дополняется многочисленными полянами, разбросанными тамъ и сямъ по лѣсу и поросшими субальпийской растительностью: разными колокольчиками, аконитами, телеками, гигантскимъ борщевикомъ и др. Особенно эти лѣса хороши въ верховьяхъ бассейновъ рекъ Бзыби, Чхалты и Секена, где взоръ не перестаетъ удивляться возвышающимся на каждомъ шагу мощнымъ лѣснымъ гигантамъ, безъ малѣшихъ пороковъ, въ 20—30 саж. длины и 2 $\frac{1}{2}$ —3 саж. въ окружности.

На высотѣ около 6000 фут., или даже еще ниже, въ лѣсу начинаютъ попадаться отдельные деревья рябины, высокогорного клена, pontijskаго дуба, а затѣмъ въ болѣе высокой полосѣ къ нимъ присоединяются еще береза, гордовина, медвѣжья груша, горная смородина и др. Изъ этихъ породъ составляется типичный поясъ лѣсной растительности, за которымъ начинается область нагорныхъ пастбищъ.

Бросая общий взглядъ на вышеизложенное, нельзя не согласиться съ тѣмъ, что лѣснымъ богатствамъ Абхазіи предстоитъ блестящая будущность, если эксплоатациѣ ихъ будетъ вестись добросовѣстно. Разумѣется, что возможность пользованія ими явится не раньше, чѣмъ будетъ построена желѣзная дорога, эта артерія, по которой въ Абхазію будутъ вливаться прогрессъ и цивилизациѣ. Нечего опасаться, что лѣсные богатства могутъ когда-нибудь истощиться. Природа здѣсь сама заботится обѣ ихъ поддержаніи: благодѣтельный климатъ и дѣвственная почва, возобновляютъ вырубаемые лѣса безъ всякаго вмѣшательства человѣка.

Въ заключеніе остается сказать, что Абхазія еще долгое время, если не всегда, будетъ представлять собою настоящее лѣсное царство, поражающее роскошью и грандиозными размѣрами своихъ формъ всякаго путешественника, котораго судьба заброситъ въ его непроходимыя дебри.

Главная масса лѣсовъ, площадью 410.155 дес., принадлежитъ казнѣ, въ томъ числѣ до 8500 дес. самшита, или такъ наз. кавказской пальмы.

Разработка этихъ лѣсныхъ богатствъ въ настоящее время ведется довольно слабо. Причина этому коренится, главнымъ образомъ, въ томъ, что лѣса расположены въ крайне гористой, сильно пересѣченной, почти бездорожной и совершенно необитаемой мѣстности. Въ виду этого разработка лѣсовъ въ большомъ масштабѣ возможна только съ значительными денежными затратами на всякаго рода техническія сооруженія и приспособленія для доставки лѣса съ горъ къ рѣкамъ, для урегулированія этихъ рѣкъ, которыхъ во время дождей превращаются въ грозные бурные потоки, на прокладку въ горы дорогъ для доставки туда необходимыхъ приспособленій: проволочныхъ путей, переносныхъ желѣзныхъ дорогъ, вагонетокъ, продовольствія для служащихъ и рабочихъ и для перевозки лѣса въ разныхъ направлѣніяхъ. Наконецъ, самая доставка лѣса съ берега моря на лѣсные рынки Россіи и Европы сопряжена съ большими затрудненіями, вытекающими изъ особенностей морскаго берега (отсутствіе удобныхъ бухтъ для судовъ, бурное состояніе моря у берега и т. д.). Поэтому такое трудное и сложное дѣло, какъ эксплуатация горныхъ лѣсовъ Абхазіи, доступно только крупнымъ капиталистамъ, которые могутъ получить отъ этого дѣла выгоду лишь послѣ значительныхъ затратъ на его организацію.

Познакомимся теперь съ горными субальпійскими пастбищами. Выше границы лѣсной растительности находится область субальпійскихъ горныхъ пастбищъ, площадью 15000 дес., расположенныхъ на Главномъ Кавказскомъ хребтѣ и его отрогахъ и контрфорсахъ. Пастбища эти, покрыты въ лѣтнее время сочной травой, изобилуютъ родниками съ прозрачной и вкусной водой. Лѣтомъ сюда выгоняется въ значительномъ количествѣ скотъ не только изъ Абхазіи, но и изъ прилегающей къ ней съ восточной стороны Мингрелии, отдѣляющейся отъ нея р. Ингуромъ. Чистый горный воздухъ, близость смолистыхъ хвойныхъ лѣсовъ, миллионы яркихъ альпійскихъ цветовъ представляютъ счастливую совокупность условий для образования тамъ горныхъ курортовъ, гдѣ бы могли укрѣплять свое здоровье тысячи людей, а въ особенности дѣти. Къ сожалѣнію, въ настоящее время этими благами, расточаемыми щедрой рукой природы, пользуются только пастухи со своими многочисленными стадами. Тамъ, гдѣ пасутся стада, луговая растительность носить характеръ настоящей преріи, а въ менѣе доступныхъ мѣстахъ растительность представляетъ типичный альпійский лугъ, образованный миніатюрными растеніями, принадлежащими къ характернымъ альпійскимъ родамъ и видамъ, какъ-то: миніатюрными колокольчиками, горечавками, астрами, анемонами, примулами, альпійскимъ клеверомъ, лапчатками. Область нагорныхъ пастбищъ Абхазіи начинается съ 6500 фут. и протирается до 9500 фут., гдѣ начинаются уже вѣчные снѣга. На нѣко-

торыхъ пастбищахъ, какъ напр. на „Шхадза“, „Одагара“ и др., имѣются минеральные источники, изъ которыхъ заслуживаетъ вниманія источникъ на первомъ пастбищѣ, напоминающій по вкусу пятигорскій Нарзанъ. Вода изъ этого источника, очень пріятная на вкусъ, возбуждаетъ аппетитъ и способствуетъ быстрому усвоенію пищи. Пользоваться этимъ источникомъ приѣзжаютъ мѣстные обыватели изъ г. Сухума и окрестныхъ селеній, и въ теченіе лѣта тамъ бываетъ въ среднемъ до 100 человѣкъ. Заслуживаетъ также вниманія на горномъ пастбищѣ „Рихва“ озеро „Рица“, длиною $2\frac{1}{2}$ версты и шириной $\frac{1}{2}$ версты, расположеннное въ живописной и весьма красивой мѣстности, среди скалъ, покрытыхъ хвойнымъ лѣсомъ. Къ этому озеру прилегаетъ пѣшеходная тропа по Бзыбскому ущелью.

Попутно остается упомянуть о фаунѣ горныхъ лѣсовъ и пастбищъ, въ составѣ которой входятъ: олень, туръ, серна, джейранъ и др.; изъ хищниковъ имѣть промысловое значеніе куница, доставляющая цѣнныій мехъ, но которая вслѣдствіе значительного истребленія съ каждымъ годомъ все болѣе убываетъ въ числѣ. Кроме этихъ животныхъ, въ изобилии водятся въ лѣсахъ медвѣди, волки, шакалы, кабаны (дикія свини), бѣлки, рысь, дикий котъ и пр. Пернатое царство представляютъ сойки, дрозды, коршуны, ястреба, орлы, фазаны, горные куропатки и пр. Море даетъ полчища дельфиновъ и массу разнообразныхъ рыбъ; а въ рѣкахъ водятся лосось, форель и пр.

Заканчивая описание флоры этого округа, познакомимся еще съ пицундской сосновой рощей на берегу моря, единственной на всемъ черноморскомъ побережїи отъ Анакопіи до турецкой границы. Роща эта расположена на берегу глубокой бухты, пригодной для стоянки большихъ морскихъ судовъ почти у самаго берега во все времена года. Вся мѣстность, прилегающая и тяготѣющая къ этой рощѣ и бухтѣ, представляетъ по берегу моря въ сторону Гудауты и въ сѣверномъ направленіи, къ новороссийско-сухумскому шоссе, цѣлый рядъ небольшихъ холмовъ, покрытыхъ лиственнымъ лѣсомъ изъ самыхъ разнообразныхъ древесныхъ и кустарниковыхъ породъ. Множество ущелій и рѣчныхъ долинъ, мягкие склоны горъ къ югу, красивые спускающіеся къ морю утесы, покрытые рѣдкими экземплярами приморской сосны и земляничного дерева, придаютъ этой мѣстности весьма живописный видъ; въ климатическомъ же отношеніи она занимаетъ, можно сказать, первое мѣсто въ Сухумскомъ округѣ. Между тѣмъ вслѣдствіе отсутствія морского сообщенія черезъ Пицунду, а также и сухопутнаго колеснаго сообщенія, мѣстность эта почти отрѣзана отъ всего округа, почему многія частновладельческія земли здѣсь пустуютъ и никѣмъ почти не эксплуатируются.

Сосновая роща, площадью до 200 десят., находится нынѣ въ пользованіи монаховъ Пицундского монастыря, которые очень мало заботятся о сохраненіи ея для потомства. Поэтому, чтобы не вызвать справедливыхъ упрековъ современниковъ въ небрежной охранѣ памятника природы и одного изъ лучшихъ въ Россіи мѣстъ для облегченія страданій слабо-грудыхъ, было бы желательно подчинить эту рощу особому надзору компетентныхъ въ этомъ дѣлѣ лицъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что какъ только установится правильное сообщеніе моремъ съ Пицундой и пройдетъ побережная желѣзная дорога, вся описанная мѣстность съ величественнымъ пицундскимъ храмомъ, построеннымъ въ рощѣ на берегу моря въ VI вѣкѣ византійскимъ императоромъ Юстиніаномъ Великимъ, будетъ привлекать массу паломниковъ и туристовъ, посѣщеніе которыхъ, несомнѣнно, оживитъ всю эту мѣстность.

Въ административномъ отношеніи Сухумскій округъ дѣлится на 4 участка: 1) Гумистинский — съ городомъ Сухумомъ, 2) Гудаутский — съ мѣстечкомъ Гудауты, 3) Кодорский — съ мѣстечкомъ Очемчиры и 4) Самурзаканский. Во всемъ округѣ съ площадью 7253,27 кв. верстъ *) считается до 140 тыс. жителей обоего пола.

Нѣкоторыя мѣстности округа носятъ особья названія; изъ нихъ заслуживаются вниманія въ Гумистинскомъ участкѣ — Цебельда и Дальское ущелье, а въ Кодорскомъ участкѣ — Абжуа. Вообще, Сухумскій округъ часто подвергался административной ломкѣ. Съ самаго начала онъ представлялъ изъ себя самостоятельный Сухумскій отдѣль съ нѣсколькими округами, а потомъ былъ образованъ одинъ округъ съ поименованными 4 участками. Переходимъ теперь къ описанію Сухума, затѣмъ его окрестностей и, наконецъ, четырехъ участковъ округа.

Городъ Сухумъ расположено подъ 43° сѣвер. шир. и $58^{\circ}40'$ вост. долг., надъ уровнемъ моря отъ 12 до 40 футовъ.

Глазамъ путешественника, подъѣзжающаго съ моря, открывается огромная бухта, имѣющая видъ почти правильного полукруга, свободные концы которого составляютъ два мыса: съ западной стороны — песчаный, поросшій мелкимъ кустарникомъ, клиномъ вдающійся въ море мысъ, на которомъ построены маякъ съ высотой огня въ 121 футъ, и другой, поросшій довольно густымъ лѣсомъ, такъ называемый Кодорскій мысъ (отъ рѣки Кодоръ, вливающейся тутъ въ море). Послѣдній мысъ находится на разстояніи 20 верстъ отъ города въ юго-восточномъ направлѣніи. Пространство между ними, или, другими словами, ширина воротъ сухумской бухты, равняется 20 морскимъ милямъ. Бухта эта, за весьма рѣдкими исключеніями, всегда спокойна, даже и тогда, когда кругомъ

*) Изъ нихъ казенныхъ земель и лѣсовъ 301.357 десят.

ея бушуютъ бурныя волны, замѣтныя изъ Сухума лишь въ бинокль. Со стороны берега она защищена рядами горъ, выдвинувшихся волнобразно и постепенно возвышающихся по мѣрѣ приближенія ихъ къ Главному Кавказскому хребту, такъ что восточные, сѣверо-восточные, сѣверо-западные и западные вѣтры Россіи не имѣютъ доступа къ сухумской бухтѣ и достигаютъ моря далеко за ея предѣлами, гдѣ и производятъ бурныя волненія. Что же касается южныхъ и въ особенности юго-западныхъ вѣтровъ, то они дуютъ очень рѣдко, и разводимая ими морская зыбь въ сухумской бухтѣ, затрудняющая сообщеніе на лодкахъ между пароходомъ и берегомъ, весьма легко устранима устройствомъ за бывшей старой крѣпостью мола длиною около 150 сажень.

За осушку болотъ, находящихся за названной крѣпостью (всего 900 кв. саж.), несомнѣнно возьмутся тѣ лица, которыхъ съ боя берутъ участки на этихъ болотахъ въ аренду срокомъ на 8 лѣтъ, соглашаясь даже на возведеніе на нихъ построекъ и проведеніе необходимаго числа улицъ. До послѣдняго времени здѣсь за каждую квадратную сажень предлагали арендную плату отъ 3 до 10 рублей, а какъ только узнали о предстоящемъ проведеніи Черноморской желѣзной дороги, на торгахъ арендная плата за квадр. сажень дошла до 15 рублей. Эти будущие арендаторы ожидаютъ, что на арендуемой ими землѣ будетъ сооружена желѣзодорожная станція. Арендуемые участки (всего 50) городу могутъ дать не менѣе одного миллиона рублей, да, кромѣ того, городъ же будетъ получать оцѣночнаго сбора и другихъ доходовъ съ этихъ земельныхъ участковъ и съ возведенныхъ на нихъ построекъ не менѣе 200—300 тыс. рублей.

Сухумская бухта по размѣру больше всѣхъ бухтъ Чернаго моря. Она принимаетъ въ себѣ прѣсную воду четырехъ небольшихъ горныхъ рѣчекъ, которая по количеству вливающей ими воды распредѣляется въ слѣдующемъ порядкѣ: Маджарка, Келасуры, Беслетка и Черная, или Гнилая рѣчка. Рѣчки эти отстоятъ на значительномъ одна отъ другой разстояніи. Въ Сухумѣ, собственно, вливается одна только Беслетка, влияніе которой на концентрацію солей въ бухтѣ самое незначительное, почему, при относительно ничтожномъ притокѣ прѣсной воды, вода бухты достаточно насыщена солями. Въ этой водѣ кромѣ солей замѣчается и присутствіе іода.

Дно бухты въ городѣ покрыто у береговъ довольно крупными округленными камнями; количество ихъ зависитъ отъ частоты и силы морского прибоя. Но есть мѣста, гдѣ дно выстлано исключительно мелкимъ пескомъ, такъ что прѣятнѣе входить въ воду босой ногой, чѣмъ въ обуви, употребляемой многими специально для купанья. Глубина бухты у береговъ во всѣхъ почти мѣстахъ одинаковая: на разстояній

З саженей отъ берега она превышаетъ ростъ человѣка. Температура ея зависить отъ рано наступающей весны съ жаркими днями, такъ что въ нѣкоторые годы можно купаться уже съ половины апрѣля, ибо вода достигаетъ $+18^{\circ}$ Р. Колебанія температуры въ бухтѣ лѣтомъ небольшія: если въ жаркій день она имѣеть $+21^{\circ}$, $+22^{\circ}$, то къ утру спускается только до $+18^{\circ}$, $+19^{\circ}$. Продолжительность сезона купанья въ сухумской бухтѣ, вообще, можно опредѣлить съ 1 мая по 1 октября; но любители морскихъ купаній нерѣдко продолжаютъ купаться и въ октябрѣ. Высота волны рѣдко доходитъ до 2 метровъ, и то болышею частью въ зимнее время. Пока благоустроенной купальни не имѣется. Около старой крѣпости хотя можно получать холодныя и теплыя морскія ванны, но онѣ не соотвѣтствуютъ своему назначенію. Городъ обѣщаетъ устроить въ недалекомъ будущемъ водолѣчебныя купальни.

Сухумъ, какъ наиболѣе подходящее мѣсто въ Россіи для климатической станціи, при должномъ его благоустройствѣ несомнѣнно далеко могъ оставить за себой даже Ялту. Зима здѣсь теплая, мягкая и довольно ровная, а вѣтры (за исключеніемъ лишь весьма рѣдкихъ южныхъ, юго-западныхъ, да иногда прорывающихся изъ Беслестского ущелья, но попадающихъ не въ Сухумъ, а въ его предмѣстье, называемое Солдатской слободкой) совершенно отсутствуютъ.

Очаровательную панораму представляеть Сухумъ съ моря, но онъ прекрасенъ и съ желѣзной пристани, вдающейся далеко въ морѣ, когда лучи восходящаго солнца, пробираясь черезъ верхушки нарядно одѣтыхъ деревьевъ, растущихъ на окружающихъ предгорьяхъ, постепенно захватываютъ обширный горизонтъ, пробуждая всѣхъ къ дневной жизни. Въ это время море тихо и спокойно. Подъ зеркальной поверхностью моря маневрируетъ множество рыбъ и рыбокъ, за которыми носятся чайки или нырки, неустанно преслѣдующія рыбъ. На горизонтѣ показываются быстро приближающіеся пароходы, за которыми съ быстротой молниіи несутся вплыв огромные дельфины, жадно хватая выбрасываемые съ пароходовъ остатки пищи. Вонъ турокъ-рыболовъ, слѣдя религіозной традиціи, опускается на колѣни и въ благоговѣйномъ настроеніи направляетъ взоры свои къ священной Меккѣ.

Взгляните теперь на горы, защищающія Сухумъ и его окрестности отъ холодныхъ и рѣзкихъ вѣтровъ и представляющія собой предгорья Главнаго Кавказскаго хребта. Эти горы покрыты богатѣйшею растительностью, нерѣдко вѣковыми лѣсами. Ближайшая къ городу первая трапециѣ и вся городская земля, въ количествѣ 4 тыс. дес., покрыты фруктовыми и декоративными садами, виноградниками и самыми разнообразными плантациями, начиная отъ кукурузы и до наиболѣе рѣдкихъ и цѣнныхъ тропическихъ растеній, разводимыхъ въ большинствѣ слу-

чаевъ пришельцами изъ Россіи. А гора Чернавскаго? Это одинъ обширный паркъ съ восхитительными дачными постройками, утопающими въ царствѣ тропическихъ растеній, въ царствѣ розъ и разнообразныхъ цветовъ. Если бы съ моря можно было перенестись на самую вершину горы Чернавскаго и взглянуть на Сухумъ и на спокойную его бухту, то вы бы спросили себя, иллюзія ли это, или же действительная картина чарующей сухумской природы.

Вы чувствуете въ Сухумѣ, въ особенности на болѣе возвышенныхъ мѣстахъ, приливъ чистаго и здороваго воздуха. Вообще, воздухъ здѣсь, какъ и въ большей части приморскихъ мѣстностей, чистъ, достаточно насыщенъ озономъ и водяными парами. Чистота и прозрачность его доходятъ до такой степени, что иногда, въ ясное утро, пока море еще не сильно нагрѣто солнечными лучами, отчетливо видны рельефы Батумскихъ, Аджарскихъ и Трапезундскихъ горъ, лежащихъ на разстояніи отъ 300 до 400 верстъ. Явленіе это обусловливается сравнительно малою степенью влажности воздуха и наблюдается большею частью послѣ сильного сѣверо-восточного вѣтра. Но къ полудню нагрѣтое море начинаетъ снабжать воздухъ водяными парами, отдаленная панорама горъ все болѣе заволакивается туманною завѣсою, и къ вечеру того же дня на горизонтѣ показываются отдѣльные группы бѣловатыхъ тучъ, которыхъ къ слѣдующему дню разрѣшаются болѣе или менѣе обильнымъ дождемъ. Вотъ почему туземцы, не ошибаясь, предсказываютъ ненастье безъ барометра, глядя только на рельефы горныхъ возвышеностей. Впрочемъ, появление и кувырканіе стаи дельфиновъ тоже служатъ признаками, предвѣщающими дурную погоду.

Въ теченіе 6 мѣсяцевъ, съ апрѣля по октябрь, въ Сухумѣ господствуютъ два правильно чередующихся теченія воздуха, эти два главныхъ ассенизатора и вентилятора Сухума. Съ 9 часовъ утра появляется на поверхности бухты легкая рябь, идущая къ городу съ юго-запада. Съ 10 часовъ чувствуется уже усиленное движеніе воздуха; съ 11 до 5 часовъ вечера дуетъ съ равнотѣрнымъ напряженіемъ юго-западный вѣтеръ, чистый, мягкий, ласкающій. Не только больные, но и здоровые люди, не привыкшіе къ морскому климату, гуляя въ это время по бульвару набережной, чувствуютъ наклонность ко сну и ощущаютъ пріятную во всемъ организмѣ нѣгу. Нерѣдко можно видѣть пріѣзжихъ грудныхъ больныхъ, убаюканныхъ этимъ озонированнымъ, укрѣпляющимъ вѣтромъ и дремлющихъ на скамьяхъ. Въ 7 часовъ вечера наступаетъ затишье, продолжающееся до 9—10 часовъ ночи, послѣ чего воздухъ начинаетъ двигаться въ противоположномъ направленіи: начинается сѣверо-восточное теченіе. Со снѣговыхъ вершинъ Главнаго хребта дуетъ умѣренной силы вѣтеръ; воздухъ, движимый имъ, опускаясь и приходя

въ соприкосновеніе съ нагрѣтыми днемъ предгорьями, достигаетъ Сухума достаточно нагрѣтымъ, утративъ свою первоначальную температуру. Такъ дуетъ вѣтеръ до 6—7 часовъ утра. Къ этому времени онъ становится свѣжимъ, даже холоднымъ, поглотивъ свободное тепло нагрѣтыхъ днемъ мѣстностей. Съ 7 часовъ утра слѣдующаго дня наступаетъ второе затишье, чтобы снова открыть свободный путь вчерашнему юго-западному теченію атмосферы, и т. д. Оба описанныхъ воздушныхъ теченія приносятъ Сухуму большую пользу, такъ какъ они, пробѣгая чистыя пространства, не содержатъ ни малѣйшей пыли и уносятъ изъ города испаренія, накопившіяся въ промежутокъ затишья. Кроме того, лѣтомъ въ жаркій день, когда термометръ иногда показываетъ $+40^{\circ}$ Р., морской вѣтеръ до того освѣжаетъ атмосферу, что жара становится нечувствительной.

Съ октября правильность въ чередованіи этихъ воздушныхъ теченій нарушается, появляются новые: сѣверныя, сѣверо-западныя и юго-восточные теченія. Первые до Сухума не доходятъ, отражаясь о высокія предгорья, защищающія городъ цѣлымъ рядомъ правильныхъ барикадъ, и падаютъ въ открытое море въ 30—40 миляхъ южнѣе Сухума; здѣсь въ это время бываетъ полный штиль, и только гуляя по набережной, можно видѣть вдали, въ открытомъ морѣ, горы волнъ, бороздящихъ видимый горизонтъ, тогда какъ вода въ бухтѣ сохраняетъ зеркальную поверхность. Въ періодъ этихъ вѣтровъ давленіе и относительная влажность въ Сухумѣ становится менѣе.

Самое непріятное для города теченіе воздуха — юго-восточное. Оно пробѣгаѣтъ болотистыя мѣста Минтреліи, захватываетъ испаренія съ низменностей и дельту рѣкъ Ріона, Ингурѣ и др. и въ концѣ концовъноситъ на нѣсколько дней ненастье и холодъ. Иногда и зимой, по прекращенію юго-восточного вѣтра, появляется на нѣкоторое время лѣтній бризъ съ соответствующимъ ему по ночамъ сѣверо-восточнымъ вѣтромъ; но это ненадолго. Послѣ такого явленія слѣдуетъ болѣе продолжительный періодъ описанныхъ зимнихъ теченій, которыя съ небольшими промежутками господствуютъ до наступленія весны. Но бываютъ годы (и нѣредко), когда въ январѣ и даже декабрѣ сухумцы ходятъ въ лѣтніхъ костюмахъ, а плодовыя деревья цвѣтутъ и даютъ плоды.

Въ прежніе годы Сухумъ не зналъ такихъ непріятныхъ вѣтровъ, не зналъ и большого снѣга. Безпощадная вырубка дѣственныхъ лѣсовъ измѣнила климатическую условія не только Сухума, но цѣлаго Сухумскаго округа.

Говоря о свойствѣ почвы Сухума и его окрестностей, нельзя умолчать о ея производительной силѣ. Извѣстно, что турки, занявъ Сухумъ 3 мая 1878 года, сожгли весь городъ и истребили все, что

попадалось подъ руки. Жертвою этого турецкаго вандализма паль и сухумскій акклиматизаціонный ботаническій садъ; въ немъ не осталось ни одного дерева. Но не прошло съ того времени и 10 лѣтъ, какъ все вырубленное выросло снова, и теперь, какъ и до войны, снова красуются въ немъ туземныя и рѣлкія экзотическія деревья и кустарники.

Сухумъ съ его прекрасной панорамой разнообразныхъ видовъ, съ его прелестной бухтою и мягкимъ климатомъ быль бы всегда гнѣздомъ малярии, если бы постоянныя указанія врачей на необходимость осушенія мѣстности не обратили на себя вниманіе высшей администраціи. Дѣятельности бывшаго начальника Сухумскаго отдѣла генерала Геймана и достойныхъ его сотрудниковъ по оздоровленію города никогда не забудутъ сухумцы. Если бы современные врачи и администраторы дѣятельно работали въ этомъ направленіи, Сухумъ быль бы дѣйствительно райскимъ уголкомъ. Одинъ благотворный климатъ не можетъ создать здоровыя условія для жизни, если не будутъ приняты мѣры къ приведенію города въ надлежащій порядокъ.

Верхній слой почвы Сухума и его окрестностей состоить изъ наноснаго чернозема, перемѣшанного съ болѣе или менѣе крупными камнями округленной формы, какъ бы обточенными водою. По мѣрѣ приближенія къ морю въ этомъ слоѣ попадается болѣе гравія, а у самаго прибрежья и береговъ — мелкій гравій и мелкій песокъ. Подъ этимъ верхнимъ, наноснымъ слоемъ находится въ изобиліи почвенная вода. Теченіе ея имѣть всегда направление къ морю. Глубина, или, лучше сказать, разстояніе ея отъ поверхности земли, не во всѣхъ мѣстахъ одинакова: она зависитъ отъ изгибовъ слоя непроницаемой для воды глины, почему въ разныхъ мѣстахъ вырываемые колодцы имѣютъ различную глубину. Но, вообще, можно сказать, что чѣмъ ближе къ морю, тѣмъ глубина ихъ менѣше. На западной сторонѣ города, почти непосредственно за старой крѣпостью, слой глины выходить на поверхность. Морскіе прибои, дѣйствовавшіе въ теченіе многихъ столѣтій, образовали на берегу изъ выбрасываемаго песка сплошной рядъ бугровъ. Эти преграды служили главнымъ препятствиемъ естественному стоку скопившейся въ глинистой почвѣ воды и обусловили образованіе указанныхъ выше болотъ, но болота эти рѣзко отличаются отъ бездонныхъ болотъ российскихъ низменностей, въ которыхъ зачастую гибнутъ люди и животныя, засасываемыя тиной. Дно здѣшнихъ болотъ образуетъ слой вязкой глины, толщина котораго нигдѣ не превышаетъ 1 аршина и который покоится на плотномъ грунѣ изъ сплошного известняка. Вотъ эти-то болотистыя мѣста берутся въ аренду, и надо полагать, въ недалекомъ будущемъ, при надлежащемъ устройствѣ дренажныхъ каналъ,

вода застаиваться не будетъ, навсегда исчезнутъ болотные мѣазы, и къ общей работѣ климатическихъ дѣятелей прибавится еще одинъ крупный факторъ.

Лежацій подъ этой глиной слой почвы состоять исключительно изъ сплошного известняка, простирающагося на многія версты во всѣхъ направленіяхъ. Въ ближайшихъ ущельяхъ, гдѣ слой этотъ обнажается, производится въ большихъ размѣрахъ ломка известняка, и изъ него добывается громадный процентъ чистой извести высокаго качества. Больѣе стойкихъ каменныхъ породъ поблизости не встрѣчается. Попадаются въ руслахъ горныхъ рѣкъ глыбы кварца, конгломераты его, діоритъ, куски порфира, гранитъ, сіенитъ и др. Въ руслахъ рѣкъ Кодора и Бзыби, съ неимовѣрной силой несущихся во время таянія ледниковъ по горнымъ стремнинамъ, попадаются цѣлые глыбы гранита и обломки сіенита, которые эти рѣки выносятъ почти до своихъ устьевъ.

Отрицательными чертами Сухума являются неблагоустроенные мостовыя и тѣ четыре городскія канавы, въ которыхъ застаивается вода, отравляющая воздухъ. Необходимо принять мѣры къ благоустройству улицъ и къ облицовкѣ этихъ канавъ. Правда, усиленный развѣздъ *) легкихъ и тяжелыхъ экипажей неблагопріятно отзыается на благосостояніи улицъ, разводя въ хорошую негоду нестерпимую пыль, а въ неизѣстную — невытасканную грязь; но можно было бы отвести одну или двѣ улицы для проѣзда тяжелыхъ туземныхъ арбъ, нагруженныхъ различными сельскохозяйственными продуктами: кукурузою, табакомъ, лѣсными и вообще строительными материалами. Для привлечения прѣражихъ, въ особенности больныхъ, необходимо создать удобства во всѣхъ отношеніяхъ, и тогда Сухумъ дѣйствительно станетъ курортомъ.

Движеніе отъ Сухума къ Кодору (20 верстъ), Цебельдѣ (24 версты) и къ Новому Аeonу (25 верстъ) настолько значительно, что представляется возможнымъ устройство электрическаго пути. Считая затрату на устройство электрическаго рельсоваго пути съ необходимыми оборудованіями, самое большое, въ 2 миллиона, а эксплоатационные расходы въ 100 тысячъ рублей, чистый доходъ выразится въ суммѣ 116 тысячъ рублей (почти 6%, дивиденда).

Сухумъ пользуется прекрасной водой. Въ 3 верстахъ отъ морскаго берега, по направлению къ сѣверу, въ маленькомъ ущельѣ рѣчки Сухумки, на высотѣ 200 фут. надъ уровнемъ моря, есть много горныхъ родниковъ, изъ которыхъ 14 соединены въ два бассейна, составляющіе

*) Въ самомъ городе функционируютъ 200 одно- и пароконныхъ фаэтоновъ и лиneasъ, 10 дилижансовъ, 70 грузовыхъ дорогъ, 120 тачекъ, 40 арбъ и столько же вычныхъ

главные резервуары необходимой для города воды. Этой водой, проведенной по трубамъ, пользуется городъ, но, къ сожалѣнію, она не удовлетворяетъ всѣхъ нуждъ городского населенія. Теперь въ Сухумѣ болѣе 25 тысячъ населенія, а резервуары въ сутки даютъ 18 тысячъ ведеръ. Это обстоятельство вынудило городъ приступить къ сооруженію нового водопровода, который въ сутки будетъ давать не менѣе 300 тыс. ведеръ воды.

Химический анализъ нынѣ употребляемой воды даетъ слѣдующіе результаты: общая твердость въ германскихъ градусахъ на 100 литровъ воды — 36 %, твердость постоянная — 17,5 %; окиси кальція на 100 литровъ воды — 35,02 грамма, окиси магнія — 0,70 грамма, хлористыхъ соединеній — 0,331 грамма, органическихъ веществъ — 0,181 грамма. Сравнительно большое преобладаніе въ этой водѣ окиси кальція приписывается известняку, составляющему, какъ сказано выше, базисъ подпочвы Сухума.

На восточной сторонѣ города находится слободка, которую населяютъ отставные солдаты и многие изъ мелкихъ торговцевъ-мингрельцевъ. Они употребляютъ для пищи и питья воду изъ протекающей здѣсь небольшой рѣчки Беслетки, которая образуется изъ горныхъ родниковъ, почему вода ея имѣть ту же составные части, что и описанная выше; только пробы ея, взятые близъ устья, даютъ при анализѣ нѣсколько больше противъ первой органическихъ веществъ, а именно: на 100 литровъ — 0,70 грамма. Ясноѣ это вполнѣ понятно, если принять во вниманіе близость поселенія и соседство рѣтныхъ кухонь местнаго полка.

По мнѣнію Петенкофера и Шульца, вода, содержащая въ 100 литрахъ 1,75 грамма органическихъ веществъ, должна быть признана годной для питья; по другимъ же изслѣдованіямъ допускается въ томъ же объемѣ воды до 3 граммовъ органическихъ веществъ. Слѣдовательно, рѣчка Беслетка, вполнѣ отвѣчая условіямъ хорошей и здоровой воды, выдерживаетъ критику гидрологовъ.

Еще нѣсколько словъ о сухумскомъ климатѣ. Если бы врачи посыпали своихъ больныхъ въ Сухумѣ своевременно и снабжали ихъ нужными настѣненіями, то ни одинъ слабогрудый не сдѣлся бы жертвой сухумскаго климата. Больнымъ и, вообще, желающимъ поселиться въ Сухумѣ совѣтуемъ прїѣзжать въ этотъ городъ къ осени, именно съ половины сентября. Осень и зима поистинѣ очаровательны въ Сухумѣ. Но на лѣто не мѣшало бы больнымъ выѣзжать изъ Сухума, а именно съ половины июня или въ началѣ июля, и не возвращаться ранѣе 15 сентября. Конечно, въ Сухумѣ можно жить больнымъ и цѣлое лѣто, никакда не выѣзжая, но тогда они должны принять нѣкоторыя мѣ-

ры: 1) нанять квартиру на возвышенныхъ мѣстахъ города, 2) часто предпринимать экскурсіи по окрестностямъ Сухума и пользоваться морскими купаньями (экскурсіи можно предпринимать по цебельдинскому, драндскому и ново-аөонскому шоссе); 3) не засиживаться долго на воздухѣ при закатѣ солица, а потомъ смыло можно выходить на гулянье; 4) въ сырую погоду обязательно носить теплыя калоши; 5) избѣгать сквозныхъ вѣтровъ и испарины; 6) носить фуфайку, хотя бы егеровскую; и 7) наконецъ, не выходить натощакъ по утрамъ на свѣжій воздухъ. Въ особенности надо беречь себя въ первые годы. Въ сухомъ климатѣ можно растянуться и на зеленой травѣ, но въ такихъ влажныхъ мѣстахъ, какъ Сухумъ, Гагры, Сочи и др. города черноморского побережья, несовѣтуетъ больнымъ пользоваться такой травой. Зеленые фрукты, запиваніе ихъ водой, лежаніе на голой землѣ — вотъ что вызываетъ заболеваніе лихорадкой среди солдатъ и у лицъ, незнакомыхъ съ условіями жизни въ приморскихъ влажныхъ городахъ.

На устройство желѣзной пристани потрачено съ лишнимъ 200 тыс. рублей, но пароходы къ ней приставать не могутъ. Для Сухума нужна другая пристань, нуженъ портъ для коммерческихъ цѣлей. Если впустить море въ то пространство суши, которое лежитъ между рѣчкой Гнилушкой и старой крѣпостью, то здесь могъ бы быть лучшій цортъ на всемъ восточномъ побережїи. Но пока начнутъ строить портъ, арендаторы городской земли займутъ это пространство улицами и разными строеніями.

При вышеописанныхъ данныхъ сухумской бухты проведеніе черезъ Сухумъ желѣзной дороги и устройство въ немъ коммерческаго порта принесло бы Россіи неисчислимыя выгоды, а вмѣстѣ съ тѣмъ и дало бы возможность этому городу занять по праву принадлежащее ему мѣсто въ качествѣ климатической станціи, центра самой оживленной сельскохозяйственной дѣятельности на юго-восточномъ берегу Чернаго моря и наиболѣшаго черноморскаго порта для обмѣна Закавказья и Россіи произведеніями и для сбыта ихъ за границу.

Сухумъ, древняя Дюоскурія, могъ бы тогда вполнѣ оправдать свое греческое название („Божіи источники“), и какъ скоро было бы устранио его изолированное отъ Закавказья и внутренней Россіи положеніе, быстро развился бы въ прекрасный торговый городъ. Для большаго поясненія того, насколько сухумская бухта защищена, нeliшнимъ будетъ упомянуть и о томъ, что въ ней никогда не было кораблекрушений, зачастую повторяющихся въ Поти, какъ никогда не было и срыванія пароходовъ съ якорей, имѣвшаго мѣсто въ Батумѣ въ страшную бурю 1871 года, во время которой на сухумскомъ рейдѣ безопасно держался даже такій крошечный пароходъ, какъ „Звѣздочка“, тогда

какъ въ Поти погибло нѣсколько пароходовъ, стоявшихъ на рейдѣ и въ бухтѣ, и множество парусныхъ судовъ съ находившимися на нихъ людьми. О морскихъ аваріяхъ у береговъ Новороссійска, Туапсе, Сочи, Гагръ и даже Ялты нечего и говорить.

Главными улицами Сухума считаются: Михайловская набережная (краса всего Сухума), Лорисъ-Меликовская, Колюбакинская и Георгіевская. Изъ многихъ гостиницъ болѣе другихъ заслуживаютъ вниманія: „Ориенталь“, гостиница „Курортъ“ (обѣ на Колюбакинской улицѣ) и „Грандъ-Отель“.

Подробнѣе скажемъ о сухумскомъ акклиматизаціонномъ ботаническомъ садѣ, находящемся въ концѣ Колюбакинской улицы, недалеко отъ городской больницы имени профессора Остроумова. Садъ этотъ богатъ экзотическими растеніями, какъ лиственными, такъ и хвойными. Центральное мѣсто сада занимаетъ огромная кавказская липа, срубленная турками въ 1877 году и вновь отросшая красивымъ шатромъ. Здѣсь вы найдете тюльпанныя деревья, евкалипты, акаціи разныхъ видовъ, масличную рошу, два бассейна съ папирусомъ и золотыми рыбками, въ нихъ же размножающимися, чайные кусты, бамбуковую аллею, сахарный тростникъ, декоративный питомникъ, опытный огородъ, лавровиши, лавры, камфорное дерево, бананы, агавы, драцены и пр.

Въ нагорной части сада, кроме оранжерей и теплицъ, помѣщается музей сада, где сохраняются въ консервированномъ видѣ всякие плоды, древесные отрубы, гербаріи и пр. Здѣсь же помѣщается лабораторія, контрольная сѣменная станція и пр. Въ этой части сада заслуживаютъ вниманія: 1) цитрапій, заключающій коллекцію лимоновъ, апельсиновъ, мандариновъ; 2) грунтовый сарай для лимоновъ, 3) съверный секторъ съ японскими мандаринами и кустами чая; 4) померанцевый питомникъ; 5) субтропический технический участокъ, где можно видѣть каучуковое и гуттаперчевое деревья, цейлонскую корицу, восковые, мыльные, лаковые деревья, индиго, рами (китайскую кроциву), новозеландскій ленъ; 6) три чайныхъ плантации; 7) субтропический плодовый участокъ, где можно видѣть земляничное, клубничное деревья и пр.; 8) наблюдательный участокъ около метеорологической станціи; 9) испытательные питомники; 10) показательный — демонстративный участокъ у музея, где можно видѣть табакъ, ристъ, хлопокъ, индиго, бананъ и пр. Подробное описание всѣхъ отдельностей можно найти въ книжкѣ завѣдывающаго этимъ садомъ В. В. Марковича, которую можно приобрѣсти въ конторѣ сада за 50 коп.

Въ ботаническомъ же саду помѣщается Сухумское Общество сельского хозяйства.

Первоначальное устройство этого сада принадлежитъ бывшему на-

чальнику абхазской береговой линии, генералу Раевскому, въ имѣніи котораго, въ Одессѣ, гостила А. С. Пушкинъ. Въ 30-хъ годахъ, при помоши ссыльного поляка Багриновскаго, генералъ Раевскій устроилъ ботаническіе сады въ Сухумѣ и Бамбороахъ (недалеко отъ мѣст. Гудуты). Дальнѣйшимъ пропагандають этотъ садъ и самый гор. Сухумъ всесцѣло обязаны начальнику Сухумскаго отдѣла генералу Гейману.

За городомъ, въ 2 верстахъ отъ Сухума, въ распоряженіи ботаническаго сада имѣется еще 42 десятины земли. Здѣсь сосредоточены консервная фабрика и сельскохозяйственная культура.

Вотъ списокъ различныхъ растеній, пригодныхъ для разведенія въ Сухумскомъ округѣ, составленный бывшимъ сухумскимъ дачевладѣльцемъ сенаторомъ П. Татариновымъ: 1) хлѣбные растенія: кукуруза и гоми (*Ranunculus italicum*); 2) растенія, доставляющія волокно для обработки: хлопчатникъ, кендырь или турка (туркестанское многолѣтнее растеніе), джутъ, новозеландскій ленъ, рами, или китайская крапива, альфа (алжирское растеніе), *Chamaerops chinensis* (китайская пальма); 3) лѣкарственныя растенія: кипарисовый лавръ, японская корица, *Eucalyptus amygdalina*, *Mitis anisatum* (даетъ звѣздчатый аниссъ), *Laurus nobilis*, лавровицня, гранатъ, клещевина, розмаринъ, макъ; 4) растенія, годныя для парфюмерного дѣла: разные сорта акаціи съ душистыми цвѣтами, *Iris florentina*; 5) растенія, дающія столярный и подѣлочный материалъ: бамбуки разныхъ видовъ, самшитъ (кавказская пальма), талышъ (дающій твердую древесину), разные евкалипты (лучше — *amygdalina*), *Parrotia persica* (желѣзное дерево), тисъ — красное дерево (негной); 6) растенія, дающія плоды и др. съѣдобные продукты: виноградъ, сахарное саго, масличное дерево, анисовое и мандариновое деревья, японская мушмула, съѣдобный каштанъ, грекій орѣхъ, инжиръ, лавровое дерево, *Rupica granatum*, японская хурма (*Diospyros kaki*), китайская хурма (*Diospyros chinensis*), мѣстная хурма (*Diospyros Lotus*), гомбо (доставляетъ съѣдобные плоды), сладкій картофель, земляной орѣхъ, кизильъ, *Sesamum indicum* (растеніе, дающее кунжутное масло), чайное дерево; сюда же относятся: яблоки, груши, сливы, персики, черешни, вишни, айва и пр.; 7) растенія, доставляющія разные другие несъѣдобные продукты: табакъ, пробковый дубъ, сосна, *Acacia dealbata*, лаковое дерево, восковое дерево, *Cistus ladaniferus* (ладанникъ — кусты его доставляютъ ладанъ).

Скажемъ нѣсколько словъ относительно врачей. Въ Сухумѣ никогда не было такого наплыва врачей, какъ теперь. Увеличеніе медицинскаго персонала вызывается прогрессивнымъ увеличеніемъ населенія и числа больныхъ, принадлежащихъ больше всего къ рабочему люду. Здѣшнимъ врачамъ практика даетъ достаточный заработка: иначе они не выбрали бы Сухумъ мѣстомъ своего жительства. Многие изъ нихъ

успѣли даже обставить себя извѣстнымъ комфортомъ и выстроить собственные дома. Сухумъ даетъ каждому изъ здѣшнихъ врачей богатѣйшій материалъ для собиранія самыхъ интересныхъ статистическихъ данныхъ по разнаго рода болѣзнямъ, а подобныя данные, связанныя съ дѣльными рефератами, могли бы заинтересовать не только молодыхъ врачей, выступающихъ впервые на поприщѣ своей дѣятельности, но и весь ученый медицинскій міръ. Къ сожалѣнію, мы не видимъ такой со-лидарности между здѣшними врачами, и каждый изъ нихъ, создавъ у себя замкнутый монастырь, избѣгаетъ сношенія со своими коллегами. Разъ Сухумъ желаетъ назвать себя курортомъ, то курортные врачи должны быть въ курсѣ дѣла и принимать всѣ зависящія отъ нихъ мѣры какъ къ огражденію пріѣзжихъ больныхъ отъ прививки имъ разнаго рода болѣзней, такъ и къ предоставлению имъ всѣхъ необходимыхъ удобствъ.

Высокій заработка на многочисленныхъ плантацияхъ вызываетъ большой приливъ рабочихъ не только изъ Россіи, но даже и изъ Турціи. Неблагопріятныя условія жизни на этихъ плантацияхъ въ связи съ развратомъ и пьянствомъ создаютъ разныя болѣзни, въ особенности венерическія. Чѣмъ же гарантирована здоровая часть населенія, въ особенности пріѣзжіе больные, отъ многочисленной зараженной прислуги? Существующее Общество сухумскихъ врачей, съ утвержденнымъ уставомъ, видя воочію антисанитарныя условія Сухума, могло бы возвысить свой голосъ, чтобы дать Сухуму здоровую прислугу, благоустроенные мостовые и обеспечить бѣднѣйшихъ больныхъ болѣе дешевыми помѣщеніями, болѣе дешевыми жизненными продуктами. Что больныхъ въ Сухумѣ не мало, это доказывается, во-первыхъ, обилиемъ врачей и ихъ благосостояніемъ, а во-вторыхъ — существованіемъ четырехъ вполнѣ оборудованныхъ аптекъ. Разъ Сухумъ — климатическая станція и будущій курортъ, должно быть обращено особенное вниманіе на всю жизнь этого города. Такого вниманія требуютъ всѣ необходимые жизненные продукты. Даже гостиницы, парикмахерскія, рестораны, меблированные комнаты, кондитерскія, пекарни и пр. должны быть поставлены подъ надлежащей контролль.

Наилѣпѣ праздношатающихся богомольцевъ и богомолокъ, наплыть рабочихъ изъ разныхъ мѣстъ и размноженіе увеселительныхъ домовъ требуютъ особенного вниманія со стороны санитарного надзора. У насъ никому въ голову не приходитъ, во-первыхъ, подвергать освидѣтельствованію рабочихъ, въ особенности пріѣзжающихъ изъ Турціи (до 10 тыс. ежегодно), а во-вторыхъ — провѣрять печальную обстановку жизни этихъ рабочихъ на табачныхъ плантацияхъ, отъ которыхъ табачные фабриканты и ихъ агенты зарабатываютъ ежегодно десятки и сотни тысячъ рублей.

Сухумъ, располагая громаднымъ количествомъ земли, обязанъ принять всѣ мѣры для дальнѣйшаго развитія всѣхъ отраслей сельскаго хозяйства. На его обязанности — создать культурныя условія существованія для своихъ обывателей. Являясь административнымъ центромъ, концентрируя вокругъ себя подгородныхъ жителей и вмѣщаю въ себѣ не одну сотню подрастающаго поколѣнія, онъ обязанъ быть источникомъ духовной пищи, достойнымъ соченомъ въ семье благоустроенныхъ городовъ и руководителемъ въ дѣлѣ культурно-экономического развитія мѣстнаго населения. А для этого ему необходимо, при наличности энергичныхъ дѣятелей по благоустройству города, позаботиться объ обеспеченіи себя въ достаточной степени средствами, крупнымъ источникомъ коихъ являются, между прочимъ, земельныя угодья города.

Сухумъ имѣть важное значеніе по вывозу табака. Собственно табачный районъ ограничивается полосой приблизительно въ 130 верстъ по береговой линии, имѣющей въ поперечнике отъ 25 до 50 верстъ. Табаководствомъ занимается въ значительномъ числѣ и пришлый элементъ — турецко-подданные армяне, греки и турки, которые ведутъ это дѣло въ большинствѣ случаевъ на арендованной землѣ. Изъ общаго числа плантаторовъ около 27%, приходится на долю иностранныхъ подданныхъ. Всѣ плантации въ округѣ — промышленныя. Хозяйственныхъ плантаций за послѣднія 5 лѣтъ не было.

Арендная плата за землю подъ табакъ установилась отъ 20 до 35 рублей за десятину (подъ другія культуры — отъ 10 до 15 рублей). Рассады продаются отъ 1 р. 50 к. до 3 руб. и дороже за сотню. Табакъ Сухумскаго округа выращивается исключительно изъ турецкихъ сѣяній: „самсона“ и „трапезунда“. Сборъ „самсона“ съ десятины колеблется между 30 и 60 пудами, а „трапезунда“ — между 50 и 80 пудами. Изъ общаго количества табака на „самсонъ“ приходится до 80%, а на „трапезундъ“ до 20%.

Развитіе табаководства въ Сухумскомъ округѣ за послѣднія 8 лѣтъ характеризуется слѣдующими данными (беремъ 1910 годъ): число плантаций — 6750, ихъ общая площадь въ десятинахъ — 8457,7, общій сборъ въ пудахъ — 544.240, средній сборъ съ одной десятины — 64 пуда. Въ томъ же 1910 году „самсонъ“ далъ 434.060 пудовъ, а „трапезундъ“ — 110.180.

Цѣны за пудъ были слѣдующія:

	I сортъ.	II сортъ.	III сортъ.	IV сортъ.
На плантации	„самсонъ“ . . .	23—28 р.	15—17,7 р.	8—9 р.
	„трапезундъ“ . . .	14—15 "	9—10 "	7 "
На складахъ	„самсонъ“ . . .	25—30 "	17—20 "	10—13 "
	„трапезундъ“ . . .	16—18 "	11—13 "	9—10 "

Спросъ на сухумскій табакъ быстро возрастаетъ, своими качествами онъ извѣстенъ во всей Россіи, и нѣть почти ни одной большой фабрики, которая обходилась бы безъ этого табака. Упрочивается его положеніе и на заграничныхъ рынкахъ (въ Египтѣ, Англіи и въ другихъ мѣстахъ), что усматривается изъ цифръ вывоза отсюда табака за послѣдніе 4 года:

Вывезено:	1907 г.	1908 г.	1909 г.	1910 г.
въ имперію . . .	239.274 пуд.	282.226 пуд.	293.338 пуд.	382.096 пуд.
за границу . . .	8.294 "	46 "	10.739 "	30.648 "
за предѣлы округа				
въ разные пункты				
Закавказья . . .	5.457 "	7.729 "	26.407 "	23.189 "
	248.025 пуд.	290.001 пуд.	330.484 пуд.	435.933 пуд.

Главнымъ торговымъ центромъ по сбыту табака является Сухумъ, где имѣется 41 торговый складъ и при нихъ 7 запасныхъ; кроме того, въ Гудаутахъ имѣется 2 торговыхъ склада и 1 неторговый свалочный пунктъ и въ Очемчирахъ 1 торговый складъ.

Изъ приведенныхъ цифръ обращаютъ на себя вниманіе цифры вывоза какъ въ имперію, такъ и за границу. Вывозъ въ имперію изъ года въ годъ возрастаетъ въ предѣлахъ отъ 11.000 до 42.000 пуд. за годъ; въ 1910 году онъ увеличился на 88.758 пудовъ; вывозъ за границу съ 10.739 пуд. поднялся въ томъ же году до 30.648 пуд. Главный пунктъ назначенія—Александрия (въ Египтѣ).

Въ прошломъ 1911 году только изъ одного Сухума вывезено табака въ разныя мѣста 476.872 пуда. Если среднимъ числомъ считать пудъ табака по 15 руб., то стоимость вывезенного табака составить 7.153.080 рублей. Считая даже по 10 рублей за пудъ, и то получимъ 4.768.720 рублей.

Но, съ другой стороны, прибыльная табачная промышленность имѣть и свою тѣневую сторону. Фабриканты, ихъ комиссіонеры и агенты зарабатываютъ огромныя суммы денегъ отъ табака. Страдальцами являются плантаторы, которые, не имѣя наличныхъ денегъ для найма рабочихъ, для приобрѣтенія табачныхъ сѣяній и всѣхъ нужныхъ приспособленій для осушки, вполнѣ подчинены капризамъ и требованіямъ этихъ комиссіонеровъ и агентовъ разныхъ фабрикантовъ. Выдавая авансомъ деньги, они держатъ плантаторовъ въ рабскомъ подчиненіи. Обвѣшиваніе и бракование въ полномъ ходу. Дворцы и палаты этихъ комиссіонеровъ и агентовъ краснорѣчиво говорять о доходныхъ ихъ статьяхъ. Фабриканты, живя въ Петербургѣ, Москвѣ или въ другихъ городахъ, не мо-

тутъ контролировать дѣятельность своихъ агентовъ, да и не заинтересованы въ этомъ, получая огромные барышы — рубли на копейки. Положимъ, фабриканть черезъ своего агента купилъ пудъ табака за 20 или за 25 рублей (часто пудъ табака пріобрѣтается и дешевле, но хозяину ставится повышенная цѣна). Каждый фунтъ табака фабриканть продаетъ по 3 рубля и дороже; значить, за пудъ фабриканть получить 120 руб. Считая всѣ расходы въ 40 руб., даже 50, фабриканть получаетъ на пудъ табака чистаго дохода 70 — 80 рублей.

Плантаторъ доставляетъ 1000 пудовъ табака. Агентъ заявляетъ ему, что здѣсь не 1000, а 900 или 950 пудовъ, и что изъ 950 пудовъ 150 пудовъ недоброкачественнаго. Значить, плантаторъ теряетъ почти 200 пудовъ, — около 2 тыс. руб., если не болѣе. Деньги эти поступаютъ къ агентамъ и комиссіонерамъ. Своихъ складовъ у плантатора нѣтъ; поэтому, чѣмъ опять упаковывать и брать табакъ обратно, онъ соглашается взять ту цѣну, какая предлагается ему этими эксплоататорами. Бываетъ, и такъ, что агенты заранѣе устанавливаютъ цѣны на табакъ, и плантаторъ отдаетъ табакъ по назначеннй цѣнѣ, чтобы привезти домой хоть сколько-нибудь денегъ для расплаты съ рабочими, съ землевладѣльцемъ, у котораго онъ арендуетъ землю, и для своей собственной голодной семьи. Разумѣется, если бы городъ устроилъ свои склады для табака, тогда плантаторы могли бы складывать туда свой товарь и сами назначать цѣны.

Изъ того же Сухума вывозятъ въ разныя мѣста ежегодно на десятки и сотни тысячъ рублей слѣдующіе продукты: яблоки, груши, персики, сливы и пр., цвѣты, клубнику, землянику и пр., разные огородные овощи, лавровый листъ, хурму (*Diospyros Lotus*), вино, фасоль, гречкій орѣхъ, далѣе — рыбий жиръ, пальмовый лѣсъ, орѣховые брусья и дубовые клепки (для бочекъ), разныя деревянныя издѣлія, воскъ, мраморъ, шерсть, кожу, огромное число декоративныхъ растеній и пр.

Такъ или иначе, но Сухумъ съ двумя мѣстечками: Гудауты и Очемчиры могутъ ежегодно давать грузовъ на 12 — 15 миллионовъ рублей.

Что торговые обороты идутъ дѣятельно, объ этомъ говорить существование трехъ банковъ: отдѣленія Азовско-Донскаго банка, отдѣленія Государственнаго банка и Общества взаимнаго кредита.

K. D. Machavariani.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Планъ постановки преподаванія географії въ средней школѣ.

(Докладъ въ секціи географіи, антропологіи и этнографіи на XIII съездѣ русскихъ естествоиспытателей и врачей въ Тифлісѣ, лѣтомъ 1913 г.)

На XI съездѣ русскихъ естествоиспытателей и врачей въ Петербургѣ секція географіи, этнографіи и антропологіи имѣла, между прочими, два засѣданія соединенного собранія членовъ секціи географіи XI съезда съ преподавателями столичныхъ учебныхъ заведеній, отдѣла географіи учебно-воспитательного комитета Педагогического музея. Въ теченіе этихъ двухъ засѣданій было заслушано болѣе 10 докладовъ, по которымъ были вынесены резолюціи; другія сообщенія, за недостаткомъ времени, не могли быть разсмотрѣны собраніемъ съ надлежащей полнотою, и потому по этимъ докладамъ не состоялось опредѣленныхъ заключеній; были, наконецъ, доклады, которые, по тому же недостатку времени, вовсе не были заслушаны собраніемъ. Принимая во вниманіе эти обстоятельства и признавая важное значеніе не оконченныхъ работъ своихъ, соединенное собраніе выразило пожеланіе, чтобы для разрѣшенія всѣхъ возбужденныхъ на съездѣ, а также и иныхъ вопросовъ, касающихся правильной постановки преподаванія географіи, была образована особая комиссія изъ преподавателей географіи учебныхъ заведеній разныхъ вѣдомствъ и разрядовъ школъ (вышней, средней и низшей), съ предоставлениемъ этой комиссіи права ходатайствовать предъ правительствомъ о нуждахъ преподаванія географіи.

Распорядительное бюро съезда, разсмотрѣвъ это ходатайство соединенного собранія, постановило: продолжить полномочія временной комиссіи *) изъ членовъ распорядительного бюро и преподавателей географіи отдѣла Педагогического музея, составленной для организаціи вышеупомянутаго соединенного засѣданія и для устройства при съезда „пріемънаго географическаго кабинета для средней школы“, и возложить на эту комиссію обсужденіе осуществленія желаній соединенного собранія.

*) Въ составъ комиссіи входили: проф. П. И. Броуновъ, Д. А. Коробчевскій †, В. Б. Переодольскій, И. Н. Михайловъ †, Н. О. Арепьевъ, И. П. Поддубный, Н. Н. Михайловскій, Л. Н. Звѣринцевъ, Г. Г. Шенбергъ, А. В. Чеботаревъ и А. Н. Сутугинъ.

Въ первомъ же засѣданіи временной комиссіи подъ руководствомъ завѣдывавшаго секціей географіи и предсѣдателя распорядительного бюро XI съѣзда, проф. П. И. Броунова, выяснилась настоятельная необходимость для комиссіи изъ временнаго учрежденія, созданнаго для определенной задачи — завершить труды секціи географіи XI съѣзда, — превратиться въ постоянно дѣйствующій органъ, который вѣдалъ бы интересы научной и школьной географії.

Эта мысль и была осуществлена учрежденіемъ при С.-Петербургскомъ университѣтѣ, при кабинетѣ географіи и антропологіи, „Общества Землевѣдѣнія“. Уставъ Общества былъ разсмотрѣнъ въ физико-математическомъ факультете университета, а затѣмъ, 20 ноября 1902 года, утвержденъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія, а первое собраніе учредителей *) состоялось 20 февраля 1903 года **).

Учрежденіемъ „Общества Землевѣдѣнія“ была удовлетворена одна изъ наущнѣйшихъ потребностей въ области просвѣщенія. Въ самомъ дѣлѣ, географія еще недавно представляла сводъ разнородныхъ свѣдѣній о разныхъ странахъ, болѣе или менѣе искусственно группируемыхъ, преимущественно къ материкамъ и государствамъ, постоянно мѣняющимъ свои границы, произвольно проведенныхъ международными трактатами.

Это — не географія странъ, какъ обособленныхъ естественныхъ географическихъ единицъ, а географія, имѣющая цѣлью выясненіе политического, экономического и торгово-промышленного значенія современныхъ государствъ въ связи съ историческими данными. Научная цѣнность такой географіи не высока, и потому она рассматривалась не какъ самостоятельный предметъ, имѣющій свои задачи и опредѣляющій свое содержаніе, а какъ дисциплина вспомогательная при изученіи другихъ предметовъ, преимущественно исторіи. Вотъ почему, между прочимъ, этотъ предметъ учебными планами и программами нашей средней школы помѣщенъ на второмъ мѣстѣ. Вотъ почему, между прочимъ, во университетскому уставу 1863 года, каѳедра географіи и была причислена къ составу историко-филологического факультета. Составители

*) Членами-учредителями Общества Землевѣдѣнія были: Арепьевъ Н. Ф., Боргманъ И. И., Броуновъ П. И., Глазенапъ С. П., Глинка С. Ф., Гоби Х. Я., Гольмстенъ А. Х., Гриммъ О. А., Эврициевъ Л. И., Ивановъ А. А., Иностранцевъ А. А., Клюсовскій А. В., Королчевскій Д. А. †, Ламанскій В. В., Лестрафтъ Э. Ф., Листовъ Ю. А., Марковъ Е. С., Михайловскій Н. Н., Михайловъ И. Н. †, Малицынъ А. А., Нечаевъ А. П., Отоцкій П. В., Прудубный И. П., Селивановъ А. Ф., Совѣтовъ С. А., Соколовъ А. Ф. †, Степановъ В. В., Сутукинъ А. Н., Танфильтъ Г. И., Усковъ М. В., Филипповъ А. В. †, Фойницкій И. Я., Фридольнъ И. И., Чеботаревъ А. В., Чепурковскій Е. М., Шафрановъ П. А., Шенбергъ Г. Г., Шубанъ Ф. Г., Янеко А. Л.

**) Общество имѣть цѣлью: а) разработку научныхъ вопросовъ землевѣдѣнія; б) географические изысканія вообще; в) содѣйствие правильной постановкѣ преподаванія географіи и г) распространеніе географическихъ знаній.

устава, очевидно, исходили изъ той точки зрѣнія, что въ основу географіи должна быть положена историко-филологическая и политico-статистическая дисциплина. Но если это справедливо по отношенію къ исторической географіи, какъ географіи прошлаго, которая дѣйствительно построена главнымъ образомъ на историческихъ, филологическихъ и археологическихъ изысканіяхъ, то географія настоящаго, какъ наука о жизни земли и ея обитателяхъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, должна слагаться изъ другихъ элементовъ, а именно: 1) изъ ученія о физической жизни земного шара, взятаго въ его цѣломъ (геофизика), 2) изъ ученія о законахъ жизни и распределенія животныхъ и растительныхъ организмовъ (зоо- и фитогеографія) и 3) изъ ученія о жизни человѣческихъ группъ въ зависимости отъ естественныхъ факторовъ (антропогеографія). Съ точки зрѣнія этого опредѣленія географія въ основу ея должны лечь, конечно, естественно-историческая дисциплины*).

Эта коренная перемѣна во взглядахъ на географію произведена необычайнымъ развитіемъ нашей науки, которое тѣсно связано съ гигантскимъ успѣхомъ естествознанія. Въ настоящее время географію опредѣляютъ какъ науку, которая занимается изученіемъ современного состоянія земной поверхности. Она стремится найти причинную связь между формами и явленіями, сочетанія которыхъ обусловливаютъ несходство различныхъ частей этой поверхности, и изслѣдуетъ ихъ характеръ, распределеніе и влияние на жизнь и культуру человѣка. Но разнообразные факты и свѣдѣнія, полученные изъ различныхъ областей естествознанія, для надлежащаго примѣненія ихъ къ географіи, требуютъ отъ занимающагося этимъ предметомъ не одного книжного знакомства съ ними. Географъ долженъ прочно обладать известными кругомъ научныхъ знаний, который сдѣлалъ бы его способнымъ применить къ любому отдельу изслѣдованія усвоенные методы наблюденія и изысканій и сдѣлать полные и правильные выводы. Его интересы должны быть широки и глубоки, охватывая всѣ области природы; объемъ его кругозора долженъ расширяться параллельно съ прогрессомъ открытій. Онъ долженъ быть способенъ опредѣлить географическое значеніе всякихъ новыхъ наблюденій и умѣть воспользоваться для собственныхъ задачъ результатами, добытыми отдельными науками, даже не связанными непосредственно съ географіей. Не ограничиваясь фактами и выводами изъ области естествознанія, географъ, для политической стороны картины, долженъ черпать данные также и изъ истории.

*) Проф. А. В. Клоссовский, Записка объ организації специальной группы географіи на Высшихъ Женскихъ Курсахъ въ С.-Петербургѣ.

Съ другой стороны, хорошо преподавать географію можетъ лишь тотъ, кто обладаетъ надлежащимъ научнымъ образованіемъ въ соотвѣтственной области знанія, кто будетъ постоянно развивать въ себѣ способность къ наблюденіямъ и изысканіямъ, кто, наконецъ, въ виду тѣсной связи географіи съ разнообразными естественнонаучными дисциплинами, проникнется духомъ точной науки. Отсюда понятно, что изученіе этого предмета должно занять важное мѣсто въ системѣ воспитанія. Географія можетъ служить не для одного только упражненія памяти, какъ часто смотрѣть на ея роль — она достойна стоять въ переднихъ рядахъ учебныхъ предметовъ, какъ одно изъ дѣйствительнѣйшихъ орудій для плодотворного упражненія всѣхъ умственныхъ способностей. Вотъ почему, чтобы поставить преподаваніе географіи на надлежащее мѣсто, необходимы кадры специальнно подготовленныхъ преподавателей. Это признало теперь и Министерство Народнаго Просвѣщенія. Оно сознalo, что географію въ средней школѣ должны преподавать не историки и филологи, а лица естественно-исторического образованія. Въ этихъ видахъ, какъ мы уже упоминали, каѳедра географіи и была перенесена въ университетахъ съ историко-филологическаго факультета на физико-математической. Такая подготовка въ настоящее время, какъ известно, и дается университетами: Петербургскимъ, Московскимъ, Казанскимъ, Харьковскимъ и Одесскимъ. Но контингентъ преподавателей, поставляемыхъ этими факультетами, весьма ограниченъ, почему еще и теперь большинство преподавателей географіи не проходили систематического курса ея и, во всякомъ случаѣ, не имѣли возможности знакомиться на университетской скамьѣ съ методикой ея преподаванія. Значительная часть современныхъ преподавателей географіи — автодидакты, и если некоторые изъ нихъ завоевали себѣ почетную и заслуженную известность въ области своей специальности, то это благодаря личнымъ выдающимся способностямъ и продолжительной и упорной работе. Въ дѣлѣ самообученія въ области географіи главная трудность заключается въ обширности поля изученія и въ неопределенности его границъ. Въ этомъ отношеніи особенно трудно положеніе начинающихъ преподавателей: они не могутъ разобраться въ подавляющемъ количествѣ частностей, что именно относится дѣйствительно къ области географіи. Но и добившись известныхъ успѣховъ въ самообразованіи, преподаватели географіи становятся предъ другою важною задачею: какъ сдѣлать этотъ предметъ дѣйствительно интереснымъ и полезнымъ для своихъ учениковъ?

На невозможность оставить начинающихъ преподавателей въ первое время самостоятельной педагогической дѣятельности безъ необходимой помощи обратила вниманіе еще и Высочайше утвержденная

комиссія реформъ средней школы (см. „Обзоръ дѣятельности Высочайше утвержденной при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія комиссіи по преобразованію средней школы“ — „Ж. М. Н. Пр.“ 1901 г., № 6). Разсмотрѣвъ этотъ вопросъ въ связи съ вопросомъ о подготовкѣ преподавателей вообще, она проектировала для этой цѣли учрежденіе педагогическихъ курсовъ при среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и педагогическихъ семинарій при округахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ высказалась за необходимость „въ самой обстановкѣ преподавателя произвести такія измѣненія, которыя способны были бы сдѣлать педагогическую карьеру болѣе привлекательной и вмѣстѣ съ тѣмъ содѣйствовать оживленію педагогической корпораціи, поднимая энергию и возвышая интересъ къ дѣлу“.

Въ ряду этого рода мѣръ комиссія проектировала „устройство педагогическихъ съѣздовъ и временныхъ курсовъ по предметамъ преподаванія въ университетскихъ городахъ, открытие педагогическихъ обществъ, командировкѣ внутри Россіи и за границу, открытие педагогическихъ музеевъ, содержаніе при учебныхъ заведеніяхъ хорошо пополняемыхъ библиотекъ, поощреніе къ литературной дѣятельности изданіемъ при округахъ журналовъ и сборниковъ, усиленіемъ литературного отдѣла въ отчетахъ, которые прочитываются на торжественныхъ собранияхъ и т. под. “*).

Но намъ хорошо известно, что почти всѣ эти благія намѣренія остались не осуществленными, или опыты осуществленія ихъ были неудачны, какъ, напримѣръ, посылка педагоговъ за границу. Вотъ почему современное положеніе учебного курса географіи въ средней школѣ остается попрежнему крайне неудовлетворительнымъ. Оно неудовлетворительно прежде всего по распределенію учебного матеріала, который не соответствуетъ ни современному состоянію науки, ни требованіямъ здравой педагогики. Оно неудовлетворительно по недостаточному числу уроковъ, отведенныхъ на географію: 8 въ гимназіяхъ съ обоими древними языками и 10 въ остальныхъ и въ реальныхъ училищахъ. Оно неудовлетворительно также и по сосредоточенію уроковъ географіи почти исключительно въ низшихъ четырехъ классахъ для первой катерогіи учебныхъ заведеній и пяти — для остальныхъ. Между тѣмъ широкое научное развитіе всѣхъ отраслей землевѣдѣнія въ настоящее время и практическое значение географическихъ съѣздовъ во всѣхъ сферахъ современной жизни настоятельно требуютъ лучшаго положенія и постановки курса географіи въ системѣ общаго образования.

На основаніи вышеизложенныхъ соображеній Общество Землевѣдѣнія въ самомъ началѣ своей дѣятельности и организовало особую

*¹) *H. Арефьевъ*, „Что нужно географамъ“ („Русская Школа“ 1904 г., № 2).

комиссію, на которую и возложило разработку вопросовъ школьной географіи. Разсмотрѣвъ и обсудивъ существующіе учебные планы и программы географіи русскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, прослѣдивъ исторически ихъ происхожденіе и проекты ихъ измѣненій, также ознакомившись, на основаніи официальныхъ данныхъ и личныхъ наблюдений, съ положеніемъ курса географіи въ среднихъ школахъ Германіи, Австріи и Франціи, — комиссія, въ заключеніе, выработала свой проектъ учебнаго плана географіи въ средней школѣ, который и быть принять Обществомъ Землевѣдѣнія, какъ наиболѣе отвѣчающій теоретическимъ основамъ науки и практическимъ требованіямъ педагогики. Проектируемый учебный планъ географіи разсчитанъ на непрерывный курсъ въ 7 классахъ средней школы, при двухъ урокахъ въ недѣлю, кромѣ шестого класса, где для курса отечественной географіи приказано необходимымъ опредѣлить три урока въ недѣлю.

Курсъ дѣлится на два концентра соотвѣтственно различію возраста учащихся. Младшій концентъ обнимаетъ первые три года курса, старшій — остальные четыре.

Распределеніе курса по классамъ слѣдующее:

I классъ. Выясненіе основныхъ географическихъ понятій и обзоръ земного шара по глобусу и плоскошаріямъ.

II классъ. Географія Европейской Россіи и краткій очеркъ западной Европы.

III классъ. Азіатская Россія и краткій обзоръ виѣвропейскихъ странъ.

IV классъ. Западная Европа.

V классъ. Виѣвропейскія части свѣта.

VI классъ. Россія.

VII классъ. Общее землевѣдѣніе.

Курсъ I класса даетъ знакомство съ основными географическими явленіями, при чёмъ примѣры ихъ берутся, по возможности, изъ природы нашего отечества; изложеніе должно быть наглядно при помощи доступныхъ наблюдений и разсмотрѣнія картинъ. Черченіе плана класса, школы, прилежащей части города, знакомство съ планомъ города, окрестностей и карты соотвѣтственной области — вотъ постепенный ходъ введенія въ чтеніе карты Россіи, а вноскѣдствіи и всей земли. Такимъ образомъ начальная свѣдѣнія изъ такъ называемой математической географіи (форма земли, движение, градусная сѣть) относятся къ концу первого года обучения географіи, и дальнѣйшее ихъ развитіе идетъ по-путьно съ курсомъ слѣдующихъ классовъ.

Во второмъ классѣ учащиеся знакомятся съ физическимъ устройствомъ Европы и Европейской Россіи. Затѣмъ изучается Европа по

характернымъ областямъ. При этомъ обращается внимание на бытовую сторону главнѣйшихъ народностей въ зависимости отъ природныхъ условій данной области. Ознакомленію съ западной Европой удѣляется менѣе времени, изученіе ограничивается краткимъ описаніемъ важнѣйшихъ государствъ.

Въ III классѣ содержаніе курса включается въ ознакомленіи съ виѣвропейскими странами, при чмъ наиболѣе вниманія удѣляется Азіатскому материку и Азіатской Россіи съ союзными государствами. Главное вниманіе при изученіи частей свѣта и государствъ обращается на естественные условія страны, картины природы и бытovыя особенности главнѣйшихъ народовъ.

Такое распредѣленіе курса младшаго концентра отвѣчаетъ основному дидактическому правилу — ити отъ близкаго и знакомаго къ дальнему и неизвѣстному. Центромъ изученія являются географическія свѣдѣнія о Россіи. Этимъ не только устанавливаются основанія для пріуроченія и сравненія данныхъ остального курса географіи, но и запечатлѣваются въ дѣтской душѣ основы знанія и любви къ родной странѣ.

Курсъ не долженъ быть обремененъ излишней номенклатурой, при исполненіи его необходимо возможно широко пользоваться наглядными пособіями.

Въ IV классѣ болѣе подробно и обстоятельно изучаются физическое устройство Европы и преимущества этой части свѣта предъ другими для развитія культуры населяющихъ ее народовъ. Затѣмъ слѣдуетъ политический обзоръ западной Европы, съ характеристикой каждого государства въ физическомъ, этнографическомъ и промышленно-культурномъ отношеніяхъ.

Въ V классѣ изученію виѣвропейскихъ частей свѣта сопутствуетъ очеркъ исторіи открытій и главнѣйшихъ географическихъ изслѣдованій изучаемыхъ странъ. Систематически и обстоятельно обозривается природа и населеніе частей свѣта, изучаются важнѣйшія государства и колоніи европейцевъ, при чмъ характеризуются отношенія къ нимъ европейскихъ государствъ.

Шестой классъ посвящается обстоятельному изученію географіи Россійской имперіи въ физическомъ, этнографическомъ и промышленно-культурномъ отношеніяхъ по сравненію съ другими государствами. Существенную часть курса составляетъ обзоръ экономического положенія Россіи, развитія промышленности, торговли и образованія. Указываются особенности исторически сложившагося общественного и государственного строя, и выясняются положеніе и значеніе Россіи среди другихъ государствъ міра.

Курсъ общаго землевѣдѣнія въ VII классѣ является заключительнымъ курсомъ географіи. Въ немъ объединяются и получаютъ болѣе научное освѣщеніе пріобрѣтенный раньше свѣдѣнія о физической природѣ различныхъ странъ и пополняются такими свѣдѣніями о земной корѣ, океанѣ и атмосферѣ, которая раньше были бы мало доступны учащимся. Выясняются взаимная связь и законы физико-географическихъ явлений и ихъ отношеніе къ органическому миру и жизни человѣчества по всей поверхности земного шара.

Учебный планъ географіи во второмъ старшемъ концентрѣ начинается съ систематического изученія Европы, которая въ отношеніи какъ физической природы, такъ и культуры населенія болѣе однообразна и понятна, чѣмъ другія части свѣта. Поэтому на изученіи географіи Европы, какъ болѣе доступной, необходимо прежде всего сосредоточить вниманіе учащихся при болѣе научной постановкѣ предмета въ старшемъ концентрѣ курса. За курсомъ географіи Европы слѣдуетъ курсъ географіи вѣневропейскихъ странъ. Громадность ихъ пространства, различие условій положенія, рельефа, орошенія, климата, флоры и фауны, большая сложность какъ физико-географическихъ явлений, такъ и этнографическихъ данныхъ, разнообразіе культуры, какъ материальной, такъ и духовной, наконецъ, политическая зависимость и экономическая связь съ государствами Европы — все это, необходимо, ставить курсъ географіи вѣневропейскихъ странъ послѣ курса географіи Европы.

Изученію Россіи, соотвѣтственно ея обширной территории, разнобразію природы, населенія, богатству производительныхъ силъ, а еще болѣе — тому значенію, какое имѣеть ея географія, какъ курсъ отечествовѣдѣнія, отводится слѣдующій высшій классъ средней школы при 3 урокахъ въ недѣлю. Это даетъ возможность наиболѣе цѣльно и подробнѣ изучить свою родную страну, при чёмъ сравненіе съ другими государствами, раньше изученными, выяснить особенности ея природы, населенія, экономического и культурного развитія.

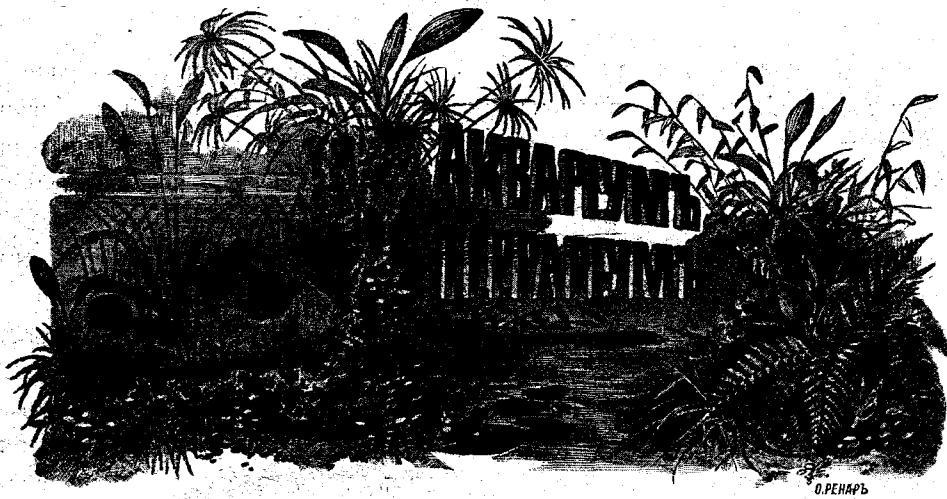
Курсъ общаго землевѣдѣнія необходимъ, какъ заключительная глава географіи. Въ немъ объединяются и болѣе научно обосновываются изученные раньше свѣдѣнія, пріуроченные къ отдѣльнымъ странамъ. Его положеніе въ концѣ курса географіи обусловливается также необходимостью для его усвоенія учащимися большаго развитія и запаса свѣдѣній *).

По мнѣнію Общества, Землевѣдѣнія вышеизложенное распределеніе учебнаго материала соотвѣтствуетъ современному состоянію науки и от-

*) „Труды Общества Землевѣдѣнія при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ“, т. I.

въчаетъ требованіямъ педагогики, а потому оно въ свое время и ходатайствовало объ осуществленіи въ средней школѣ выработаннаго имъ учебнаго плана. Но это ходатайство Общества Землевѣдѣнія до сихъ поръ остается не осуществленнымъ. Тѣмъ не менѣе Общество Землевѣдѣнія не теряетъ надежды, что въ предстоящей реформѣ нашей средней школы трудъ его будетъ принятъ во вниманіе, и новой сильной гарантіей осуществленія этого желанія была бы высокое-авторитетная санкція изложеннаго проекта плана преподаванія географіи въ средней школѣ секціей географіи, этнографіи и антропологии XIII съезда русскихъ естествоиспытателей и врачей.

H. Ареневъс.

О.РЕНАРЬ

Інтересъ собиранія и содержанія водяныхъ растеній въ акваріумѣ.

Обыкновенно многіе любители рыбъ говорятьъ: „Ну, что интереснаго въ водяныхъ растеніяхъ? Посадишь—растеть, зеленѣть,—красиво, если хотите, служить прекраснымъ украшеніемъ подводнаго ландшафта; но какой интересъ могутъ представить сами по себѣ такія растенія, исключая развѣ экзотическихъ, у которыхъ бываютъ иногда изящные цветы? То ли дѣло рыбы, да и вообще животныя: тамъ и въ каждомъ маленькому существѣ найдется, что понаблюдать!..“

Но какъ ошибаются, говоря такъ, любители акваріума! Одно собираніе водяныхъ растеній и помѣщеніе ихъ въ акваріумѣ часто сопровождается чрезвычайно пріятными сюрпризами. Помѣстивъ иногда въ акваріумъ вѣточку водяного растенія, повидимому, безъ всякаго населенія, вы вдругъ видите, что въ акваріумѣ начинаютъ появляться разнообразные и любопытные обитатели: это или просто не замѣченныя вами, или же настолько мелкія существа, что ихъ трудно было увидѣть.

Такъ, напр., съ перистолистникомъ (*Mugiphylleum*) можно занести любопытную личинку бабочки *Ragaponyx stratiotata*, которая вслѣдствіе своей зеленої окраски и покрывающихъ ее зеленоватыхъ же, похожихъ и цветомъ и формой на дольки листьевъ перистолистника, волосковъ можетъ легко пройти незамѣченной.

Съ водяными растеніями заносятся статобласты представляющихъ столь интересное зрѣлище въ акваріумѣ мшанокъ. Съ ними заносятся личинки комара-мотыля (*Chironomus plumosus*), изъ которыхъ развиваются личинки, строящія на стеклахъ акваріума оригинальные футлярчики изъ

грязи; съ ними заносится икра разныхъ улитокъ, изъ которой разводятся маленькия улитки, икра мелкихъ красныхъ клещей, мелкия пиявки клепсины со своимъ поколѣніемъ; заносится; наконецъ, несносная для многихъ любителей, но чрезвычайно интересная для наблюденій, мелкія водяные водоросли.

Словомъ, съ водяными растеніями заносится обыкновенно въ акваріумъ цѣлый міръ любопытнѣшихъ существъ, который можетъ представить громадное поле для наблюденій какъ для любителей природы, такъ и для школы.

Появляется все это не сразу, а постепенно, часто иногда по прошествіи нѣсколькихъ дней, когда, повидимому, уже потеряна всякая надежда. Но это тѣмъ и интереснѣе, такъ какъ постепенное появленіе все новыхъ и новыхъ обитателей заставляетъ быть внимательнѣе къ тому, что происходитъ въ акваріумѣ, и поддерживаетъ въ наблюдателя жгучій интересъ, вызывая въ немъ каждый разъ приливъ новой энергіи.

Но нѣкоторые водяные растенія могутъ представить не мало интереса и сами по себѣ.

Возьмите, напр., пузырчатку, особенно крупную (*Utricularia vulgaris*). Сколько любопытныхъ наблюденій можно произвести съ ней, помѣщая ее въ сосудъ, где находится масса мелкихъ ракообразныхъ (дафній, циклоповъ и т. д.), или даже просто рассматривая ея крупные пузырьки, которые по временамъ бываютъ настолько прозрачны, что можно видѣть все ихъ содержимое даже и простымъ глазомъ или, самое большее, вооружившись лупою! Да и самое развитіе ея вѣтокъ, ея пузырьковъ, которые при благопріятномъ уходѣ могутъ достигнуть очень крупныхъ размѣровъ,—развѣ не интересно? Всѣ эти пузырьки наполнены такой массой воздуха, что если вынуть сразу изъ воды растеніе, особенно съ крупными пузырьками, то получается оригиналный шумъ въ родѣ слабаго щелканья или хлопанья. Это — выходить воздухъ.

Или возьмите роголистникъ (*Ceratophyllum*) и бросьте его въ совершенно грязную воду, и вы будете свидѣтельствомъ того способа питанія водяныхъ растеній, о которомъ обыкновенно только пишутъ, но которое, не видя, очень трудно себѣ представить. Здѣсь же вы воочію увидите примѣръ того, какъ растеніе впитываетъ въ себя растворенные въ водѣ соли, такъ какъ всѣ находящіяся въ водѣ, представляющія собой въ крупномъ видѣ питательный матеріалъ, частицы мути будутъ притянуты, всосаны растеніями въ себя, и вода сдѣлается кристально-чистою.

Такъ поступаетъ, конечно, и всякое водяное растеніе съ растворенными въ водѣ нужными ему для питанія веществами, но тамъ видѣть этого процесса нельзя, а здѣсь онъ вполнѣ ясенъ.

Вместо мути можно растворить въ водѣ немного кармину, и про-

изойдет то же самое: все красящие частицы его будут втянуты растениями, и вода сделается опять-таки совершенно чистой, а растения покроются красным налетом.

Нечто похожее мы можем видеть у лягушечника (*Hydrocharis Morsus ranae*) и у тринеи (*Trianea bogotensis*). Но только тут муть будет всасываться не поверхностью растений, а их красивыми мохнатыми корнями.

У тринеи же, кроме того, любопытно наблюдать на нижней стороне ее толстых листьев крупные пузырчатые клетки, наполненные воздухом, которые служат для поддержания листьев на воде. Пузырчатые клетки эти играют здесь роль тех плавательных пузырей, при помощи которых дети в деревнях учатся плавать. Они поддерживают листья на воде и не дают им в нее погружаться, как это делают, как я выше сказала, наполненные воздухом пузырьки пузырчатки, представляющие каждый собой такой же плавательный пузырь, но только открытый.

Интересно бы узнать, какой газ заключается в пузырьках пузырчатки и в пузырчатых клетках тринеи. Насколько мне известно, изследование этого еще никто не делал. Любопытно было бы проследить и самое наполнение их этим газом.

Не буду говорить об элоде, валлинерии и многих других подводных растениях, служащих выделителями кислорода и насыщающих им окружающую воду. Всякий знает те струйки пузырьков, которые можно получить, надорвав или надломив слегка листья. Какие ниточки мелких жемчужинок, поднимаются они кверху (особенно в солнечную погоду), покрывают собой все находящееся в аквариуме и даже стекла его. Воздушные жемчужинки эти обыкновенно точно ссыплются, и если бы можно было как-нибудь увеличить дающее их растение, то мы могли бы различить, как эта выделяющаяся кислород движется и в тканях самого растения.

Но гораздо лучше и яснее мы можем видеть такое же движение — но только не кислорода, а протоплазмы — у совершенно прозрачных, как бы из стекла сделанных, лучиц (*Nitella*) и топняков (*Chara*), которых хрупкие веточки встречаются почти в каждом пруде. Это движение сока до того в них быстро и до того отчетливо, что можно просидеть целые часы за его наблюдением. Конечно, наблюдение это надо производить, хотя и не в сильный, но все-таки микроскоп.

Еще любопытнее и интереснее движение так называемого живого шарика (*Volvox globator*), который также то-и-дело можно встретить в воде болотных луж, поросших осокой и камышом, и который заносится часто сейчас упомянутыми лучицами. Эти покрыты массой

рѣсничекъ, шарообразныя водоросли быстро вѣртятся, какъ бы подъ вліяніемъ какого вѣтра или теченія, перекатываясь и носясь то вверхъ, то внизъ, во всѣ стороны, какъ какое животное. Что за сила заставляетъ ихъ такъ вращаться, насколько мнѣ известно, еще до сихъ поръ не выяснено, да неизвестно даже, и почему они такъ вращаются. Очень интересно было бы, если бы кто-нибудь изъ специалистовъ ботаниковъ-биологовъ обѣ этомъ сообщилъ.

Изученіе и наблюденіе этой удивительной водоросли могло бы составить предметъ цѣлой научной работы, такъ какъ размноженіе ея представляеть собой одно изъ любопытнейшихъ явлений, которое сближаетъ эту водоросль съ животными организмами — съ жгутиковыми инфузоріями (*Flagellatae*).

Но даже и поверхностное наблюденіе, какъ въ такомъ вращающемся шарикѣ образуется масса такихъ же мелкихъ и тоже вращающихся шариковъ, и затѣмъ, какъ этотъ материнскій шарикъ лопается, и изъ него, кружась, расплываются во всѣ стороны наполнявшіе его шарики, и какъ потомъ въ каждомъ изъ нихъ образуется опять масса такихъ же шариковъ и т. д., — представляеть собой захватывающее зрѣлище, — зрѣлище, которое притомъ легко наблюдать даже и въ лупу.

Наконецъ, возьмемъ самую обыденную, встрѣчающуюся въ любомъ болотѣ, прудѣ и даже канавѣ, трехдольную ряску (*Lemna trisulca*). Наблюдали ли вы когда-нибудь, какъ развиваются ея рогульки? Понаблюдайте — развитіе это прелюбопытно.

Вы берете одну-двѣ такихъ, связанныхъ какъ бы зеленою ниточкой, рогульки и кладете ихъ въ стаканъ съ водой. Черезъ день-два — вмѣсто одной уже двѣ, еще черезъ день — три. И такъ, если ихъ не трогать, изъ нихъ образуется вскорѣ маленькая сѣточка, при чёмъ всѣ они будутъ соединены между собой какъ бы зелеными ниточками.

Если вы будете слѣдить, то увидите, что рогульки эти образуются не сразу, а сначала у основанія дольки появляются съ боковъ по такой же долькѣ, такъ что образуется нѣчто въ родѣ крестика; затѣмъ основаніе средней дольки начинаетъ оттягиваться, удлиняться въ ниточку, съ которой вмѣстѣ отдѣляется и крестикъ; потомъ у боковыхъ долекъ этого крестика начинаютъ вырастать новыя перпендикулярныя боковые дольки, становятся въ свою очередь крестиками, затѣмъ основаніе ихъ вытягивается въ ниточку, на которой отдѣляется этотъ новый крестикъ, и т. д. И такимъ образомъ въ концѣ концовъ составляется то сѣтевобразное соединеніе, о которомъ мы сейчасъ упоминали.

Но будемъ продолжать.

Вы, конечно, видѣли и знаете нитчатку, — эту несноснѣшую водоросль, являющуюся лѣтомъ бичомъ акваріумныхъ растеній. При всей

своей непрятности однако это — один изъ интереснейшихъ объектовъ для наблюдений надъ быстротой роста.

Помѣстимъ не въ акваріумъ, само собой разумѣется, а въ отдельную, предназначенную для наблюдений, банку нѣсколько маленькихъ ниточекъ этой водоросли и поставимъ ее на солнцѣ. Затѣмъ, измѣривъ ихъ утромъ, измѣряемъ на слѣдующій день. И что же? За одинъ день (конечно, это много зависитъ отъ силы освѣщенія) приростъ ихъ будетъ почти вдвое, а иногда даже и больше. То же самое будетъ и съ ихъ толщиной. Изъ тоненькихъ, похожихъ на волосокъ, ниточекъ онъ съ каждымъ днемъ становится все толще и толще и превращаются на конецъ въ толстый и такія же крѣпкія, какъ бечевки, нити. Измѣрять въ этомъ отношеніи силу ихъ ежедневнаго прироста, конечно, трудно, но онъ становится яснымъ по прошествіи нѣсколькихъ дней.

Любопытно бываетъ также иногда и нарастаніе нѣкоторыхъ водорослей на стеклахъ акваріума.

Сначала появляются какія-то извилистыя, точно какъ бы отъ оставленныхъ на стеклахъ слѣдовъ пальцевъ, неясныя пятна. Пятна эти становятся все гуще и гуще. Отпечатки выдѣляются все яснѣе и яснѣе, и наконецъ, все срастается въ густой зеленый сплошной налеть.

Особенно же бываютъ любопытны пятна, какъ бы слѣды пальцевъ, со всѣми подробностями идущихъ по нимъ извилистыхъ линій. Это случается обыкновенно тогда, когда протираешь стекла отъ водорослей не при помощи намотанной на палочку тряпки, а прямо рукой. Прижимая къ стекламъ (конечно, изнутри акваріума) большой палецъ, можно получить иногда очень ясный, вырисованный налетомъ водорослей, отпечатокъ его. Если же чистить налеть щеточкой изъ щетины, то первоначальный рисунокъ развивающихся на стеклѣ водорослей будетъ имѣть видъ полученныхъ отъ вытирания щетинками щетки полосокъ.

Мнѣ думается даже, что можно бы какъ-нибудь получить и болѣе любопытный рисунокъ — отпечатокъ, напр., какой-нибудь монеты или медали (только не мѣдныхъ), если ее приложить плотно къ стеклу. Но для этого надо, конечно, приложить ее во-время, т.-е. какъ разъ когда начнутъ на стеклахъ развиваться какія-нибудь водоросли, а кромѣ того предварительно, можетъ-быть, смазать чѣмъ-нибудь такимъ, что благоприятствовало бы развитію водорослей на мѣстахъ прикосновенія; хотя, съ другой стороны, быть-можетъ, онъ какъ разъ тамъ и не развиваются, тѣль происходитъ прикосновеніе къ стеклу, чemu примѣромъ могутъ служить слѣды щѣтки, которые только тамъ и остаются, гдѣ щетинки не прикасались къ стеклу... Вообще это — вопросъ, который также небезынтересно бы выяснить.

Говоря о томъ, что надо произвести опыты съ отпечаткомъ мо-

неты, но только не мѣдной, я имѣлъ въ виду теорію, на которой основано все лѣченіе гомеопатовъ, — силу дѣйствія вещества въ минимальныхъ количествахъ. По теоріи этой, эманація мѣди (а здѣсь, мнѣ кажется, выдѣленіе такъ ничтожно мало, что иначе его и назвать нельзя) вліяетъ убийственно на водоросли — уничтожаетъ ихъ. Вотъ почему даже совѣтуютъ для того, чтобы избавиться отъ водорослей, а особенно воспрепятствовать ихъ появленію въ акваріумѣ, держать въ немъ какую-нибудь новенькую мѣдную монету, которую только надо непремѣнно поддерживать постоянно чистой, блестящей. Насколько это вѣрно, — до сихъ поръ хорошенько не выяснено, и потому это опять-таки могло бы послужить новой темой изслѣдованій.

Другимъ интереснымъ объектомъ изслѣдованія могла бы послужить сила производительности водорослей.

Мы знаемъ, напр., что для того, чтобы затянуть весь акваріумъ нитчаткой, достаточно самаго ничтожнаго ея кусочка. И вотъ интересно бы изслѣдовать, какой это минимальный ея кусочекъ.

Параллельно съ этимъ любопытно бы прослѣдить силу размноженія и вообще водяныхъ растеній, такъ какъ нѣкоторыя водяные растенія, какъ, напр., элодея, могутъ также развиться отъ самаго ничтожнаго кусочка.

Обыкновенно говорятъ, что для этого непремѣнно нужно, чтобы въ кусочкѣ былъ хотя бы одинъ глазокъ; но мнѣ думается, что она можетъ размножаться и прямо отъ всякаго обломка — словомъ, какъ это мы видимъ у бегоній. Примѣромъ можетъ служить флоридское растеніе Васора *amplexicaulis*, у которой корни начинаютъ появляться не только подъ листьями, но даже и подъ разсѣченными частями пластинки листа, такъ что изъ каждой такой части можетъ образоваться самостоятельное растеніе.

Такимъ же свойствомъ обладаетъ и перистолистникъ (*Muttiophyllum*), а отчасти и роголистникъ (*Ceratophyllum*), не говоря уже о ричії, которой сила размноженія поистинѣ колоссальная. При этомъ, хотя эта сила размноженія и вѣмъ известна, но никто, насколько знаю, не прослѣдилъ въ подробности, какъ оно происходитъ. Это могло бы послужить также интересной задачей изслѣдованія.

Точно такъ же мало выяснена и степень вліянія освѣщенія на водяные растенія. Всѣмъ известно, въ какой высокой степени чувствителъ въ подводной своей формѣ къ силѣ освѣщенія перистолистникъ чилійскій (*Mug. proserpinacoides*), а равно и нашъ родной, и какъ съ заходомъ солнца его верхушечные листья, а часто даже и вѣтъ листья (особенно у молодыхъ экземпляровъ) къ вечеру складываются, — какъ бы засыпаютъ. Но такого рода явленіе бываетъ нерѣдко въ пасмурную погоду и среди дня, какъ это случается въ обратномъ порядкѣ съ цвѣ-

тами бѣлаго душистаго табака, которые обыкновенно начинаютъ раскрываться лишь съ наступлениемъ сумерекъ, а въ дождь — среди дня. Но все это изслѣдовано лишь поверхностно, т.-е. известно только, что перистолистникъ закрываетъ свои листья, а душистый табакъ раскрываетъ свои цветы съ наступлениемъ сумерекъ или нѣкоторой темноты среди дня. Почему бы не прослѣдить это любопытное явленіе точнѣе при помощи фотометра? Такія изслѣдованія повлекли бы за собой несомнѣнно не мало и другихъ въ томъ же направленіи наблюденій.

Кромѣ этихъ перистолистниковъ къ силѣ освѣщенія чувствительны и другія водяные растенія, проявляя ее, можетъ-быть, въ какомъ-нибудь другомъ видѣ, хотя бы, напр., въ силѣ выдѣленія кислорода, потому что выдѣленіе кислорода изъ надорванныхъ частей элодеи, валлиснеріи, о которомъ мы выше говорили, происходитъ не всегда одинаково сильно, а тѣмъ сильнѣе, чѣмъ освѣщеніе ярче. Слѣдовательно, и въ этомъ явленіи играетъ свою роль сила свѣта.

Другимъ явленіемъ, вызываемымъ дѣйствиемъ освѣщенія, является также вытягивание стеблей листьевъ у кувшинокъ. Стебли эти бываются тѣмъ длиннѣе, чѣмъ глубже сидятъ кувшинки; но вопросъ — гдѣ граница вліянія этого освѣщенія, и какихъ размѣровъ можетъ быть это вытягивание?

Дальнѣйшимъ любопытнымъ наблюденіемъ является способность превращенія болотныхъ растеній въ подводныя.

Превращеніе это сопровождается обыкновенно измѣненіемъ формы листьевъ, а отчасти и самаго стебля. У нѣкоторыхъ различныя формы наземныхъ листьевъ превращаются въ лентообразные. Такъ это бываетъ со стрѣлолистомъ, частухой, ежеголовкой (*Sparganium*) и нѣкоторыми другими. Подводные листья эти становятся до того похожими (напр. у ежеголовки) на листья валлиснеріи, что неопытные наблюдатели постоянно ихъ смѣшиваютъ. У другихъ подводные листья дробятся на болѣе мелкія дольки, какъ напр. у лютиковъ (*Batrachium*), у поручейника (*Sium*). Наконецъ, у третьихъ они становятся мельче и мягче, какъ напр. у денежника (*Lysimachia nummularia*), у водяной сосенки (*Hippuris*) и т. д.

Затѣмъ не мало есть и водяныхъ растеній, которыя, наоборотъ, могутъ превращаться въ наземныя (болотныя). Здѣсь измѣненіе выражается въ укороченіи и затвердѣніи стебля, затѣмъ въ утолщеніи долекъ листа, а иногда даже и въ срастаніи ихъ въ цѣльную пластинку. Примеромъ этого можетъ служить рѣчной лютикъ, котораго надводные листья всегда пластинчатые, тогда какъ подводные — мелкоразрѣзные.

Кто не знаетъ также той оригинальной формы и окраски, какія принимаютъ листья перистолистника чилийскаго (*Myriophyllum proserpinacoides*)? Подводная и надводная формы этого растенія настолько различ-

ны, что ихъ можно принять за два совершенно самостоятельныхъ растенія. При этомъ какъ та, такъ и другая такъ удивительно красиво растуть и быстро множатся, что положительно трудно сказать, какая изъ нихъ нормальная.

Наконецъ, еще очень интересные опыты можно производить и съ нѣкоторыми вполнѣ наземными, но очень любящими сырость, влагу растеніями. Образцомъ такого растенія могутъ служить всѣмъ известныя „бабы сплетни“ (*Tradescantia*). Пустивъ плавать по водѣ длинные побѣги этого растенія, черезъ короткое время можно получить почти подъ каждой парой его листьевъ по пучку корней. Эти пары листьевъ надо отрѣзать, посадить на дно акваріума, и тогда черезъ нѣсколько недѣль получится очень оригинальный подводный лѣсокъ съ сочной листвой и яркой окраской.

Можно и прямо нарѣзать однѣхъ верхушекъ растеній. Тогда экземпляры будутъ рослѣ и гуще, но они станутъ укореняться нѣсколько туже и тронутся въ ростъ въ болѣе длинный промежутокъ времени. Кромѣ того, при этомъ надо сажать растенія не сразу въ глубокую воду, а увеличивая ея глубину постепенно, такъ, чтобы, напр., сначала вода покрывала только нижнюю часть растенія, потомъ поднялась до половины, а затѣмъ уже и покрыла его совсѣмъ.

Таковы опыты и наблюденія, которые можно производить надъ вполнѣ развивающимися водяными растеніями. Но очень любопытно еще и выведеніе ихъ изъ образующихся у нихъ осенью такъ называемыхъ „зимнихъ почекъ“. Такія почки образуются преимущественно у тѣхъ изъ нихъ, которые на зиму погибаютъ и сѣмянъ даютъ лѣтомъ очень мало. Почки эти очень разнообразны: у однихъ они представляютъ укороченные сжатые побѣги, какъ напр. у пузырчатки (*Utricularia*), у другихъ — родъ маковокъ, какъ напр. у перистолистника (*Myriophyllum*) и роголистника (*Seratophyllum*), у третьихъ — родъ корневыхъ луковичекъ, напр. у горошицы (*Potamogeton*) и т. д.

Размноженіе ихъ такимъ способомъ очень интересно. Такъ, собранная осенью въ видѣ, какъ бы составленномъ изъ скомканыхъ въ формѣ шарика вѣточекъ, брошенная ранней весной, въ мартѣ, даже февралѣ, въ воду пузырчатка начинаетъ быстро вытягиваться и недѣли черезъ двѣ превращается въ очень красивое плавающее растеніе. Почки лягушечника (*Hydrocharis Morsus ranae*) въ то же время и въ тѣхъ же условіяхъ развиваются въ плавающія растеніца съ очень хорошенькими блестящими листиками и пучечками красивыхъ пушистыхъ корней; маковки перистолистника — въ мохнатые, постепенно развивающіеся въ растеніе, хохолки; посаженный въ мелкую воду луковички горошицы — въ очень красивыя подводныя растеніца, а сѣмена кувшинокъ и кубы-

шекъ — въ растенъица съ парой мягкихъ листочковъ, и т. д. Словомъ, и тутъ большое разнообразіе интересныхъ культуръ.

Какъ видите, все это подтверждаетъ высказанное вначалѣ мнѣніе, что наблюденія и опыты надъ водяными растеніями нисколько не менѣе интересны наблюденій надъ животными, и что горько ошибаются тѣ, которые смотрѣть на подводный міръ растеній съ пренебреженіемъ и считаютъ ёго недостойнымъ своего вниманія. И въ немъ природа также полна загадокъ, разрѣшеніе которыхъ можетъ представить вся кому пытливому уму любителя не мало наслажденій, а для учащихъ и учащихся — рядъ интересныхъ и разнообразныхъ работъ, которыя могутъ и подтверждениемъ изучаемыхъ ими явлений.

H. Золотницкій.

КРИТИКА и БИБЛIOГРАФИЯ.

Б. М. Житковъ. Полуостровъ Ямаль. Съ 2 картами и 18 рисунками въ текстѣ. Отд. оттискъ изъ т. XLIX „Записокъ Императ. Русск. Геогр. О-ва“. С.-Пб. 1913. 8°. X + 349 стр.

Б. М. Житковъ въ 1908 году, съ сравнительно небольшими средствами (печатальная участъ русскихъ ученыхъ), совершилъ большую и интересную экспедицію на Ямаль. Съ нимъ были топографъ кап. В. Н. Введенскій, Д. П. Филатовъ (сборы флоры и фауны), міссіонеръ о. Мартиніанъ, переводчикъ, местные самоѣды и одинъ остатъкъ. Изъ краткаго исторического очерка изслѣдованій Ямала, сдѣланнаго Б. М. Житковымъ въ 1-й главѣ его книги, легко усмотрѣть, какъ много было сдѣлано попытокъ обследовать Ямаль или морские пути по Карскому морю въ Обскую губу мимо Ямала, и какъ все-таки сдѣлано мало изслѣдованій. Дальнѣйшія главы посвящены описанію маршрута экспедиції Б. М. Житкова, работамъ экспедиціи, описанію нѣкоторыхъ добытыхъ материаловъ, а также освѣщенію нѣкоторыхъ общихъ вопросовъ о населеніи, оленеводствѣ, полярномъ хозяйствѣ вообще и т. д. Кромѣ того, на основаніи материаловъ Ямалской экспедиціи опубликованы отдѣльные отчеты и статьи, въ томъ числѣ 9 статей самого Б. М. Житкова, а также работы С. А. Северина, Н. Грэзе, А. В. Мартынова, Н. В. Воронкова, С. С. Четверикова и Г. Ю. Верещагина. Вообще Ямалскую экспедицію Б. М. Житкова нужно признать какъ весьма отрадный фактъ въ русской ученой хроникѣ, достойный не только подражанія, но и самого тщательнаго изученія. Что касается самаго описанія экспедиціи, то выполнено оно съ большимъ успехомъ. Авторъ, оперируя все время съ строго научными, довольно сухими данными, сумѣлъ вложить въ свое изложеніе такую массу разностороннихъ знаній, живыхъ и интересныхъ наблюденій, остроумныхъ соображеній и облечь это въ такой живой, нерѣдко образный языкъ, что его читаешь, съ одной стороны, безъ всякаго утомленія, съ другой — все болѣе и болѣе увлекаясь предметами его научныхъ изслѣдованій. Къ описанію путешествія приложена карта Ямала, исполненная, согласно постановленію Международнаго VII Географическаго Конгресса въ Берлинѣ въ 1899 году, съ сопровождениемъ особой записки и указаніемъ въ ней материаловъ, на которыхъ основана карта, и тѣхъ, которые въ нее вошли. Весьма поучительны также планы озеръ Нѣй-то и Ямбу-то (по полуинструментальной съемкѣ). Очень удачны приложенные къ книгѣ фототипіи какъ по выполнению, такъ и по сюжету.

П. М. Головачевъ. Экономическая географія Сибири. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1914. 8°. 183 стр. Цѣна 70 коп.

Скончавшійся въ концѣ прошлаго года прив.-доц. П. М. Головачевъ извѣстенъ своими какъ научными, такъ и популярными трудами по Сибири. Хорошо знакомый съ ея исторіей, географіей, населеніемъ и экономическими задачами, П. М. Головачевъ писалъ о ней очень много и въ публицистической литературѣ. Лежащій передъ вами его посмертный трудъ является какъ бы систематическимъ подведеніемъ общихъ итоговъ его разнообразныхъ и глубоко продуманныхъ свѣдѣній о Сибири.

Онъ и самъ сознаетъ, что этотъ трудъ, „какъ первый опытъ экономической географіи Сибири“, не свободенъ отъ промаховъ и недочетовъ, но, съ другой стороны, было бы прискорбно, если бы преждевременно скончавшійся авторъ, такъ много потрудившійся для изученія Сибири, не успѣлъ дать этой общей картины современного экономического состоянія Сибири.

„Промахи и недостатки“ автора зависятъ въ значительной долѣ отъ отсутствія въ должной полнотѣ собраныхъ и научно проverifiedныхъ фактovъ, затѣмъ отчасти отъ новизны тѣхъ экономическихъ перемѣнъ, которые еще такъ недавно стали дѣлать Сибирь неузнаваемой. Но въ общемъ надо признать, что авторъ вложилъ въ свой трудъ и сильный критерій антропогеографической науки, и добросовѣстное знаніе изслѣдуемаго предмета, не говоря уже о самомъ живомъ, участливомъ отношеніи къ прошлому, настоящему и будущему состоянію Сибири.

Въ книжѣ 12 главъ. Начиная съ обзора физико-географическихъ условій страны, авторъ скоро переходитъ къ обзору ея населенія, „какъ творящаго субъекта“, и ея производительныхъ силъ, затѣмъ къ ея хозяйственной дѣятельности. Послѣдняя составляетъ главную часть всего содержанія книги. Скотоводство, рыболовство, охотничій промыселъ, ископаемыя богатства, районы и виды кустарной и обрабатывающей промышленности, маслодѣліе, торговля, пути сообщенія, экономические центры и экономическая перспектива Сибири — вотъ вопросы, которые освѣщены авторомъ въ живомъ, но серьезному и тщательно продуманному изложеніи.

Авторъ смотритъ на Сибирь, какъ на страну съ суровыми условіями природы, невыгодными взаимоотношеніями къ соѣднимъ районамъ Европейской Россіи и иловоземныхъ странъ, рѣдкимъ и, стало-быть, слабо сорганизованнымъ населеніемъ. Но тѣмъ не менѣе могучее вліяніе Сибирской желѣзной дороги, наплыvъ труда и капитала съ волнами переселенческаго движенія и стихійный ростъ земледѣльческой культуры Сибири дѣлаютъ свое дѣло, и авторъ суждить своей странѣ большія перспективы. Онъ видитъ ея будущее въ сельскохозяйственномъ развитіи и, наоборотъ, мало полагается на мѣстную обрабатывающую промышленность.

Это — только общіе итоги книги; но въ ней все время излагаются и освѣщаются разные детальные факты изъ экономической жизни Сибири, весьма интересные сами по себѣ, живо и талантливо освѣщаемые на фонѣ очередныхъ задачъ необходимаго развитія Сибири.

Бо — въ.

С М Ъ С Ъ.

Изслѣдованія проф. Ногучи относительно заразныхъ болѣзней. Недавно въ засѣданіи Королевскаго Медицинскаго Общества въ Лондонѣ проф. Ногучи изъ Рокфеллеровскаго института демонстрировалъ результаты своихъ изслѣдований сифилиса, общаго паралича душевнобольныхъ, эпидемическаго дѣтскаго паралича и бѣшенства. Всякій, кто присутствовалъ на сообщеніи проф. Ногучи и видѣлъ густую толпу врачей, тѣснившихся около него и ловившихъ каждое его слово, не могъ не признать глубокаго значенія его открытій.

Ни одинъ человѣкъ науки не работаетъ въ одивочку или полагаясь только на свои собственные силы; и надѣ тѣмъ, что можетъ быть названо „высшими типами“ микробовъ, тоже была произведена обширная совместная работа, совершающаяся въ различныхъ частяхъ міра. Намѣтимъ въ нѣсколькихъ сло-вахъ постепенный ходъ этой работы. Вернемся на полстолѣтія назадъ, къ самыемъ раннимъ методамъ Пастѣра. Мы можемъ считать 1855 годъ прибли-зительной датой, съ которой ведеть свое начало „теорія микробовъ“. Въ про-долженіе ряда лѣтъ единственнымъ методомъ, которымъ располагалъ Пастѣръ для полученія чистыхъ культуръ микробовъ, было употребленіе жидкіхъ средъ, въ родѣ бульона; а при тѣхъ условіяхъ, въ какихъ находилась бактеріо-логія пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, пользованіе этими жидкими средами было сопряжено со множествомъ затрудненій. Ему пришлось ждать до 1872 г. от-крытия того факта, что микробы могутъ разводиться также и на твердыхъ средахъ, напр. на желатинѣ или на ломтикахъ картофеля. И только въ 1875 г. былъ открытъ способъ окрашиванія микробовъ анилиновыми красками, что дало возможность различать подъ микроскопомъ однихъ микробовъ отъ дру-гихъ, окружающихъ ихъ.

Пастѣръ скончался въ 1895 г.; следовательно, онъ прожилъ десять лѣтъ послѣ первого примѣненія имъ предохранительныхъ прививокъ противъ бѣ-шенства и два года послѣ первыхъ практическихъ опытовъ примѣненія диф-терійного антитоксина, но изученіе высшихъ типовъ микробовъ при его жизни еще только начиналось. Къ тому времени, когда онъ умеръ, многіе изъ низшихъ типовъ микробовъ — бациллы и микрококки — уже были открыты, изолированы, чистыя культуры ихъ разводились на твердыхъ средахъ, и уже было доказано путемъ прививки ихъ животнымъ, что они являются истинной причиной той или другой заразной болѣзни. Но высшіе типы болѣзнетвор-ныхъ микроорганизмовъ, какъ напр. *Plasmodium* малярии, все еще ожидали своего изслѣдованія. Послѣ смерти Пастѣра была обнародована превосходная работа Росса, посвященная малярии, а затѣмъ къ этому открытию присоеди-

нились еще два другихъ, имѣющихъ не менѣе важное значеніе, а именно: открытие (Шаудианомъ, Гофманомъ) Spirochaeta pallida у больныхъ сифилисомъ и открытие (Фордомъ, Дѣттономъ) Trypanosoma gambiense при сонной болѣзни. Эти два открытия ввели наконецъ сифилисъ и сонную болѣзнь въ кругъ недуговъ, подлежащихъ вѣданю практической бактериологіи.

Но для доказательства того, что эта спирохета не только сопутствуетъ болѣзни, но и дѣйствительно вызываетъ ее, нужно было получить ея чистую культуру и убѣдиться путемъ прививокъ ея животнымъ, что она вызываетъ у нихъ характерные симптомы. Сифилисъ долженъ быть изученъ такъ же, какъ въ свое время были изучены дифтеритъ, столбнякъ, тифозная горячка и туберкулезъ. И главный результатъ всей работы, произведенной Эрлихомъ и его учениками съ сальварсаномъ, заключается именно въ установлении того факта, что въ частицахъ ткани кролика, зараженного этой болѣзнию, Spirochaeta pallida оказывается налицо при изслѣдованіи подъ микроскопомъ до введенія соответствующей дозы сальварсана и исчезаетъ послѣ примѣненія этого средства. Эта работа отличалась неизмѣримой сложностью и еще далеко не доведена до конца.

Кромѣ Spirochaeta pallida существуетъ еще много другихъ видовъ спирохетъ, которыхъ могутъ быть открыты въ тѣлѣ при тѣхъ или другихъ его состояніяхъ: такъ, проф. Ногучи демонстрировалъ семь видовъ ихъ. Но онъ расчистилъ путь для будущихъ работниковъ на этомъ полѣ. Онъ различилъ среди спирохетъ такихъ, которыхъ нуждаются для своего развитія въ нѣкоторомъ количествѣ воздуха, и такихъ, которыхъ не могутъ существовать при доступѣ къ нимъ воздуха; онъ открылъ методъ введенія въ каждую трубочку съ чистой культурой частицы стерилизованной животной субстанціи,— и всѣ эти методы представляютъ большую цѣнность.

Но это еще не все. Онъ обнаружилъ, далѣе, въ мозгу душевнобольныхъ, пораженныхъ общимъ параличомъ, присутствіе Spirochaeta pallida. Она была найдена въ двѣнадцати случаяхъ изъ семидесяти. Намъ нѣть надобности подчеркивать все важное значеніе этого факта.

Професору Ногучи удалось, также получить чистую культуру микробовъ прежняго polio-myelitis (эпидемического дѣтскаго паралича). Изъ всѣхъ многочисленныхъ болѣзней дѣтскаго возраста, въ которыхъ искусство врача и его научныя знанія не могутъ принести большой пользы, лишь немногія оказываются не поддающимися лѣченію въ такой мѣрѣ, какъ дѣтскій параличъ. Мы обязаны изученіемъ его главнымъ образомъ Рокфеллеровскому институту. Первое мѣсто здѣсь принадлежитъ великолѣпной работе Флекснера, посвященной эпидемическому перебросспинальному менингиту, и его открытію (въ 1908 г.) специального антитоксина противъ этой болѣзни; затѣмъ тамъ же было предпринято изслѣдованіе эпидемического дѣтскаго паралича. Держать въ своихъ рукахъ въ пробиркѣ болѣзнетворные зародыши, вызывающіе дѣтскій параличъ,— это цѣлое событие для человѣка, работавшаго изъ года въ годъ въ дѣтской больницѣ еще задолго до основанія Рокфеллеровскаго института и возникновенія самой мысли о немъ. Этого достаточно, чтобы внушить ему увѣренность, что еще черезъ нѣсколько лѣтъ врачи будутъ въ состояніи пріостанавливать развитіе этой болѣзни, прежде чѣмъ она успѣТЬ причинить непоправимый вредъ нервнымъ клѣткамъ спинного мозга.

Подъ конецъ проф. Ногучи остановился въ своемъ сообщеніи на бѣшенствѣ (водобоязни). Ему удалось получить въ чистой культурѣ микроскопическая тѣльца, которыхъ были открыты Негри въ головномъ мозгу при этой болѣзни. Онъ демонстрировалъ передъ Королевскимъ Медицинскимъ Обществомъ на экранѣ фотографіи, изображающія циклъ развитія, — нѣсколько сходный съ развитіемъ Plasmodium malariae,— черезъ который проходятъ

ловокомъ Звѣринцѣ, устроенная на томъ мѣстѣ, гдѣ ветарину находился пчельникъ царя Алексія Михайловича.

Пасѣка общества основана въ концѣ 60-хъ годовъ на средства, пожертвованныя А. И. Евсеевымъ и И. Г. Гурьевымъ. Устройствомъ пасѣки Общество, главнымъ образомъ, обязано трудамъ покойныхъ профессоровъ Московскаго университета К. Ф. Рулье и А. П. Богданова.

Въ настоящее время при пасѣкѣ имются учебныя мастерския, домъ для помѣщенія практикантовъ и очень богатый музей пчеловодства, гдѣ, между прочимъ, сохраняются древніе ульи съ коронами и вензелями царя Алексія Михайловича и царицы Натальи Кирилловны Нарышкиной, — остатки пчельника Тицайшаго царя.

Лѣтомъ на пасѣкѣ Общества Акклиматизаціи организуются курсы рациональнаго пчеловодства для крестьянъ и сельскихъ учителей.

Кромѣ двухъ крупнѣйшихъ учрежденій (зоологическаго сада и опытной пасѣки) Императорское Русское Общество Акклиматизаціи животныхъ и растеній обладаетъ еще и нѣсколькими болѣе мелкими, въ томъ числѣ: гидробиологической станцией на Глубокомъ озерѣ, въ Рузскомъ уѣздѣ, Московской губерніи, гдѣ производится наблюденія надъ фауной водъ, бактериолого-агрономической станцией, ветеринарно-биологической и ихтиологической лабораторіями.

Общество свое 50-лѣтіе уже отпраздновало въ 1907 году, когда исполнилось 50 лѣтъ отъ основанія акклиматизаціоннаго отдѣла при Московскому Обществѣ сельского хозяйства. Празднованіе 50 лѣтія зоологическаго сада перенесено на августъ — сентябрь текущаго года. Теперь, когда большинство обитателей зоологическаго сада скрыто въ зимнихъ помѣщеніяхъ, а самый садъ лишень зеленої одежды, нѣть возможности придать этому празднеству приличествующій случаю торжественный характеръ.

Осенью же 1914 года Общество устраиваетъ въ зоологическомъ саду юбилейную всероссийскую выставку акклиматизаціи, на которой будутъ съ нечертывающей полнотой представлены всѣ виды флоры и фауны Россіи.

(*Русское Слово*).

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Для гг. подписчиковъ.

1. Редакція принимаетъ на себя ответственность передъ подписчиками за своевременную доставку лишь въ томъ случаѣ, если подписка адресована непосредственно на ея имя (адрес см. ниже).

2. Контора журнала не отвѣтствуетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, где неѣть почтовыхъ учрежденій.

3. При сообщеніи адреса, куда слѣдуетъ высылать журналъ, необходимо обозначить имя, отчество и фамилію подписчика, равно губернію, уѣздъ и ближайшее почтовое учрежденіе, въ которомъ допущена выдача журналовъ.

4. Жалобы о неполученіи журнала слѣдуетъ присыпать не позже получения сѣдующаго номера журнала, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы, такъ какъ, при неисполненіи этихъ двухъ условій, жалоба подписчика по почтовымъ правиламъ не можетъ быть удовлетворена.

5. При заявлѣніи о неполученіи журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разерочкѣ подписной платы необходимо прилагать печатный адресъ, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

6. При каждомъ заявлѣніи о перемѣнѣ адреса слѣдуетъ прилагать 50 коп. почтовыми марками.

7. Лица, адресующія въ редакцію разными запросами, для получе-
нія отвѣта благоволять прилагать почтовую марку.

8. Подписчики, желающіе получить изъ конторы журнала квитанцію или счетъ, благоволять выслать 5-копеечную гербовую марку и 7-копеечную почтовую марку для отвѣта.

9. Наложеннымъ платежомъ книжки журнала не высыпаются.

10. Контора и редакція журнала не принимаютъ заказовъ на покупку книгъ для подписчиковъ, а также подишки на другіе журналы и газеты.

Для гг. авторовъ.

1. Рукописи, присыпаемыя въ редакцію, должны быть четко перепи-
саны, снабжены подписью автора и его адресомъ. При этомъ статья можетъ
быть напечатана за тою подписью, которую авторъ пожелаетъ снабдить свою
статью въ печати, о чмъ авторы приглашаются заявлять на самой рукописи
подъ своею настоящею подписью, которая, по желанію автора, останется
извѣстно только редакціи журнала. Рукописи безъ указанія размѣра воз-
награжденія считаются бесплатными.

2. Не принятые рукописи возвращаются только за счетъ автора, въ
видѣ посылки или подъ заказною бандеролью. Рукописи, не взятые авто-
рами въ теченіе полугода, будутъ уничтожены.

3. Принятые статьи, въ случаѣ надобности, подвергаются сокращеніямъ
и исправленіямъ по усмотрѣнію редакціи, если авторъ не оговоритъ на ру-
кописи или въ препроводительномъ письмѣ, что согласенъ на помѣщеніе
статьи только при условіи неизвѣсности ея текста.

4. Для личныхъ объясненій просятъ обращаться въ редакцію (*Донская*
улица, домъ № 31 Даниловой, кв. № 3) по понедѣльникамъ, отъ 3 до 7 ч.
вечера, кромѣ праздничныхъ дней и лѣтнихъ мѣсяцевъ іюня и юля.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1914 г.

НА ЕЖЕМЬСЯЧНЫЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

„ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ и ГЕОГРАФИЯ“.

Выходитъ ежемѣсячно, за исключеніемъ двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ (июня—июля), книжками въ 5—6 печатныхъ листовъ.

Журналъ ОДОБРЕНЪ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народного Просвѣщенія для фундаментальныхъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній и для учительскихъ библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій и городскихъ училищъ; Ученымъ Комитетомъ Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ ОДОБРЕНЪ за всѣ годы существованія и допущенъ на будущее время въ библіотеки подвѣдомственныхъ Министерству учебныхъ заведеній; Ученымъ Комитетомъ Министерства Торговли и Промышленности РЕКОМЕНДОВАНЪ въ библіотеки коммерческихъ учебныхъ заведеній.

Журналъ ставить себѣ задачей удовлетворять научному интересу читателей въ области естествознанія и географіи, а также способствовать правильной постановкѣ и разработкѣ вопросовъ по преподаванію естествознанія и географіи. Въ журнале видаются отдѣльно: 1) научно-популярные статьи по всѣмъ отраслямъ, естествознанія и географіи, статьи по вопросамъ преподаванія естествознанія, теоретического и прикладного (садоводство, пчеловодство и т. п.), и географіи, 2) аквариумъ и террариумъ; 3) библіографія (обзоръ русской и иностранной литературы по естествознанію и географіи); 4) хроника; 5) сибирь; 6) вопросы и отвѣты по предметамъ программы.

Въ журнале были помещены статьи: И. Я. Аквициена, А. Н. Артара, проф. П. И. Бахметьева, В. В. Боданова, проф. В. Н. Бодырева, Л. И. Бородовскаго, проф. А. Ф. Брандта, проф. В. А. Вагнера, Н. Н. Вакуловскаго, В. И. Верещагина, П. Волыногорскаго, проф. С. П. Гладенова, проф. М. И. Голенишина, В. И. Грацианова, М. И. Демкова, проф. А. С. Дотеля, В. Дубинскаго, Л. Н. Елагина, Е. В. Жадовскаго, Б. М. Житкова, В. Р. Заленскаго, проф. Н. Ю. Зографа, Н. О. Золотницкаго, А. П. Иванова, проф. М. Ф. Иванова, проф. И. А. Каблукова, проф. Н. Ф. Каценко, В. В. Кистиковскаго, Н. М. Киповича, проф. Г. А. Кожевникова, М. А. Кожевниковой, проф. А. Н. Краснова, А. А. Крубера, проф. Н. И. Кузнецова, проф. И. М. Кузагина, А. Ф. Лайстера, М. Э. Мендельсона, С. П. Мечи, Г. А. Насона, акад. проф. Н. В. Насонова, проф. А. М. Никольскаго, К. Д. Носилова, проф. А. П. Наполеон, Б. Е. Райкова, А. Н. Рождественскаго, проф. Я. В. Самойлова, проф. В. В. Сапожникова, К. А. Сатунина, проф. К. К. Севть-Илера, М. М. Сизова, В. И. Талеева, проф. К. А. Тимирязева, проф. А. А. Тихомирова, С. В. Форфаровскаго, Н. Р. Фрейберга, проф. Н. А. Ходаковскаго, проф. В. М. Шамковича, П. Ю. Шмидта, проф. Я. П. Щелкановава, проф. А. Эйхенвальда, Э. В. Эриксона и другихъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ съ доставкою и пересылкою 4 руб. 50 коп., на полгода съ доставкою и пересылкою 2 руб. 50 коп.; за границу 7 руб. За ту же цѣну можно получать журналъ за 1903—1913 годы; за остальные годы (1896—1902) по 4 руб. за каждый годъ съ пересылкой. Выписывающіе всю серію за первый 10 лѣтъ платятъ 35 р. съ пересылкой. Книжки журнала въ отдельной продажѣ стоятъ 75 коп. каждая.

Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за комиссію и пересылку денегъ только 20 коп. съ каждого годового полнаго экземпляра. Подписка въ разсрочку отъ книжныхъ магазиновъ не принимается, и наложеннымъ платежомъ книжки журнала не высылаются.

При непосредственномъ обращеніи въ контору допускается разсрочка: при подпискѣ 2 р. 50 к. и къ 1 июня 2 р. Другихъ условій разсрочки не допускается.

Контора редакціи: Москва, Донская улица, домъ № 31 (Дашаевой), кв. № 3.

Редакторъ-издатель М. П. Варавва.